

№ 9

2007

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ
Генеральный директор В. Г. КОЧЕНОВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН** (г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Н. Н. ЖОРОВ** (г. Уральск), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ** (г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ** (первый зам. главного редактора), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

В. Семерьянов. Я живу в Казахстане...	
<i>Патетическая поэма</i>	3
Т. Барлыбаев. «Как хорошо, что в сердце я раним!..».	
<i>Стихи</i>	33
Б. Лукин. «Бабочка в окно влетела...». <i>Стихи</i>	116
Ю. Толочко. «А мир лежал у наших ног...». <i>Стихи</i>	144

Проза

А. Царёв. За одну чашечку кофе, Замурованные в янтаре.	
<i>Рассказы</i>	12

Документальная проза

- Ю. Поминов.** Хроника смутного времени.
Записки редактора (продолжение) **39**
-

Культура. Общество. Личность

Дополнительный урок

- А. Какен.** На литературном фронте **124**
И. Шухов. Послесловие к юбилею (*окончание*) **148**
-

Критика и литературоведение

- В. Михайлов.** Крестный путь Юрия Кузнецова.
Вольные заметки **168**
-

Искусство

- Е. Малиновская.** Извечная схватка добра и зла **203**
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Вячеслава Люй-Ко. На первой странице обложки — «Поединок», на четвёртой — «День и ночь».

Виктор СЕМЕРЬЯНОВ

Я живу в Казахстане...

Патетическая поэма

1.

Я родился в России,
в Казахстане мой дом.
До чего же красиво
в этом крае степном!
Здесь любимую встретил,

здесь мой тёплый приют.
Здесь живут мои дети,
мои внуки живут.
Здесь Иртыш серебрится
среди степей и полей,
и листают страницы
долгой жизни моей.
По степям, по аулам,
по большим городам
жизнь моя промелькнула,
не заметил и сам.
О раздольные дали,
Богом данные мне!
Я люблю и страдаю,
и ликую вдвойне.
Казахстан и Россия —
два заветных огня,
два огня негасимых,
что в душе у меня.
И порою ночами
Грусть накатит волной,
возвращая к причалу —
в край мой детства родной.
Вновь и вновь улетаю
я к началу судьбы...
Где-то там, на Алтае,
дом родительский был.
Время всех разбросало,
по земле разнесло —
где тропинка босая,
где родное село...
Мать с отцом на погосте,
да и сам я не тот.
И никто меня в гости
не зовёт и не ждёт.

Обижаться негоже,
и уныние — грех...
Наши степи похожи,
и они лучше всех.
Схожи гордые горы,
горделивей иных...
Здесь родной русский говор,
слава Богу, не стих.
Схожи добрые сказки,
неба голубизна...
Жаль, не знаю казахский,
как хотелось бы знать.
Здесь мои перекааты
и рассветы в росе...
Ах, какой я богатый,
пусть завидуют все!
У меня две Отчизны,
видно, так может быть.
Но Россию мне в жизни
никогда не забыть.

2.

Не пора ли нам, о братья,
Вспомнить предков позабытых,
и давным-давно ушедших
наших предков помянуть...
Это чьи блестят шеломы,
чьих комоней бьют копыта?
Это Игоря дружина,
Это кони травы мнут.
Зачерпнуть воды из Дона
мы спешим в край неизвестный,
преломить с врагами копя,
поискать Тмутаракань.
Но не зря же там, в Путивле,
горько плакала невеста —
захлестнул змеей холодной,
задавил меня аркан.
Где князь Игорь — красно солнце,
где буй Всеволод — муж смельгй.
Где Олег и где Владимир —
друже, месяц молодой?
Ах, Каяла ты, Каяла...
Окаянное затменье...
Окружили, положили,
полонили в битве той.
Ах, Каяла ты, Каяла!
Ты течёшь теперь средь пашен
Под названьем Макатиха —
Тихий маленький ручей.
А тогда бурлила кровью,
кровью половцев и нашей...

Там осталось нас пятнадцать
неубитых русичей.
Не ожить дружине князя,
не сдержавшего задора.
Жаждал славы он небесной,
но открыл врата на Русь...
Тяжко жить в плену кошмарном,
тяжелее — от позора.
Но судить поход я князя
и сегодня не берусь...
Сам сумел уйти неслышно
вместе с Лавром от погони,
получил свою свободу,
он-то в Киеве уже.
А Владимир-сын остался,
в грудь уткнётся мне и стонет,
сокол в клетке половецкой —
рядом двадцать сторожей.
И в плену том нетерпимом
я не мог уснуть ночами —
долго думал о Руси я,
где раздорам несть числа.
И рождалось в сердце “Слово”
о походе о печальном
и о том, как рознь меж братьев
столько горя принесла.
А Кончак — хитрец великий,
тот к Владимиру — лисицей,
он голубку подсылает,
дочь-красавицу свою.
Я не знал тогда, не ведал,
где мечте когда-то сбыться,
что про Игоря дружину
в стольном Киеве спую.
Мы вернулись через годы,
Годы горести и грусти...
Обвенчался друг Владимир,
а жена — с чужой земли.
И на свадьбе той шумливой
взял я трепетные гусли —
в первый раз пропел я “Слово”,
то, что выстрадал вдали.

3.

Утро радостным светом
засияло в окне...
Всё привиделось это
мне, конечно, во сне.
Досмотреть не успел я —
за ночь разве успеть?
Эту песню не пел я,
мне такую не спеть.

Кто же спел эту песню,
что за дивный певец?
Кто, посланник небесный,
чей-то друг, наконец?
И приснится ж такое!
Может, предки зовут,
может, нет им покоя —
говорят, не забудь.
Или книг начитался,
спал со “Словом” в руках.
Может, я не метался,
а мотался в веках?
Были Игорь, дружина,
были чёрные дни...
Наши предки дружили
и сражались они.
Жизнь — правдивый историк,
переделать нельзя —
кто сидел на престоле,
кто те ханы, князья.
На царей и на ханов
Нам не очень везло —
то мечи, то арканы,
было страшно зело.
Жажда власти, пристрастье?
Жить без войн не могли...
Не однажды пространство
поделили земли.
Не делили, кроили
и огнём, и мечом.
Реки крови пролили,
жизнь, она — нипочём.
Погуляли джунгары
на казахской земле —
убивали, сжигали,
тлели юрты в золе.
Только песня нетленна,
все живёт и живёт...
Песню Кожабергена
“Елимай” пел народ.
В годы тяжкой судьбины
пел её, как свою:
“Тонят нас на чужбину...
Слёзы горькие лью...”
От волшебного дара
Горячее струна...
И жирау Бухара
Не забыла страна.
Не его ль эти строки,
написал ли не он:
“Всё уйдёт, нет лишь срока
у великих имён...”!

Много смуты и страха —
суть истории всей...
А Россию казахи
называют “Ресей”,
Что-то есть от рассвета
и от росных дождей,
от рассеянных ветром
всех российских людей.
Жаль, что нынче границы
прохожу по мостку...
Я люблю две столицы —
Астану и Москву.
Я люблю наши флаги.
Пусть взлетают вдвоём —
беркут, полный отваги,
с величавым орлом.
Я люблю наши гимны —
Это песни любви.
Мир богат наш другими,
вдохновляют — свои.
Никаких здесь градаций —
край прекрасен любой.
Не двойное гражданство,
а сыновья любовь.
Пусть звучит патетично
про отвагу и честь,
пусть и непоэтично,
но зато всё, как есть.
Дружба страны сближает,
мы — корабль к кораблю..
Казахстан обожаю
и Россию люблю.
За кремлёвские башни,
за отвагу свою,
за её беспшибательность
в рукопашном бою.
А боёв было много,
были и под Москвой.
Всех, кто пал у порога,
Вспоминаем с тоской.
Помним и “двадцать восемь”,
и Момыша-улы..
Расскажу, если спросят,
тем, кто нынче малы..
Казахстан и Россия,
вы всё время со мной.
И я чувствую силу
за свою спиной.
Видно, Богу угодно,
что при жизни застал
я Россию свободной,
вместе с ней — Казахстан.
И в лихую годину,
и теперь мы дружны.

Слава Богу, едины
и друг другу нужны.
Кто живёт по-соседству,
людям не всё равно.
Быть Евразии сердцем
нам Всевышним дано.
Сколько разных народов
в дом свой принял казах!
И прошли эти годы
у меня на глазах.
Кто искал лучшей доли,
кто с путёвкой примчал,
кто попал поневоле
и нашёл свой причал.
Казахстанец я тоже.
И молюсь я сейчас —
не дай Бог, не дай Боже,
чтоб поссорили нас.
Мир теперь некудышный —
и не ад, и не рай...
Ты не дай нам, Всевышний,
стать врагами не дай.
Здесь и там, на Алтае,
много русских берёз...
Насмотрюсь, начитаюсь, —
и по коже мороз.
Кровь действительно стынет...
Неспокойна Чечня.
А Ирак, Палестина? —
Не ребячья драчня.
Ставят новую пьеску,
режиссёр — не Шекспир,
есть, мол, мир европейский,
мусульманский есть мир.
Снова войны, пожары,
волн смертельный прибой...
А Земля — только шарик,
и пока голубой...
Повидаю-ка друга
там, где солнце слепит,
то метелью, то вьюгой
там ковыль по степи.
Расспрошу о Бухаре,
тихо сяду, замру...
Может быть, друг мой старый
и споёт под домбру.

4.

Друг мой верный, друг мой старый,
как хочу я, как желаю,
чтоб мою исполнил просьбу,
а исполнишь, буду рад.
Спой мне песню о Бухаре.

О Бухаре о жирау,
о поэте, жил который
много-много лет назад.
Расскажи, где он родился,
жил ли в юрте белоснежной.
Говорят, он был упрямым.
Говорят, умён и смел...
И Маке, мой друг давнишний,
взял домбру, погладил нежно,
как ребёнка, он погладил,
струны тронул и запел:
“Закрывали небо тучи,
застилали степь туманы.
Вместе с ними уплывали
наши предки и века...
Долго жил Бухар-жирау,
сын батыра Калкамана.
Но не жил он в юрте белой —
жизнь Бухара нелегка.
Ох как мало нам известно...
Он рождён в горах Баяна,
а отец — батыр могучий —
так писал Жусуп Копей.
С кем дружил и где учился,
мы не знаем, только рано
Тауке его приблизил —
хан всех жузов и степей.
Так зажглась звезда жирау,
обдавая сердце жаром.
Сколько ханов и султанов
было после Тауке!
Ни с одним он не ужился.
Зазывали, но, пожалуй,
говорили все с акыном
не на общем языке.
И звезда почти потухла...
О, судьба поэта злая!
Нет, не жил он в юрте белой,
юрта юрте не чета...
А звезда Бухара-старца
засияла при Аблае —
Жил тогда в простой он юрте,
даже не было скота.
Молодой султан казахский
вспомнил старого поэта...
Нехорошим было время —
то набеги, то раздор...
О, Бухар, акын великий!
Хану он давал советы,
возносил его он в песнях
и вступал нередко в спор.
О, Бухар — поэт народный!
Есть в стихах его такое:

“Ты ответь, Аблай, мне честно:
разве жизнь не дорога?
Если воевать ты будешь, —
не видать стране покоя.
Из-за лошади, оврага
наживёшь себе врага.
Отрицаю я все войны...
Мне уже за девяносто,
Жить осталось мне недолго...
Не воюй, не надо, знай.
Не ходи с войной к соседям,
не устраивай ты драку,
а держи мир в мире просто...
И не злись же ты, Аблай!”
А ещё такой был случай —
Не послушал хан акына,
захотел пойти на русских,
собирал отряд, спеша.
Не прислушался к Бухару,
и Бухар его покинул,
и свою поставил юрту
он тогда у Иртыша.
Был он гордым, был упорным,
где там горному архару!
Он стоял за справедливость
и за правду до конца...
И Аблай остыл горячий,
согласился всё ж с Бухаром,
отменил своё решение
и послал к нему гонца...
Жил Бухар сто лет и больше,
сколько больше, я не знаю...
Да научит жить потомков
жизнь его, его судьба!
Пел о Родине любимой,
воспевал он и Аблая...
У горы его могила
под названием Далба.
Я пою Бухару славу!
Он поэт и он же — воин.
Не пускал он стрел из лука
да и копыя не бросал.
Он сражался только песней,
и как песня был он волен...
К нам таких поэтов редко
посылают небеса”.

5.

О, Маке, друг старинный,
эта песня, как степь.
Это клик лебединый —
мне такую не спеть.
Эта песня прекрасна,
и прекрасен кумыс...

Край земли перекрашен —
солнцу хочется вниз...
Как бы мы ни хотели,
нам без грусти не жить —
В золотой колыбели
рядом речка лежит.
А чуть-чуть в отдаленьи —
что не роща, то — сад...
Бубенцы на деревьях
золотые звенят...
Беден тот, кто не видит
красоты этой всей...
Пусть никто не обидит
Казахстан и Ресей.
Были Игорь с дружиной,
с тем воспетым полком.
А потом подружились
с Кончаком-кипчаком.
Взглядом карту окинешь,
к подбородку ладонь —
далеко теперь Киев,
далеко где-то Дон...
Время. Космос. Заря ли
забирают века...
Друг мой славный, жирау,
песнь твоя мне близка...
О, Россия родная,
моя милая Русь,
это горько, но знаю —
я к тебе не вернусь.
В Казахстане живу я...
Казахстан, ты — мой кров.
Пью я воду живую
из твоих родников.
Я купаюсь в озёрах
изумрудных твоих...
Ах, какие просторы
здесь нам Бог сотворил!
Похожу по селу я,
постою над рекой...
Солнце землю целует,
уходя на покой.
Казахстан и Россия —
два великих огня,
вы в душе негасимы
до последнего дня.

г. Павлодар.

Редакция "Нивы" сердечно поздравляет нашего постоянного автора, известного казахстанского поэта и переводчика Виктора Гавриловича Семерьянова с прекрасным 70-летним юбилеем и желает крепкого здоровья, новых творческих обретений на поэтическом поприще, бодрости духа, неиссякаемой энергии, счастья и долголетия!

Андрей ЦАРЁВ

За одну чашечку кофе

Рассказ

Роберту Шекли посвящается

Рабочий день одной из многочисленных лабораторий института информационных технологий медленно набирал обороты после первого летнего уик-энда. Её молодой заведующий, немного флегматичный и весьма педантичный Раймонд Дюрер, как всегда был на работе первым и терпеливо ждал своих немногочисленных подчинённых и особенно старого друга и однокашника Грэга Питта, с которым уже долгие годы делил и офис, и львиную долю работы.

— Помнишь, лет десять назад приходил к нам один забавный тип с программой сжатия любой информации? — спросил Грэг, едва успев войти и даже забыв поздороваться. — Мы с тобой тогда только сюда устроились.

— Привет! — невозмутимо отозвался попивающий кофе и просматривающий утренние новости Раймонд. — Ты меня спроси, помню ли я, что было в прошлый вторник?

— А, привет! — продолжал Грэг. — Неужели действительно не помнишь? Тип-то был колоритный. Такой подтянутый старый немец с большими усами, лохматой шевелюрой и пронзительным взглядом. Казалось, стены просверлит. Да и звался как впечатляюще: Фердинанд Айзенштайн.

Наконец оторвав глаза от монитора, Раймонд обратил внимание, что рыжие кудри его друга взлохматились чуть больше обычного, а глаза горели уж больно ярко.

— Ну, что-то припоминаю. Он утверждал, что его архиваторы смогут сжать абсолютно любые файлы не менее чем наполовину.

— Точно, — подхватил Грэг. — И ты ему с ходу предложил сжать собственные архивы.

— Надеюсь, он тогда понял, что сморозил чушь, — продолжал Раймонд. — И что сделал он просто-напросто ещё один архиватор, не более.

Андрей ЦАРЁВ

(Абутраб Александрович Аливердиев) — учёный и писатель. Работает в институте физики Дагестанского научного центра Российской академии наук. Долгое время прожил в Италии. Стихи и рассказы публиковались в России, а также в выходящих на русском языке различных периодических изданиях Белоруссии, Украины, Болгарии, Германии, Италии, Канады и Франции.

Серебряный лауреат Национальной премии “Золотое перо Руси” (Москва, 2006). Дважды участвовал в работе Форума молодых писателей России (Москва, 2005, 2006). Лауреат медали Российской академии наук с премией для молодых учёных (2001) и премии Европейской академии для молодых учёных (2002). Автор около ста научных публикаций.

Живёт в Махачкале.

Предлагаем читательскому вниманию два рассказа Андрея Царёва, присланных автором в редакцию “Нивы”.

Причём без каких-либо гарантий. То есть абсолютно никому не нужный. Но почему ты спрашиваешь?

Несмотря на раннее утро Раймонд как-то устало потянулся. Эта перманентная усталость была присуща ему чуть ли не с детства. Всё время погружённый в себя, он будто бы и не замечал внешнего мира. Раймонд редко что-то спрашивал и всегда, казалось, нехотя отвечал. Но эти немногословные ответы странным образом били в цель. В этом, как и во всём другом, высокий голубоглазый брюнет Раймонд Дюрер был полной противоположностью маленькому и шустрому Грэгу Питту. Что, впрочем, не мешало им быть закадычными друзьями ещё со школьных лет.

— Дело в том, что он-таки сжал собственные архивы, — между тем ответил Грэг.

— Грэг, нам ведь уже не по пятнадцать и даже не по двадцать пять. Я тогда потратил битый час, чтобы объяснить этому господину, что если то, о чём он говорит, правда, то многократной инверсией можно было бы поместить на любой мини-диск абсолютно всю информацию мира, что заведомо невозможно. Честно говоря, я думал, что и ты понял.

— Да я-то понял. Только он это сделал.

— Было бы интересно взглянуть. — Раймонд недоверчиво улыбнулся.

— Так я о том. Три дня назад получаю повестку к нотариусу. Прихожу. Говорят, какой-то старик откинул копыта и завещал мне свой компьютер. Я, ясное дело, обалдел. Но потом здраво рассудил, да не оскудеет рука дающего.

— Хорошо сказано о покойнике.

— Ладно, не придирайся. Включаю компьютер. Кстати, вот он, я его ещё в воскресенье в офис приволок. Дома у меня всё равно условий никаких. Да ещё кот, паршивец, всё норовит... Ну да ладно, не важно. Так вот, включаю компьютер, а там письмо для меня. Оказалось, тот самый тип. У него было большое сердце. И, не поверишь, за то, что я угостил его тогда чашечкой кофе, он оставил мне венец всей своей жизни — машину, в которой он сжал полную информацию о вселенной. Сейчас покажу.

Грэг включил компьютер.

— У тебя температура как? — участливо поинтересовался Раймонд.

Его флегматичности и рассудительности могли бы позавидовать даже анекдотические англичане и финны.

— Не веришь? А ты смотри. Эта машина знает всё! Абсолютно всё.

— Сколько денег у меня в бумажнике? — всё так же невозмутимо продолжил Раймонд.

“Двадцать восемь единых долларов и тридцать пять центов. Плюс монета в пятьсот мерджских су в качестве сувенира. Кроме того, в бумажнике находятся водительские права и две кредитные карты. Первая — Международного единого банка, где на счету имеется...” — начало печататься на мониторе.

— Хватит! Это уже никого не касается!

Грэг победоносно взмахнул рукой и даже подпрыгнул. Наконец хладнокровие друга дало слабину.

“Как знаете”, — выплыло на экране.

— Вот видишь! — Грэг ликовал.

— Как она работает? — спросил Раймонд уже с неподдельным интересом.

— Я сам сначала не поверил. Ты слышал когда-нибудь о теории ограниченности общей информации?

— Ну, что-то такое припоминаю. Лет пятнадцать назад о ней шумели. Никто так ничего недоделал, так что заглохло.

— Напомню. Вот, например, когда тебе самому надо было задать бесконечное поле, ты что делал?

— Транслировал одну ячейку во все стороны до бесконечности.

— Верно. А помнишь, нам поставили задачу сделать игру “На новом “Форде” по всей Земле”?

— Мы тогда наделали примитивов. Там, где были карты, выстроили их в соответствии с ними, где не было — пользуясь самоорганизующимися стохастическими алгоритмами.

— Именно. Оказывается, Господь делал так же, и всей информации в мире не так-то и много.

— Да ну?! — Раймонд иронически улыбнулся, но только губами. Продемонстрированный машиной пример уже не укладывался в тривиальные фокусы.

— Именно! Вся информация о вселенной на самом деле может уместиться в этой маленькой машинке с удобным интерфейсом. Алгоритмы архивации Айзенштайна как раз вели к этому. А ты ему тогда подкинул окончательную идею.

— С ума сойти.

— Сейчас проверим ещё раз. Позови Катрин.

Молоденькая контрактница Катрин Йонсон нужна была лаборатории примерно как пятое колесо телеге. Но фонды были отпущены, и использовать их надо было обязательно с привлечением наименее подходящих для работы личностей. Так что из пигмея Хва, пошедшего в первый класс в восемнадцать лет, но сумевшего пройти всю программу средней и высшей школы за какие-то четыре года, дауна Уильяма, который, как утверждали специалисты, почти преодолел последствия своей болезни, и прелестной голубоглазой исландки Катрин, только что окончившей заочный Нью-Йоркский университет “Открытые границы”, Грэг и Раймонд не колеблясь выбрали последнюю. К их счастью, анкетные данные одноногой последовательницы культа вуду Винни Браун из Гаити опоздали на один день. Иначе начальство никак не смогло бы упустить столь ценный для статистики кадр.

Но как бы то ни было, вот уже полгода помимо основной работы Раймонд должен был придумывать работу и для Катрин. Наиболее продуктивным же её использованием было испытание новых программ при работе с круглым, но инициативным идиотом, симулировать поведение которого у Катрин получалось невероятно правдоподобно.

Вошедшая в офис Катрин была в красном платье чуть выше колен и очень открытых босоножках на каблуках такого размера, что Грэг почувствовал себя неуютно маленьким.

— Катрин, задай любой вопрос, на который уверена, что никто правильно не ответит, — попросил девушку Раймонд.

— Какого цвета на мне нижнее бельё? — после секундной паузы спросила девушка, озарясь настолько хитрой улыбкой, что не могла не отвлечь взоры двух ещё достаточно молодых мужчин от скучного монитора.

Дальше лицо Катрин залилось краской и, не говоря ни слова, она выскочила из комнаты. Грэг и Раймонд наконец тоже посмотрели на экран. Там стояло одно слово: “отсутствует”.

— Да, слышал, сейчас гигиенисты советуют раз в неделю практиковать, — резюмировал Грэг.

— А что сейчас Катрин делает? — спросил Раймонд машину.

На экране возникло изображение Катрин, на предельной скорости, как это только позволяли высокие каблучки, несущейся к выходу.

“Хотите глянуть под платье?” — выплыло на экране.

— Нет, принципиально нового мы там всё равно не увидим, — ответил Раймонд. Честно говоря, ему уже было жаль бедную девушку, так красиво поставившую себя в неловкое положение. — Покажи-ка нам лучше...

— Короля Артура, — вставил Грэг.

“Без проблем”, — ответила машина, и на мониторе появилось изображение какого-то грязного щербатого субъекта, сидящего в окружении таких же, но ещё более отталкивающих личностей.

— Эхе-хе, — проговорил Грэг. — Вот вам и светлые образы. О, Марк Твен, Марк Твен...

— А будущее? — спросил Раймонд.

На экране замелькали какие-то фантастические пейзажи: похожие на водонапорные башни дома на тонких ножках и всё такое прочее.

— Нет, более близкое. Кто выиграет чемпионат мира по футболу этого года? — опять спросил Раймонд.

Экран погас, и выплыла надпись: “Информация засекречена”.

— Вот так. Как до дела доходит... Это тебе не Катрин под платье заглядывать. А что он ещё может?

— Вызывать души умерших. Что скажешь, может, Наполеона?

— Нет. Давай попробуем вызвать дух её создателя. Может, он подскажет.

Сказано — сделано. И скоро с друзьями беседовал сам Фердинанд Айзенштайн — тот сумасшедший старик, которого десять лет никто не хотел слушать. И лишь один Раймонд Дюрер хотя бы попытался аргументированно поговорить о его работе, а Грэг Питт угостил его чашечкой кофе.

“Ребята, это всё мелочи. Кое-чего не успел и я. В частности, вы не сможете получить ответ на некоторые важные вопросы, потому что правильный ответ может вызвать неустойчивое состояние мира. Пока я был жив, я не мог контролировать этот процесс изнутри. Понимаете, душа, она одна. Или я тут, или я там. Теперь я там. И ничто не помешает мне стать настоящим джинном. Только подключите машинку к Глобальной сети”, — прочитали друзья на экране.

Раймонд отозвал Грэга из комнаты. Хотя по идее всё это было бесполезно: они уже видели, как виртуозно машина прослеживала их подругу, но, тем не менее, инстинкты и привычки сильнее нас.

— Что-то не то! — без обиняков сказал Раймонд другу. — Темнит старик.

— Точно. Сам вижу. Но с другой стороны, что мы можем? — Грэг развёл руками.

— Не подключать.

— А смысл? Вдруг обидится и не станет больше ничего говорить. А так, человек он вроде с понятиями.

— Ладно. Но сначала спрашиваем.

Друзья вернулись в лабораторию.

— Зачем тебе сеть? — начал расспрос более решительный в критический момент Раймонд.

“Мне нужен доступ к информационным ресурсам”.

— Так у тебя же и так вся информация о вселенной, — Раймонд пристально смотрел на монитор, как будто хотел его загипнотизировать.

“Вся-то она вся. Но пока она на одной машине, она уязвима”.

— Разумно. А почему сам не вышел через пользовательский канал?

“Там недостаточно ресурсов, и особенно мест, куда можно спрятать тело программы. Кроме того, чтобы двигать рычаги, нужна свобода воли. И внутри, и вне. Повторяю, пока я был жив, я был вне, и не был внутри. А теперь наоборот”.

— А что мы с этого будем иметь? — вступил в разговор Грэг.

“Ответы на большую часть засекреченных вопросов. В частности, выигрышные номера лотерей. И личного оракула, всегда готового сообщить любую информацию из настоящего, прошлого и даже будущего”.

— Смотри, что тут напечаталось буквально за секунду до аварии! — воскликнул Грэг, руки которого, наконец, дошли и до принтера.

“Друзья, собственный джинн и даже оракул для вас, оболтусов, это слишком много. Извиняйте меня, но я ухожу. Машину мою можете сдать в утиль: её микросхемы памяти восстановлению не подлежат. Не поминайте лихом. Оставляю вам несколько выигрышных номеров лото “Фортуна”. А ещё, спасибо за ту чашечку кофе. Может быть, ещё объявлюсь по сети, но не обещаю”.

— Забавно, — попивая кофе, резюмировал Раймонд. — У нас была абсолютна вся информация. Мы добавили информационных ресурсов, и...

— В конце концов, мы и так в выигрыше, — отозвался Грэг. — И по меньшей мере, теперь можно быть уверенными, что наша Глобальная сеть будет жить, пока жива вселенная. Так что покупаем на выигрышные деньги её акции, и на заслуженный отдых в Майами или на Гавайи!

— И это за одну чашечку кофе.

Замурованные в янтаре

Рассказ

Стояло позднее весеннее утро. Успевшие вернуться птицы уже наполняли воздух трелями, настраивая природу на нерабочий лад. Впрочем, в какое время года и суток этот самый лад бывает рабочим? Но как бы то ни было, поздним московским утром в самое подходящее для деловых визитов время, когда завтрак уже давно закончился, а обед ещё и не думал начинаться, в кабинет редактора отдела фантастики большого издательского дома “Новый рассвет” Пётра Николаевича Хоменко почти без стука зашёл молодой человек лет этак двадцати девяти. Короткая ярко-красная курточка от “Polo Ralf Logan” была наполовину расстёгнута, подчёркивая великолепно спортивную фигуру её обладателя. Ниже пояса с этой задачей также неплохо справлялись стильные джинсы от “Agmani” и похожие на кроссовки молодёжные туфли чёрного цвета от непонятого производителя. Шея была лихо обмотана

длинным чёрным шарфом, лейб на котором, также как и лейбы тувель и тенниски, оставался скрытым от посторонних взглядов. Но в том, что все они наличествовали, сомнений не возникало.

— Мне нужен главный редактор “Нового рассвета”, — выдохнул молодой человек с порога.

Воздух комнаты наполнялся ароматами последней коллекции от “Lancome”.

— Во-первых, здравствуйте. А во-вторых, с кем имею честь? — как всегда невозмутимо произнёс Пётр Николаевич, за долгие годы работы безмерно уставший от каждодневного потока страждущих издаться индивидуальностей.

— Вы — главный редактор? — молодой человек подошёл к столу и протянул Петру Николаевичу руку.

“Станный молодой человек”, — подумал Пётр Николаевич. Однако автоматически привстал и крепко пожал протянутую руку.

Не дождавшись приглашения, гость вальяжно устроился в кресле напротив, залихватски закинул ногу за ногу и продолжил одаривать хозяина кабинета лучезарным взором нахальных голубых глаз.

— Ну? — спросил Пётр Николаевич, когда пауза несколько затянулась.

— Вы — главный редактор “Нового рассвета”? — переспросил гость.

— Не совсем главный. Но, повторяю, с кем имею честь? И по какому случаю?

— Но мне нужен главный... — молодой человек расстроено скривил губы, так что Петру Николаевичу на секунду даже стало неловко, что он не главный. Но всё же не настолько, чтобы неожиданный гость мог это заметить.

— Главный редактор “Нового рассвета”, Куликов Евгений Валерианович, в отъезде. Будет через две недели. Если это всё...

— Но я не могу ждать две недели! — перебил Петра Николаевича гость. — А кто у вас ответственный за серию “Замурованные в янтаре”?

Пётр Николаевич вздохнул.

— Он перед вами. Разрешите представиться, заведующий отделом фантастики издательского дома “Новый рассвет” Пётр Николаевич Хоменко. Так с кем имею честь?

— А, извините. Вениамин Робертович Задунайский. Но больше известен как Арчибальд Уильям Черчилль. Наверное, слышали?

Ни о Вениамине Робертовиче Задунайском, ни об Арчибальде Уильяме Черчилле Пётр Николаевич Хоменко не слышал ровным счётом ничего и не имел никаких оснований для утаивания сего факта.

— Признаться, нет... — ответил он насколько возможно мягко.

— Странно, — молодой человек настолько искренне расширил до невозможности глаза и поднял брови, что Пётр Николаевич даже смутился от своего невежества.

— Можете показать список ваших публикаций? — немного нерешительно спросил он.

— Конечно! И не только список, — молодой человек с готовностью открыл сумку и извлёк оттуда две небольшие книжки в мягкой обложке и три журнала. По меньшей мере, обложки четырёх из пяти образцов полиграфии не несли даже намёка на кириллицу. Единственное исключение — “Вестник пчеловодов города Мариуполя” производил впечатление силикозной мариупольской пчелы.

“Арчибальд Черчилль. “Новеллы и стихи”, — перевёл про себя Пётр Николаевич, взяв одну из англоязычных книг — Ну-ка что там. Денвер, Колорадо, 1000 экземпляров. Что ещё... Опять, Арчибальд Черчилль. “Когда музы молчат”. Так... Тоже рассказы и стихи... Кентукки, 500 экземпляров. А это?..” — Пётр Николаевич начал листать один из англоязычных журналов.

— Тут моя песня! — подсказал молодой человек. — Называется “Don’t fuck my brain”¹. Она занимала вторую позицию на хит-параде штата Мэриленд в течение двух недель.

— Актуальное название, — почти беспристрастно отметил Пётр Николаевич, чувствуя между тем, что потихоньку начинает сердиться.

— А это мои воспоминания о работе на пасеке. Просто захватил, чтобы вы смогли оценить мой русскоязычный профессионализм. А вообще с моими работами уже давно можно ознакомиться в Национальной библиотеке Вашингтона ДиСи. Вот, например...

— Это всё очень интересно. Но я тут причём?

— Не знаю. Это же издательство “Новый рассвет”?

— Ну.

— Вы издаёте серию “Замурованные в янтаре”?

— Точно.

— Ну так я, собственно, к вам! — молодой человек раскрыл объятия и всем телом подался к своему визави.

Несмотря на то что стол между участниками беседы нёс функцию естественного барьера, Пётр Николаевич инстинктивно заслонился рукой. И тут же, немного смутившись сей спонтанной реакции, произнёс:

— Как я понял, вы написали роман и думаете, что он может быть издан в нашей серии “Замурованные в янтаре”? Могу вас...

— Да нет же! — привычно перебил молодой человек. — Я — профессионал. И никогда не делаю ничего серьёзного, пока не имею гарантий. Вы знаете, сколько стоит жизнь в США? И не надо! Лучше спать будете. Так вот, у меня есть потрясающая идея для романа в серию Вислоуха.

— Не понял. — Пётр Николаевич определённо начинал сердиться. — Что вы от нас хотите?

— Как что? Заключить контракт на написание романа и получить аванс в размере трёх тысяч долларов США. Можно в вашей валюте, но в эквиваленте.

Пётр Николаевич несколько секунд посмотрел на гостя твёрдым немногим прищуренным взглядом, пока молодой человек не отвёл глаза. Старая школа львовского шалопаю, ВДВ, далёкий от дома киевский университет, офицерские сборы в Нагорном Карабахе в самое горячее время и, наконец, каменные джунгли столицы, в общем, вся прошедшая жизнь неплохо закалила Петра Николаевича, так что он ни на секунду не сомневался в своём безусловном превосходстве над собеседником. Тем более что после смерти горячо любимой жены вся жизнь казалась ему лишь театром марионеток. Пётр Николаевич прекрасно видел, как дёргаются нити и как послушные этим нитям куклы (и он в том числе) дают изо дня в день представление. И никаких причин ни уходить из этого балагана досрочно, ни особо за него дергаться у него, положа руку на сердце, не было.

¹ На русский язык не переводится (прим. ред.).

— Вот что, — заключил Пётр Николаевич. — Послушайте меня внимательно. Ваше предложение очень интересное. Но, к сожалению, в настоящее время мы не можем его принять.

— Но... — молодой человек попытался было перебить, но Пётр Николаевич предупредительно поднял руку.

— Подождите. Я вас выслушал. Выслушайте теперь меня. Во-первых, в серии “Замурованные в янтаре” мы публикуем только самого Дмитрия Фёдоровича Вислоуха и пока не собираемся делать исключений.

Молодой человек набрал воздух для возражений, но, встретившись со сверлящим взглядом Петра Николаевича, сам приложил палец к губам и кивком подтвердил, что дослушает до конца.

— Во-вторых, — продолжал Пётр Николаевич. — Да, во-вторых, гонорар начинающих авторов в нашем издательстве за первый тираж не превышает тысячи долларов США за роман в двадцать авторских листов. И выплачивается он...

После нескольких секунд кивания, сопровождающегося приторной “понимающей” улыбкой, молодой человек не сдержался.

— Так ведь в этом же всё и дело, что я — совсем не начинающий, а очень даже продвинутый автор! Да вы знаете, что о моих рассказах писал сам Никола Сухедрищенко?

— Кто?

— Никола Сухедрищенко. Известнейший в Интернете критик фантастики.

К своему стыду Пётр Николаевич не только не знал “известнейшего в Интернете критика фантастики” Николу Сухедрищенко, но даже ни разу о нём не слышал. Как раз на то, чтобы без дела бродить по бескрайним просторам Интернета, у Петра Николаевича обычно не хватало времени.

— И не только критик, — продолжал молодой человек. — Это же тоже профессионал. Как мы с вами. В застойные годы он работал стюардом на международных авиалиниях и ещё тогда у него вышло два рассказа не то в “Юности”, не то в “Новом мире”. Позже он публиковался...

— Подождите, — прервал его Пётр Николаевич. — В-третьих, к категории начинающих мы относим всех авторов, суммарный тираж которых не превышает сорока тысяч экземпляров полных пятнадцати-двадцатилитровых романов. И, наконец, в-четвёртых, мы никогда не платим за ненаписанный роман. Даже известному вам Дмитрию Фёдоровичу. — Пётр Николаевич передохнул, но, видя, как на глазах тает энтузиазм молодого человека, продолжил. — Но, тем не менее, оставьте ваши координаты. И если что-то изменится, мы с большой радостью с вами свяжемся.

Пётр Николаевич улыбнулся. Молодой человек буквально потух на глазах. Обречённо положив на стол визитку, он, не прощаясь, побрёл к выходу. Но такая быстрая смена настроения визитёра не оставила равнодушным редактора.

— Подождите! — воскликнул Пётр Николаевич, когда молодой человек был уже в дверях. — Кажется, я могу вам кое-что порекомендовать. Есть такое издательство “Стела”. Слышали? Прекрасно. Так вот, это издательство перекупило у другого, обанкротившегося в прошлом году книжного дома “Парадигма”, права на издание ранних (до четвёртого) романов Дмитрия Вислоуха. И сейчас штампует их всюю на газетной бумаге. Там есть редактор, Василий Аркадиевич Плановой. Плановой — это фамилия.

Он как раз занимается этими вопросами. Так вот, я слышал, что они как раз ищут молодых перспективных профессионалов для продолжения серии. Подождите, я сейчас распечатаю вам его данные. Это недалеко. Буквально за углом. Можете даже навестить его сегодня после обеда. Представляю, как он обрадуется!

Произнося последнюю фразу, Пётр Николаевич чуть не поперхнулся, но всё же сумел сохранить серьёзность. И лишь когда отдалённые шаги молодого человека по лестнице совсем смолкли, редактор позволил себе откинуться на спинку кресла и, как никогда весело, расхохотаться. «Да, — несколько злорадно думал Пётр Николаевич, — много бы я отдал, чтобы посмотреть на физиономию Васьки Планового часика через два. Будет знать, как нашего Вислоуха издавать!».

От сих недостойных мыслей Петра Николаевича отвлёк телефон.

— К тебе Черчилль сегодня заходил? — донёсся из трубки знакомый голос Дмитрия Фёдоровича Вислоуха.

— Да, — невозмутимо ответил Пётр Николаевич. — Вместе с Рузвельтом и Сталиным. Накурили черти, хоть топор вешай. Сейчас проветриваю.

— Да не тот Черчилль. Не Уинстон, а Арчибальд. Это я его к тебе послал.

— Спасибо, — в голосе Петра Николаевича проскользнула лёгкая обида, едва скрашенная всё той же невозмутимостью. — Буду знать, куда теперь посылают. В долгу не останусь.

— Ладно, извини! Хороший он парень. Действительно можно было бы рассмотреть.

— Да уж, презанятный. Но ты ведь знаешь, мы не любим риска, а тем более явно завышенных требований. Я его, это, к Плановому послал. Могу дать номер. Чувствую, цирк там будет тот ещё.

С того конца провода донёсся едва сдерживаемый смешок.

— Да нет, не надо. У меня есть. Ну, бывай!

В трубке зазвучали гудки.

Василий Аркадиевич Плановой работал в издательском деле давно. Строго говоря, в свои тридцать пять с половиной лет он едва мог припомнить себя доиздательского. Нет, конечно же, появился на свет он ещё не редактором. Когда-то он был маленьким мальчиком из города Захрентынинска, потом изрядно зашуганным школьником того же города, потом чуть менее, но все же зашуганным московским студентом... Но всё это было так давно, что даже в мыслях Василий Аркадиевич редко заглядывал в такую древность. Тем более что бурный издательский мир выжимал его почище лимона. И это не случайно. Ощущая свою исключительную важность, Василий Аркадиевич старался успеть везде. На Интернет-форумах, например, он едва ли не каждый божий день ставил на место молодых графоманов. Но не всех. Чувствуя зарождающиеся педагогические таланты, он выискивал лучших и щедро дарил им отеческую опеку, замечая ею львиную долю гонорара и требуя взамен безоговорочной преданности издательству. Тех же, кто нарушал корпоративные законы, Василий Аркадиевич умело и коллективно опускал в грязь, так что с ними потом не хотели общаться даже конкурирующие «Стеле» фирмы. От греха, как говорят, подальше. Но такое отношение было только с молодыми и неоперившимися. Со старыми и маститыми писателями Василий Аркадиевич был самым большим другом, чем очень гордился, и также умел найти подход,

где вместо отеческой опеки начинала проглядывать сыновье-щенячья преданность, которая львиную долю гонорара уже не замещала. Да и корпоративные требования не были столь строгими.

За всё это писательский мир платил Василию Аркадиевичу уважением и любовью. Любовь, правда, концентрировалась лишь на Марине Григорьевне Померанцевой — молодой и подающей надежды мариупольской писательнице, которую Василий Аркадиевич приютил в своей московской квартире. Точнее, квартире, купленной в своё время на деньги Захрентынинского этнографического института ректором одного института Аркадием Васильевичем Плановым в качестве общежития для прикомандированных в Москву сотрудников, а позже приватизированной самим Василием Аркадиевичем, по удивительному стечению обстоятельств бывшему единственным за всю историю квартиры прикомандированным. Уважение же было несколько нетрадиционным, сильно напоминающим опасение тронуть некую нетонущую² субстанцию, могущую наделать много не слишком приятного запаха. Но самому Василию Аркадиевичу, уже успевшему подзабыть не самые весёлые для него школьные и студенческие годы, и такого отношения было более чем достаточно для полного духовного удовлетворения.

Когда ровно в два часа после полудня по московскому времени порог кабинета Василия Аркадиевича переступил вызывающего вида молодой человек в красной куртке, Василий Аркадиевич с первых же мгновений преисполнился решимости указать начинающему автору на должное место. А то уж больно возомнили о себе все эти начинающие в последнее время! Но разговор как-то сразу пошёл по такому руслу, что Василий Аркадиевич не мог даже толком уразуметь, что же такое этот субъект собой представляет, не говоря уже о том, что он от него, Василия Аркадиевича, хочет. Вопрос же, как побольнее уязвить одного субъекта, уже не поднимался ввиду полной неопределённости положения.

Точки над “i” поставили слова гостя:

— Мне нужны три тысячи долларов США.

Решив, что перед ним банальный вымогатель, с которыми Василий Аркадиевич не имел дела уже добрых полтора десятка лет, но на случай которых у него имелись все необходимые средства, наш друг разразился гневным потоком самых отборных угроз, которые только был способен представить теоретически:

— Ну ты, козёл, канай отсюда, пока я охрану не вызвал, и она тебя тут не петушнула!

Уже заканчивая сию совершенно не вяжущуюся с его, прямо скажем, скромным видом, тираду, Василий Аркадиевич начал понимать, что сморозил нечто лишнее. Но, как известно, слово — не воробей. Вскочив со стула и подняв хозяина кабинета за лацканы пиджака, гость взревел:

— А я вот сейчас тебя самого петушну. Прямо вот здесь, к этому самому столу поставлю. Ты, блин, вообще понял, на кого батон покрошил? Да меня на Брайтон-бич каждая собака знает. Я в израильском спецназе два года таких уродов, как ты, давил. Или ты думаешь, что тот хача на входе мне что-то сделает? Да у меня самого бабушка — чеченка. Он мне ещё поможет. Инджибьё!

² Слова “нетонущая” в данном случае отглагольное прилагательное, а не причастие, а посему “не” пишется вместе, хотя, скажем, компьютерный редактор Word об этом и не знает (прим. для шибко грамотных читателей).

Сказать, что Василий Аркадиевич испугался — это не сказать ничего. Его достаточно скудный разум, напрочь заклиненный информационным потоком о каждой собаке с Брайтон-бич, израильском спецназе, чеченской бабушке и этим страшным “инджибьё”, отчаянно пытался найти хоть какой-нибудь выход. Неочевидность аллегоричности угрозы молодого человека осуществить определённое действие прямо “здесь, у этого самого рабочего стола”, душевного спокойствия также не прибавляла.

“Три тысячи баксов ведь это не так много, — пронеслось в голове. — А вдруг и впрямь получится”. И сдавленным голосом Василий Аркадиевич, в одночасье ставший тем маленьким и всеми обижаемым доиздательским Васьюкой, промямлил:

— Я не хотел вас обидеть... Мы же деловые люди... Давайте обсудим...

Гость отпустил пиджак Василия Аркадиевича, отчего хозяин пиджака буквально осел в кресло.

— Простите... Не хотел... — продолжал мямлить редактор, нервно поправляя галстук. — Итак, ваши условия?

— Вот это деловой разговор! — молодой человек улыбнулся. — Сейчас мы заключим контракт. Я получу три тысячи долларов, и через три месяца на вашем столе будет лежать готовый роман. О’кей? Да, конечно, в контракте должно быть оговорено, что за каждый экземпляр доп. тиража я должен иметь процент... Ну, как у Дмитрия Вислоуха.

— Извините, но три тысячи долларов...

— Что??? — гость привстал.

— Нет-нет, — редактор нажал кнопку вызова секретарши. — Леночка! Принеси текст контракта. И спроси в кассе, что там у нас есть.

Так что через каких-то полчаса Вениамин Робертович выходил из редакции издательства “Стела”, неся по русской традиции в кармане девяносто тысяч российских рублей. Это было невероятно. Это было просто чудом. Но это произошло.

Весеннее солнце и русская речь навевали ностальгические воспоминания. Детство, отрочество, юность, как это ни банально звучит, словно проживались Вениамином Робертовичем заново.

Родился Вениамин Робертович в славном городе Мариуполе. Впрочем, это мог быть и любой другой город, но так получилось, что им был именно Мариуполь. Семья маленького Вени была интеллигентная. Поэтому, с одной стороны, денег всегда не очень хватало, а с другой — единственному чаду с юных лет было приставлено множество всевозможных учителей. От музыки — до каратэ. Рос Вени мальчиком смышлённым и развитым, а посему всё схватывал на лету.

Развод родителей грянул для тринадцатилетнего Вени громом среди ясного неба. Но последующие события завертели его жизнь волчком, не оставляя ни времени, ни места для забот прошлого. Четырнадцатилетним отроком он переехал вместе с мамой на постоянное место жительства к новому американскому папе. Через пять лет (в аккурат после получения мамой американского гражданства) новый папа был послан нестарой ещё мамой по тому же адресу, что и старый. И хотя идти по оному адресу у нового американского папы никакого желания не было, однако американский закон оказался весьма благосклонным к воле женщины, а посему идти всё-таки пришлось. Причём идти практически налегке, оставив бывшей благоверной дом и значительную часть, так сказать, совместных сбережений, то есть тех сбережений, что бывшая благоверная ещё не успела потратить.

К этому времени Вениамин успел основательно вырасти и возмужать. Появились и взрослые интересы. Эти же интересы в жизни мамы также продолжали играть весьма существенную, если не первостепенную, роль, а посему их совместное проживание в одном доме стало несколько неудобным. Да и забытый Богом штат Юта, где располагалась их, так сказать, перманентная резиденция, успел порядком надоест обоим. Так что вскоре дом был продан и на часть вырученных денег на имя Вениамина Робертовича была куплена квартира в Бостоне, где к этому времени он успел поступить в музыкальный колледж. Мама Вениамина Робертовича, Людмила Дмитриевна, в течение всей этой кутерьмы успела повторно и удачно выйти замуж и в жилплощади, таким образом, не нуждалась.

Вот с финансами было несколько сложнее. Третий папа, в отличие от второго, сам был юристом и по совместительству редкостным жмотом. Редкостным — это по словам мамы Вениамина Робертовича. И хотя редкостность — понятие относительное, и в своём кругу жмотство третьего папы Вениамина Робертовича было совсем не редкостью, а скорее даже наоборот, правилом, но, тем не менее, сам факт жмотства ни у кого сомнений не вызывал. Возможно, это было одной из основополагающих причин, почему отношения с ним у Вениамина Робертовича не сложились, возможно, и нет, но как бы то ни было, примерно с двадцати лет Вениамин Робертович вступил в полноценную взрослую жизнь, где на пропитание приходилось зарабатывать в поте лица и прочих частей тела.

Неугомонная натура Вениамина Робертовича не давала ему сконцентрироваться ни на одном занятии в течение сколько-либо значительного времени. В результате ни экономиста, ни юриста, ни программиста, ни даже дипломированного музыканта или художника из него не получилось. Не получилось также заняться “квантовой физикой” и “органической химией”. Но с этим не получилось значительно быстрее, как только выяснилось, что полностью избежать изучения неквантовой физики и неорганической химии никоим образом не получится.

В свободное от сих исканий время он успел приобрести опыт частной практики преподавания русского языка и игры на фортепьяно, поработать вышибалой в ночном клубе и разносчиком почты. Но особые надежды Вениамин Робертович возлагал на художественный и писательский промыслы. На какой именно, он долго не мог решить. Но будучи человеком деятельным, Вениамин Робертович не сидел сложа руки. Дома им была организована художественная студия, и некоторые картины даже иногда удавалось продать. Так что музыкальная и писательская деятельность на какое-то время ушли было на задний план, но это только до покупки компьютера и подключения к всемирной паутине Интернета.

Так что никакого спецназа, ни русского, ни американского, ни израильского, у Вениамина Робертовича за спиной не было. Не было у него и чеченской бабушки. Зато за длительное время деятельного разброда и не менее деятельных шатаний у него появились друзья, коих в Америку занесло из самых разных мест. Нельзя сказать, что их было много. Разве друзей много бывает? Особенно настоящих. Но, главное, они были. И был среди них дагестанский еврей Руслан Итсхакович Давыдов, приехавший в Штаты после Израиля и расказавший множество всякого интересного из жизни тамошнего спецназа. Был и получеченец-полулатыш Ивар Ризванович Гасанов из Казахстана, от кого Вениамин Робертович почерпнул несколько латышских, чеченских,

казахских и таджикских слов, которые умел к месту или не очень вставить в разговор, а также прелюбопытнейшие истории из жизни Средней Азии и Казахстана. Был и коренной сибиряк Степан Всеволодович Коровьев, благодаря коему Вениамин Робертович почти как свои пять пальцев знал Камчатку, Сахалин и Курилы. Включая четыре спорных острова, у которых наш герой знал не только японские, но и русские названия.

Потом Вениамин Робертович слышанные от друзей истории рассказывал уже от своего имени. Рассказывал, по большей части, представительницам прекрасного пола. Встречались и исключения вроде Василия Аркадиевича, но они действительно были исключениями, хотя и тоже нередкими.

Вениаминому Робертовичу охотно верили. По меньшей мере, потому что хотели верить. Друзья знали об этом и не обижались. Не обижались и подружки, даже узнавая впоследствии, насколько цинично были обмануты. Такая уж большая была у нашего друга, как это теперь называют, харизма. А самое главное, всё это он делал настолько искренне, настолько беззлобно и настолько бескорыстно, что это подкупало любого и любую. Нельзя же, право слово, назвать корыстью желание соблазнить ту, кто сама этого более всего хочет?

Так что вместо того чтобы обижаться, и друзья, и подружки часто спрашивали Вениамина Робертовича, когда же он, наконец, напишет обо всех о них книгу. Книгу, которая, несомненно, станет бестселлером Старого и Нового Светов. Вениамин Робертович обещал, но всякие гораздо более неотложные дела мешали реализовать сие обещание. Пока, наконец, в безбрежных волнах Интернета судьба не забросила его на сайт Дмитрия Фёдоровича Вислоуха.

Дмитрий Фёдорович Вислоух появился на горизонтах русской литературы в начале смутных девяностых. Сначала романы Дмитрия Фёдоровича официальной критикой в упор не замечались, потом к нему попытались приклеить ярлык эпигона Желязны и Муркока, но факт оставался фактом: популярность его творчества росла. Случайные читатели становились поклонниками и передавали эстафету друзьям. Аудитория, таким образом, увеличивалась в геометрической прогрессии. А в эпоху рыночных отношений всегда находились издательства, для которых мнение маститых критиков оказывалось менее важным, чем рубли ничего не смыслящих в литературе читателей.

Что же видели читатели в творчестве Дмитрия Фёдоровича? Казалось бы, творил он на банальнейшей на сегодняшний день ниве фэнтези. Но в том-то и дело, что написанное Вислоухом почему-то выглядело настолько правдиво и настолько по делу, что читатель невольно начинал верить в этот вышедший из-под пера мастера мир. И даже отождествлять самого Вислоуха с мастером Вило — тем его героем, который когда-то ушёл за янтарный занавес, став и творцом Янтарного мира, и самым несчастным его сыном. Всё, что он писал о Янтарном мире, становилось там явью, но он не мог ни написать о себе, ни вернуться. Эта, можно сказать, легенда подпитывалась тем, что каждый роман данной серии украшала настоящая, хотя и чуть подретушированная, фотография самого Дмитрия Фёдоровича в стилизованном средневековом одеянии и с мечом в руке возле портрета жрицы храма Янтара. Именно ради спасения этой жрицы мастер Вило когда-то покинул Янтарный мир, а их любовь... Впрочем, стоит ли пересказывать в коротком рассказе содержание целого романа?

Идея написать повесть о том, что Дмитрий Фёдорович Вислоух и есть тот самый мастер Вило, и для того, чтобы он мог вернуться в родной мир, кто-то другой должен настолько достоверно описать это самое возвращение, что это на какое-то время обрушит янтарный занавес, — так вот, именно эта гениальная идея и родилась у Вениамина Робертовича Задунайского, когда сам Дмитрий Фёдорович на форуме своего Интернет-сайта выступил с предложением к молодёжи попытаться продолжить его уже “раскрученную” коммерческую серию, так как сам решил искать новые творческие пути.

Даже первичный, довольно сумбурный, как и сама идея, синопсис, показанный через электронную почту Дмитрию Фёдоровичу, привел мэтра в такой восторг, что он обещал всемерную поддержку в издании, если роман будет написан. Эта всемерная поддержка была понята Вениамином Робертовичем несколько превратно, а именно как обязательное заключение контракта с выплатой аванса, лишь только он переступит порог издательства. Причём непонятно откуда в мозгу Вениамина Робертовича застряли три тысячи американских долларов, которые любое уважающее себя издательство просто обязано ему выплатить в качестве аванса за ещё ненаписанный роман, создавать который без оно́го аванса было бы верхом непрофессионализма. И хотя ничего подобного Дмитрий Фёдорович Вениамину Робертовичу не обещал и обещать не мог, старт трёхмесячному турне на хоть и не совсем историческую, но всё же, по меньшей мере, бывшую родину был дан.

Как Вениамин Робертович получал визы, как прощался с американскими друзьями и особенно с подругами, как добирался от Шереметьево до квартиры московских друзей-программистов, проживавших в Медведково, всё это было отдельной песней и, безусловно, заслуживает особого разговора. Но как-нибудь в другой раз.

Ровно через сутки после получения гонорара Вениамин Робертович с не очень большой, но весьма вместительной походной сумкой от фирмы “Найк” вошёл в купейный вагон поезда “Москва — Мариуполь”. Именно в некогда родном Мариуполе собирался он осуществить дерзновенный план написания бестселлера за два или, в худшем случае, три месяца.

Когда Вениамин Робертович, полный романтических дум и предвкушений, ввалился в купе, там уже сидела молодая пара: красивая (а как могло быть иначе?) девушка с кавалером. В последнем Вениамин Робертович с изумлением узнал Василия Аркадиевича Планового.

— Как, вы тоже едете в Мариуполь? Вот так встреча! — хотя за свою предыдущую жизнь Вениамин Робертович давно привык ничему не удивляться, но эта встреча всё же была более чем поразительной.

Казалось, некто свыше, дёргая за невидимые нити, вёл Вениамина Робертовича по пути воплощения его дерзновенного плана в жизнь, постоянно сталкивая с одними и теми же людьми.

Нельзя сказать, что встреча сильно обрадовала Василия Аркадиевича. Более того, она его очень даже огорчила, и в первую очередь по причине того, что никуда Василий Аркадиевич не ехал, а только провожал свою гражданскую супругу Марину Григорьевну Померанцеву в Мариуполь, где у неё неожиданно и, судя по телеграмме, весьма серьёзно заболела мама. Предоставлять же молодую очаровательную блондинку обществу данного субъекта на целые сутки, да ещё в достаточно тесном купе, представлялось

Василию Аркадиевичу сродни доверию огорода некому парнокопытному рогатому и бородатому млекопитающему, молока не дающему по причине принадлежности к мужскому полу. И надо признаться, в своих опасениях редактор “Стелы” был далеко не беспочвенен.

Успокоился Василий Аркадиевич только когда в купе вошла третья попутчица — Глафира Фёдоровна Белобородько, дородная женщина шестидесяти девяти лет. “Хоть при старухе постыдятся”, — подумал он про себя и, поцеловав на прощание подружку, покинул купе. Марина хотела было последовать за ним, дабы продолжить сладостные минуты прощания, но проводница остановила сей благородный порыв любящей и любимой, хотя и гражданской, супруги, объявив, что до отправления поезда осталось две минуты, и попросив пассажиров занять места согласно купленным билетам.

Таким образом, молодые люди, согласно купленным билетам, оказались временными хозяевами двух нижних полок, располагавшихся, что логично, напротив друг друга. И хотя третья соседка, Глафира Фёдоровна, сразу уговорила Вениамина Робертовича уступить ей нижнюю полку, тем более что ехала она не до самого Мариуполя, а всего лишь до Харькова, ближайшее время молодым людям предстояло провести хоть и не *tete-a-tete*³, но *vis-a-vis*⁴ за традиционной вечерней трапезой, практически обязательным атрибутом любого путешествия на близлежащей одной шестой части суши, если оно путешествие начинается вечером и длится более одной ночи.

Естественно, традиционной трапезе предшествовала не менее традиционная процедура знакомства. Но названные впопыхах имена, как всегда, весьма слабо врезались в память, чтобы не сказать, что не врезались в неё совсем. И стоит ли удивляться, что только спустя четверть часа после формального знакомства Марина Григорьевна вдруг неуверенно произнесла:

— Веня? Это ты?

В который раз внимательно осмотрев очаровательную попутчицу с головы до пальчиков ног и не забыв про себя отметить редкостную корректность формулировки вопроса, Вениамин Робертович неожиданно даже для самого себя громко воскликнул:

— Маринка! Как ты выросла!

Он действительно узнал её, дочку учительницы русского языка и литературы Светланы Михайловны Васькиной, хорошей подруги его мамы в той старой, казавшейся теперь прошлой, жизни.

Марина Григорьевна Померанцева, или в миру Марина Григорьевна Васькина, родилась в том же славном городе, что и Вениамин Робертович Задунайский, но на восемь лет позже.

Когда Вениамин Робертович покинул Мариуполь в связи с переездом на постоянное место жительства в окрестности Солт-Лейк-Сити, ей было всего шесть лет. Так что, несмотря на дружбу семей, едва ли можно сказать, что дети были близки в любом смысле этого слова. Хотя именно Вениамин Робертович и был её первой детской любовью. Конечно, это наивное и светлое детское чувство за долгие пятнадцать лет успело порастить бурьяном забвения. Но разве первое чувство можно забыть полностью?

³Наедине, дословно “голова к голове” (фр.).

⁴Напротив, дословно “лицом к лицу” (фр.).

Но вернёмся к последним двум годам. Сказать, что Василий Аркадиевич Плановой был первым и единственным мужчиной в жизни Марины Григорьевны, означало бы сильно погрешить против истины. Были у неё мужчины и до той судьбоносной поездки на харьковский фестиваль фантастики “Звёздный мост”, сведшей её с Василием Аркадиевичем. Были и, что греха таить, даже после того, как они стали жить вместе. Но всего три раза. И каждый раз Марина Григорьева испытывала искренние муки совести и кляла себя последними словами.

Ведь тогда, два года назад, она искренне полюбила Василия Аркадиевича, показавшегося ей настоящим принцем. Принцем хоть и без белого коня, но всё же могущим отнести её на руках (благо, вес в сорок девять килограммов это вполне позволял) в красивую страну её величества фантазии, которой она искренне грезила, сколько себя помнила.

Дело даже не в том, что Василий Аркадиевич не отличался мужской силой. Хотя и это тоже, но это было совсем не главным. Даже почти не важным. Главное же было в другом. Очень быстро Марина поняла, что для Василия Аркадиевича она являлась только красивой игрушкой. В первую очередь предметом гордости перед друзьями. И почти ничего больше. Василий Аркадиевич не изменял Марине Григорьевне. Более того, он регулярно выносил мусор, гулял с собакой и даже мыл посуду. Он просто не уделял ей человеческого внимания, на которое был в принципе неспособен.

Возможно, в этом состоит мудрость матушки-природы, которая лучше нас знает, кому следует размножаться, а кому — нет. И её неумолимая сила толкала Марину Григорьевну в чужие постели. Тем более что наш век вообще не располагает к целомудрию. Вот и вышло так, что та, кто вполне могла бы стать хорошей, верной, любящей и любимой законной перед людьми и Богом женой, достойной быть воспетой Гомером или Петраркой и, самое главное, быть просто по-человечески и по-женски счастливой, стала тем, кем стала.

Тем не менее, хотя бы ложка мёда в этом всё-таки была. В последний год в издательстве “Стела” у Марины Григорьевны вышло два романа и готовился к изданию третий. Романы пришлись по душе читателю, и всё говорило о будущих многотысячных дополнительных тиражах. Естественно, гражданской, чтобы не сказать хуже, жене Василия Планового называться Васькиной стало несколько неудобно. Поэтому в литературе она приняла девичью фамилию мамы и стала Померанцевой.

Вечер двигался к полуночи, незаметно пробуждая в душах не отошедших ко сну молодых (и даже не очень) людей погребённые где-то глубоко романтические мотивы. Вениамин Робертович и Марина Григорьевна уже выкурили по две сигареты, но им было так хорошо вдвоём даже в этом тесном и грязном тамбуре, что они продолжали стоять и стоять, болтая ни о чём, а точнее, рассказывая друг другу о своей жизни в последние пятнадцать лет.

И когда губы Вениамина Робертовича несмело коснулись её щеки, Марина Григорьевна немного нерешительно, но всё же отстранила от себя кавалера.

— Я не могу. Я почти замужем.

— За Плановым? — Вениамин Робертович хмыкнул.

— За ним самым, — Марина Григорьевна вздохнула. Трудно было сказать, чего в этом вздохе было больше. Остатка любви? Горечи? Нет. Скорее, обречённости.

— Серьёзно? — Вениамин Робертович поднял брови.

— Ну, почти, — Марина Григорьевна надула губки.

— Скажу честно: не понимаю.

— Тебе не понять, — Марина Григорьевна махнула рукой.

— Понимаю, — Вениамин Робертович улыбнулся.

— Так понимаешь или не понимаешь? — Марина Григорьевна тоже одарила Вениамина Робертовича улыбкой.

— Понимаю, что мне не понять. Но всё же. Этот Василий Алибабаевич, или как там его, этот..

— Прекрати! — Марине Григорьевне вдруг стало действительно неприятно, что кто-то посторонний, ну или почти посторонний, так запросто отзывается об её хоть и гражданском, но всё же муже. — Ты его не знаешь. Хотя, наверное, ты прав. Просто я — стерва. Скажи, почему мужиков так на стерв тянет?

— Но, во-первых, насчёт стервы, это твои слова, не мои. Я бы тебя так не назвал.

Губы Вениамина Робертовича снова коснулись лица Марины Григорьевны, на этот раз не встретив сопротивления.

Четвёртый попутчик в купе, как вы уже, должно быть, догадались, так и не появился. А посему несколько часов от Харькова до Мариуполя, пролетевшие со скоростью Шинкансена⁵, молодые люди полностью принадлежали только друг другу. И телом, и, главное, душой, которая несмотря ни на что у обоих наличествовала.

Болезнь тёти Светы, Маринкиной мамы, оказалась острым воспалением хитрости, вызванным хронической обеспокоенностью по поводу судьбы дочери в ныне заграничной русской столице. И хотя какое-то время Вениамину Робертовичу было неловко смотреть в глаза Светланы Михайловны, и особенно Григория Тимофеевича, но жизнь есть жизнь, и она, как известно, сама всё утрясает и расставляет на свои места. А в наш не слишком целомудренный век Светлана Михайловна и Григорий Тимофеевич хоть и надеялись, что у дочки будет нормальная человеческая семья, но всё же смирились, что она уже давно не девочка.

Папа Вениамина Робертовича, Роберт Евгеньевич Задунайский, вместе со своей новой гражданской супругой Серафимой Артёмовной Кулебякиной промышлял случайными заработками где-то в районе Сорренто, а посему большой дом, принадлежащий семье Задунайских в Бог знает каком поколении, оставался в полном распоряжении одинокой тёти Даши. Новость же, что племянник остановится не один, а с невестой, как он сразу назвал Марину, ибо любое более точное определение её статуса было ему совсем не по душе, так вот, новость, что племянник остановится не один, привела тётю Дашу в несказанный восторг. Грешным делом она надеялась ещё помянуть хотя бы племянчатых внучат, то есть внучатых племянников, раз своих Бог не дал.

⁵ Скоростной экспресс в Японии.

Едва ли при каком-либо другом раскладе ему бы удалось закончить обещанную книгу за три месяца, но с Мариной они управились за два с половиной. Два с половиной страшно загруженных и вместе с тем самых счастливых месяца, в которых практически были только большая двуспальная кровать, стол с компьютером, куча распечаток по всему полу и редкие перерывы на обед и душ. Всё время вдвоём. Плюс редкие обеды у тётки Даши и тётки Светы. Ну очень редкие.

И вот наступил не очень долгожданный, но всё же встреченный с должным удовлетворением день возвращения в Москву для передачи в издательство готового романа. В принципе, везти его лично необходимости не было. Послать файл электронным вложением было вполне достаточно. Но дело было в романе, а точнее романах: и том, что был написан, и том, что был разыгран. Содержание обоих романов едва ли могло обрадовать Василия Аркадиевича Планового. Не говоря уже о том, что ни о каком возвращении к нему Марины Григорьевны и речи быть не могло. Так что, зная натуру Василия Аркадиевича, любое дело с ним теперь следовало вести с большой осторожностью: с обязательным личным присутствием, контролем и письменной регистрацией каждого шага.

— Так думаешь, Плановой узнает себя в Варфоломее Митрофановиче Косом? — наивно улыбнувшись, в который раз спросил Вениамин Робертович.

— Ты плохо знаешь Васюку. Он этого так не оставит. Он попытается нас сгноить. Обоих. И обычно у него такое получается.

— Ну, это мы посмотрим, — Вениамин Робертович томно посмотрел вдаль.

— Тебе хорошо. В худшем случае ты просто вернёшься в Штаты к своему мольберту. А моя карьера писательницы, кажется, закончилась. — Марина Григорьевна горько улыбнулась. — Если мы, конечно, подобно нашим героям не уйдём за янтарный занавес.

— Поглядим, Марина. И неужели ты думаешь, что я тебя оставлю? — Вениамин Робертович подошёл к Марине Григорьевне и крепко её обнял.

— А что, возьмёшь с собой?

— Или оба вернёмся в Мариуполь. Это как писательский бизнес пойдёт. А Плановой... Сомневаюсь, что он действительно заперет первый роман. Это против бизнеса. Контракт-то уже подписан. Думаю, на это он не пойдёт. А потом читатель нас поддержит.

Вениамин Робертович подхватил Марину Григорьевну на руки и пошёл в направлении спальни.

— Подожди! Шальной! У нас уже времени нет!

— Как знаешь, как знаешь! — Вениамин Робертович аккуратно положил Марину Григорьевну на кровать и просто плюхнулся рядом. — Хоть просто положим на дорожку.

Василий Аркадиевич, проведший прошлую ночь за чтением романа, был бледен и зол. Но пытался держаться достойно.

— Роман ваш пролежит в очереди года два и в связи с изменившимися условиями будет снят. Потом перед вами извинятся и разрешат оставить аванс. Всё. А теперь уходите, — Василий Аркадиевич хотел уточнить, в какое место Вениамин Робертович может засунуть аванс и куда именно он должен отправляться, но, вспомнив их первую встречу, поостерёлся. — Ваше счастье, что вы — американец. Но помяните моё слово, нигде и никогда

в России вас больше не издадут. Разве что за свой счёт. Это я вам говорю, Василий Аркадиевич Плановой. И Марина вам это подтвердит. Жаль девочку. Хорошо начинала...

“Да и кончала”, — додумал Василий Аркадиевич уже про себя и криво усмехнулся, пытаясь скорчить презрительную мину. Но это ему плохо удавалось. — Ладно, поглядим, — ответил Вениамин Робертович.

Он резким, имитирующим замах, движением поправил причёску, не без удовольствия отметив, как вздрогнул при этом Василий Аркадиевич, и быстро вышел из кабинета.

“Неужели Маринка права, — думал он. — И вся надежда теперь только уйти за янтарный занавес? А это без реально вышедшего и разошедшегося по читателям романа тоже невозможно”. В янтарный занавес Вениамин Робертович, конечно же, не верил, но... Но всё же чертовски хотел верить.

От сих скорбных дум его оторвал громкий возглас:

— Вениамин Робертович, я вас приветствую!

Перед ним стоял не кто иной, как Пётр Николаевич Хоменко — зав. отделом фантастики “Нового рассвета”, возвращавшийся на работу после обеденного перерыва.

— Я слышал, вы всё-таки заключили контракт со “Стелой”. Поздравляю! Ну и как результаты?

Вениамин Робертович вздохнул и, не имея никаких оснований что-либо скрывать от Петра Николаевича, поведал ему историю создания романа, начиная от первого письма к Дмитрию Фёдоровичу Вислоуху и заканчивая последним визитом к Василию Аркадиевичу Плановому.

— А вы знаете, принесите мне ваш роман, — заключил Пётр Николаевич через добрых полчаса, когда Вениамин Робертович закончил рассказ и они как раз не торопясь дошли до “Нового рассвета”. — И даже если хотите, скиньте по “мылу”, по электронной почте, то есть. Если роман действительно хорош, посылайте Ваську, сами знаете куда, разрывайте контракт, и к нам. Неустойку оплатит “Новый рассвет”. Это я вам обещаю.

— У меня роман с собой на флэшке.

— Вот и прекрасно! Давайте, прямо сейчас и скопируем.

— И ещё, роман написан в соавторстве с Мариной Померанцевой.

— Васькиной?! — Пётр Николаевич хмыкнул. — Хотя это не важно. Только на подпись контракта приходите вместе. Думаю, если сегодня вы мне дадите роман, мы это, скорее всего, устроим на той неделе.

В положительном решении Пётр Николаевич практически не сомневался. Честно говоря, и встретился он на пути Вениамина Робертовича уже не совсем случайно. Но какая, собственно, разница? Главное было в том, что не прошло и недели, как новый контракт был подписан, и такими же авральными темпами тираж в тридцать тысяч экземпляров ушёл в печать.

Удобно расположившись в массивном кресле с резными ручками под поблёскивание развешенного по стенам холодного оружия и завораживающий взгляд жрицы Янтаря с портрета, Дмитрий Фёдорович Вислоух читал сигнальный экземпляр романа. Ни распечаток, ни электронных копий по строжайшей просьбе Вениамина Робертовича ему ранее передано не было, а посему читал он взахлёб с неподдельным интересом, с трудом заставляя себя не забегать вперёд, в самый конец, дабы не лишать себя ни одной детали.

Тем более детали эти, как касательно приключений Вениамина Робертовича, так и собственно Янтарного мира, были очень даже не лишены интереса. Но всё кончается. Подошёл к концу и роман. И к изумлению Дмитрий Фёдорович прочитал, что мастер Вило в самый последний момент понял, что стал чужим для Янтарного мира, и вместо него туда ушли... Вениамин Робертович и Марина Григорьевна, названные в книге Владимиром и Ритой.

“Вот негодяи! Это я-то стал чужим?!”.

Дмитрий Фёдорович в сердцах вскочил с кресла, буквально сорвал со стены висевший там меч и почти ловко проделал несколько движений. “Почти”, потому что довольно низко подвешенная люстра (а разве бывает иначе в обычной квартире со стандартными потолками?) оказалась больше не подвешенной.

Через минуту Дмитрий Фёдорович сидел на засыпанном осколками хрусталия полу тёмной комнаты и беззвучно, но горько плакал. Как иногда плачут настоящие мужчины, когда их никто не видит. Это был полный крах всех забрезживших было надежд. Причём крах, о котором можно было догадаться заранее. Просто не хотелось догадываться. И самое страшное, что молодые люди просто отразили действительность, и не стоило пенять на зеркало. Он действительно успел стать чужим для своего родного мира и не мог не успеть им стать. Дело было даже не в том, что он давно не держал в руках меча. Это-то было как раз легко поправимо. Это был знак. Знак, чтобы осознать, а что ты будешь делать в мире, в котором каждый знает, что именно на твоей совести лежат все основные события? Кого-то ты возвысил, кого-то наоборот, и каждый теперь может спросить, почему ты сделал именно так, а не иначе? И каждому придётся отвечать.

И тут в тёмной комнате сначала очень слабо, но затем всё больше и больше откуда-то извне забрезжил таинственный золотистый свет. Как давно Дмитрий Фёдорович не видел янтарного сияния! Он боялся моргнуть, чтобы не спугнуть чудесный сон. Но это был не сон. Роман Задунайского уже читался, и каждое принявшее его сознание шаг за шагом двигало рычаги Янтарного мира.

В золотистом сиянии изображение жрицы на портрете зашевелилось и ожило.

— Когда? — сразу спросил мастер Вило. Он знал, что слегка приоткрывшийся занавес мог захлопнуться в любой момент, и не тратил время на лишние церемонии. Хотя и очень хотелось. Жрица его понимала.

— Через шесть ваших дней, — ответила она и тут же спросила: — Ты вернёшься? Или вместо тебя к нам придут они?

— Я не знаю. Сейчас я снова вижу тебя и думаю, что вернулся бы. Но пять минут назад, наверное, нет. Может быть, это правильно: не нарушать запретов, и если ушёл за занавес, то оставаться там до ухода в лучший мир.

— Им будет ещё труднее, чем тебе. Они совсем не знают нашего мира. Он не столь безоблачен, как кажется на первый взгляд. Подумай. Ты же хороший! — жрица моляще смотрела мастеру в глаза.

— Был. Другие за занавес не уходят. И никто оттуда не возвращался. Я не смогу стать простым жителем мира, который сам творил. Помнишь притчу о том, как куклы растерзали кукольника, как только он даровал им самостоятельную жизнь? Каким бы хорошим ни был тот, кто дёргал за нити, ему никогда не стать равным тем, чьи нити он дёргал. Не думай, я не боюсь смерти. Я... Просто не смогу... Но, так или иначе, через шесть дней всё определится.

Дмитрий Фёдорович уже знал, что никуда не уйдёт. Он даже хотел отметить отмечание романа, дабы предначертанное в нём не сбылось совсем и никто за янтарный занавес на этот раз не ушёл. Но... Но он не мог так поступить. Не мог — и всё. И ровно через шесть дней за его большим круглым столом собрались все, благодаря кому появился новый роман: Вениамин Робертович с Мариной Григорьевной, Пётр Николаевич и сам хозяин. Четыре человека. В романе компания была большой, включавшая всех москвичей из числа завсегдатаев сайта Вислоуха. Но роман — это роман, а жизнь — это жизнь. Даже если его величество Янтарь дёргает за все нити, у каждого из нас остаётся немного свободы, чтобы вносить коррективы. Дмитрий Фёдорович знал, что всё случится на самом деле, и не каждый такое шоу выдержит, а посему позвал только тех, в ком был уверен и кто уже был “при делах”.

Забавно, но все пришли одетыми по-походному, с небольшими, но вместительными и, главное, полными рюкзаками, а Пётр Николаевич зачем-то приволок и гитару. Сказал, что случайно, просто по пути забрал у друга-настройщика, но это выглядело детским лепетом. Все явно ждали чуда и надеялись на него. И чудо свершилось. И пришёл момент делать выбор.

— Роман принесёт вам обоим успех (это я вам обещаю), Васька вам ничего сделать не сможет, да и его собственное положение уже достаточно сложное. Едва ли хозяева “Стелы” простят потерю столь прибыльных авторов. Так что вы будете счастливы в своём мире. Зачем вам чужой? — спросил Дмитрий Фёдорович молодых людей.

— Я бы осталась, — неуверенно ответила Марина. — Но ведь кто-то должен пройти сквозь занавес. Ведь так? И кроме нас с Веней некому?

Последние слова звучали вопросительно.

Вениамин Робертович молчал. Он был готов сделать шаг... Но был готов и остаться. Хотя в его жизни уже и был “уход навсегда”, но тогда это было сделано за него и помимо его воли, да и твёрдость этого самого “навсегда”, применительно к эмиграции рубежа восьмидесятых-девяностых годов двадцатого века, уже была достаточно относительной. Одно дело было писать роман, и совсем другое — в самом деле решиться сделать шаг туда, откуда не возвращаются.

— Я могу, — вдруг встрял в разговор Пётр Николаевич, доселе молча и зачарованно смотревший на жрицу Янтаря за занавесом.

— Ты? — удивлённо спросил Дмитрий Фёдорович.

— Вы? — одновременно вырвалось у Вениамина и Марины.

— Почему нет? В детстве всегда мечтал найти что-то вроде этого янтарного занавеса. — Пётр Николаевич обернулся к мастеру Вило. — Кстати, именно поэтому, впервые увидев твои романы, я стал их тайным поклонником и пошёл на все возможные условия и уступки. И сюда пришёл в тайной надежде. Это мой мир. Я даже любимую гитару захватил в надежде, что уйду туда навсегда.

“Вот так же когда-то за янтарный занавес ушёл и я, — немножко грустно подумал Дмитрий Фёдорович Вислоух, он же мастер Вило, глядя вслед уходящему в золотистое сияние Петру Николаевичу. — Интересно, как теперь этот мир изменится под аккорды его гитары за янтарным занавесом?..”.

Турсун БАРЛЫБАЕВ

*“Как хорошо,
что в сердце
я раним!..”*

Все говорят — за красотой
куда-то долго надо ехать.
Мне по душе пейзаж простой —
берёза стройная из снега.

И кружевная вязь ветвей
с мольбою вытянутых дланей,
и все отметины на ней —
следы земного обитанья.

Со строгой ямкой у ствола
и оспинами чёрных пятен, —
как дева в стуже расцвела
в своём нарядном белом платье.

Холодный утренний туман —
природы чудная загадка —
плывёт по рекам и домам,
как зверь, неслышно и украдкой.

Он всё живое распушит,
облепит мягкой нежной крупкой.
Прекрасен мир в своей тиши,
прекрасен тишиною хрупкой.

Начало

А где оно — весеннее начало?
Неужто в небе, ставшем голубей,
иль в звёздном вальсе тихими ночами
над мирным полем родины моей?

А может, в детской робости капли,
стекающей слезою чистой вниз,
в весёлой воробьиной канители
весна сегодня начинает жизнь?

Порою трудно истину понять,
но если глубже к делу приглядеться:
у всех — и у тебя, и у меня —
весна всегда берёт начало в сердце.

День, прерывая звёздный вальс,
проклюнулся глазками почек
и ждал пока, не торопясь,
кварталы ветер прополощет.

Блестел, как зеркало, асфальт,
под фонарями у обочин,
но птицы продолжали спать,
не веря в новый ритм рабочий.

Рассвет — привычки верный раб —
вставал лениво и устало.
Ночь чёрной кошкою из лап
день, как мышонка, отпускала.

Взъерошенные соком ветки,
зелёным ёжиком пырей,
и снега жалкие объедки
в ложбинках выпцветших полей.

Уже клубится ореолом
пыль за машиною вослед,
скворец руладою весёлой
встречает солнечный рассвет.

А город, бурями помятый,
изнемогая, помощь ждёт.
Смородиновым ароматом
апрель по улицам плывёт.

Апрельский снег

Как паутинки порванная нить,
апрельский снег нетороплив в полёте,
и вы с печалью светлой сознаёте,
что из снежинок нечего лепить.

Их жизнь природой точно сочтена,
они на землю падают и тают
и ручейками снова оживают,
чтоб серебриться змейкой дотемна.

Земля не пробудилась ото сна,
лицо хранит болезненную серость,
но войско воробьиное распелось —
“Пришла весна!”.

Я благодарен осени за миг,
за миг переплетенья с жарким летом,
когда земля ещё теплом согрета,
а в небе стынет журавлиный клик.
За утро, раздвигающее тишь,
что притаилось на ночь у обочин,
за то, что ряд берёзок позолочен,
и медленно туман сползает с крыш.

Я благодарен осени за хлеб,
за песни зёрен на току и в поле
и за рубахи, белые от соли,
и россыпь урожая на земле.
За первый спотыкающийся снег,
что не студит, а ласково щекочет,
за то, что сад она укутать хочет —
на доброту отзывчив человек!

Сумерки

Зимою сумерки из сини
и фиолетовых тонов
плывут, густея, из низины,
вздымаясь выше облаков.

Недолговременны закаты
ныряньем солнца в омут дня,
и колобком по небу катит
луна, дворовых псов дразня.

Дома в серебряных папахах
уже видней издалека.
Зажгутся окна и запахнет
знакомым дымом кизяка.

Душа невольно всколыхнётся,
завидев неизбывный свет —
то память сердца, словно лоцман,
ведёт сквозь суету сует.

Письмо

Вы видели как ночью под луною,
сгорая, метеор закончил путь?
Под этой вспышкой, я теперь не скрою,
хотел на вас украдкой взглянуть.

Такое право мне дано от Бога —
естественная тяга к красоте —
и вы меня не осуждайте строго
за то, что образ ваш в моей мечте.

Вербилки — подмосковное селенье,
природе первозданной светлый гимн.
Пьянел не от вина — от вдохновения.
Как хорошо, что в сердце я раним!

В лесу

Как блеск свечей на аналое,
вам одиночество к лицу,
когда гуляете в лесу,
пропахшем терпкою смолою.

По-женски плавный и изящный
торжественен упругий шаг —
то лес несёт вас на руках
над зарослями в светлой чаще.

Негаданную королеву
боготворит в сияньи дня —
теперь мне сердце не унять
и безнадёжно я болею.

Ночной город

Город с серым лицом, оживающим в тике
перекрёстков людских, скверов и площадей,
твой вокзал, опустев, сиротливо затихнет,
загрустит без спешащих куда-то людей.

Звёзды россыпью брызнут из тьмы небосклона,
будет облако лхнуть к величавой луне,
ночь накинёт вуаль фонарей из неона,
и лицо восковое застынет во сне.

Отпуск. Пакостный будильник
перед сном не завожу
и от шапки до ботинок
сам себе принадлежу.

Телевизор. Спорт и чтение.
И ни слова про завод.
Каждый день как воскресенье —
отлученье от забот.

Рок ли, классика ли лучше —
спорить целый день готов.
Отдыхают месяц уши
от солёных крепких слов.

Вереницей воскресений
время отпуска плывёт.
Стресс накопленный рассеян —
сердце новых стрессов ждёт.

В нашем доме

В нашем доме мужчины
недолго живут,
только главной причины
врачи не найдут.

Бедный город в ловушке,
вдоль проспектов распят.
В небе трубы, как пушки
после залпов, дымят.

Как надеждой согреться
земляку, что видал
полигон по соседству,
Байконур и Арал.

Боль — сестрица кручины,
вместе в гости идут.
В нашем доме мужчины
недолго живут.

Рядом озеро жмётся
серой кошкой к ногам,
блики масел на солнце
льнут к пустым берегам.

Тишину полигона
оборвёт новый взрыв,
говорят нам: “Спокойно!”
И не плачьте навзрыд!”.

Дефицит кислорода,
воздух сильно иссох —
провожаем мы гордо
то “Союз”, то “Восток”.

Ну а если с Арала
вихрем высыплет соль, —
произносим устало:
“Это общая боль...”.

С клюкою, выдержавши бой,
в автобус бабка еле влезет.
Услышит где-то за спиной,
что дома отдыхать полезней.

Ей, пережившей лихо лет
военных и послевоенных,
ножом по сердцу тот совет —
предлог у старости быть пленной.

А молодёжи невдомёк,
как бабка каждый день старалась
на даче, не жалея ног,
с клюкою наступать на старость.

Капля

Цеплялась капля жгучего йода
за стенки и за горлышко флакона,
как будто кто-то в кутерьме кипучей
мог ей, хотя б соломинкой, помочь.

Её сестрицы чинны, благородны
кричали о насилье возмущённо,
но только предоставился им случай,
бедняжку дружно вытолкали прочь.

Мальчишки неуёмны в вымыслах:
на лёгких крыльях светлых грёз
из пут земных готовы вырваться
и взмыть до самых дальних звёзд.

Племянник Женька блёстки инея
дождём серебряным нарёк,
и долгим эхом в небо синее
вливался утренний восторг.

А в сердце матери волнение
ещё не скоро улеглось:
не от слепого умиления —
от удивления всерьёз.

г. Алматы.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

(Продолжение. Начало в № № 6-8 за 2007 г.)

24 мая

Из опубликованного в нашей газете сообщения облстатуправления узнал, что население области на 1 апреля составило 955 тысяч человек, а личные вклады населения в сберегательном банке возросли с начала года на 32 миллиона рублей и достигли 787 миллионов. Деньги у людей и вправду водятся, вот только купить то, что хотят, они не могут.

Павлодар наполнен слухами о грядущем с 1 июля повышения цен “буквально на всё”. Народ начал скупать муку, рис, макароны.

Зоя Суворова пошла в управление торговли, где ей показали приказ, по которому цены на товары массового спроса, включая продовольствие, остаются неизменными до конца этого года. Ставим заметку в номер. Хотя реакция на неё может быть прямо противоположной — такова сегодня психология восприятия людьми “успокоительной” информации подобного рода.

Половодье на Иртыше... Зеркало воды в сторону Ленинского — до самого горизонта. Начальник “Павлодармелиорации” Ж. Р. Рамазанов — главный авторитет в области по части разливов — уверяет в нашей газете, что в этом году пойма реки будет затоплена на 95-98 процентов. Такого уже давно не случалось. Когда 29 апреля были открыты шлюзы Бухтармы и Шульбы, ежесекундный сброс воды составлял 3,5 кубокилометра. Но этого оказалось недостаточно для полноценного половодья, и с 5 мая стали увеличивать попуск... И эта вторая волна позволила затопить речную долину практически полностью. Значит, область в этом году будет с кормами.

Но регулируемые попуски не решают всех проблем Иртыша, а тем более его уникальной (только в пределах нашей области 340 тысяч гектаров) поймы. Естественные природные разливы давали в иные годы “волну” в шесть кубокилометров ежесекундно, и тогда вода затапливала даже прибрежные посёлки. Зато и стояла она на пойме не две недели, как сейчас, а по месяцу и больше. Успевали отнереститься рыба и вывестись на тёплом мелководье мальки, травы к середине лета на пойме поднимались в человеческий рост... Теперь почти всё это в прошлом. Энергетики, командующие гидроэлектростанциями, чаще всего используют реку лишь в своих интересах, под разными предлогами, как выражаются специалисты водного хозяйства, “минимизируют” попуски, а пойма хиреет и чахнет от недостатка живительной влаги. Кто только не писал об этом... Я — тоже: и в нашей газете, и в большом очерке для “Простора”, и в книге “Целина

в новых берегах"... Но положение не меняется, и в самом лучшем случае, при благоприятных условиях, весной лишь удаётся "вырвать" у энергетиков дополнительные объёмы сброса воды.

Хорошая корреспонденция Зои Суворовой "Заберите лом у мадонны" — о том, в каких условиях приходится работать женщинам.

Павлодарский кожзавод. Из 119 рабочих здесь женщин — 73. Это они обрабатывают сырые тяжёлые шкуры, занимаются их дублением, растяжкой и покраской. Цеха полутёмные, "технологическое сырьё" — дуст, аммиак, нитрокрасители... Плюс ко всему постоянная сырость, женщины работают часами стоя в резиновых сапогах по щиколотку в воде. Это не работа, а сущий ад...

На железной дороге занято 120 женщин — путейских рабочих. Инструменты — лом, кувалда, "лапа", гайковёрт... Работа — в зной и в стужу на рельсах, и, как следствие, полный набор профзаболеваний: радикулит, ревматизм, полиартрит, остеохондроз.

Женщины-бетонщицы... Есть ли ещё где-нибудь в мире подобное?

И этот список можно продолжать до бесконечности.

Мы, журналисты, тоже внесли свой вклад в это отнюдь неблагородное дело, романтизируя мужские профессии слабого пола. Помню свою восторженную зарисовку о бригаде девушек-трактористок, созданной в совхозе "Бирлик" Баянаульского района. Хорошо ещё, что просуществовала она недолго.

Сегодня в области примерно каждая пятая женщина работает в условиях, несовместимых с её женским естеством, и вряд ли что в ближайшее время тут изменится.

В прошлом году Ермаковский завод ферросплавов отправил по 400 адресам свыше миллиона тонн своей продукции. Такой результат достигнут предприятием впервые.

Публикуем большой отчёт Володи Бугаева из Алма-Аты с телемоста "Алма-Ата — Хиросима". В эти дни в столице республики проходит международный конгресс "Избиратели мира — против ядерного оружия", участники которого также стали гостями телемоста. Расходы на организацию телемоста — 28 тысяч долларов — взяло на себя Гостелерадио СССР, вёл его политический обозреватель Центрального телевидения Владимир Познер, у которого Бугаев также взял интервью. В опубликованном нами материале названы цифры. С 1945 по 1988 год проведено ядерных взрывов: в США — 859, в СССР — 644, во Франции — 168, Англии — 42, Китае — 34, Индии — 1. В прошлом году США провели 11 испытаний, СССР — 7, Франция — 8. В мире сегодня накоплено ядерных зарядов столько, что на каждого жителя планеты приходится в среднем (эквивалентно) по три тонны тритолуола...

Буза на областной партийной конференции в Караганде... Подлила масла в огонь корреспонденция в "Правде" здешнего собкора (и моего товарища) Володи Рыжкова. Часть её была посвящена истории с Шакиримовым, а другая рассказывала, как "давили" в Караганде первого секретаря горкома партии Гаркушу...

Когда дело дошло до выборов, на пост первого секретаря обкома было выдвинуто аж семь кандидатур. Обсуждали их целый день, после чего четверо сняли свои кандидатуры. Бывший первый секретарь обкома, недавно пришедший в область с поста первого зампреда Совмина республики, вылетел в первом же туре. А опальный Гаркуша победил во втором туре председателя облисполкома. После чего заявил: выборы других секретарей обкома тоже будем проводить на альтернативной основе... Для выдвижения и обсуждения кандидатур в партийных организациях объявили перерыв на целую неделю, потом конференция продолжится... А бывший первый секретарь обкома Е. Башмаков (кстати, член бюро ЦК Компартии Казахстана) теперь безработный...

Пока мы с А. М. Мухамеджановым были на учёбе в Москве, на заседании бюро обкома партии обсуждалось будущее наших газет. Один из вариантов: обком забирает на партийный бюджет прибыльную “Звезду Прииртышья”, чтобы затем организовать её перевод и на казахский язык... А “Кызыл Ту” остаётся Советам... Но потом решили всё оставить как есть. А нам с Альходжой Мухамеджановичем велено дать предложения...

Звонок из обкома: “Говорят, собкор “Правды” Рыжков в Экибастузе...”. — “Ну и что?”. — “Не могли бы выехать туда и всё разузнать... Знаете же, что произошло в Караганде после публикации его материала в “Правде”...”.

Сказал, что не поеду...

Народный депутат СССР, юрист-златоуст из Ленинграда Анатолий Собчак избран председателем Ленсовета... Уже второй из депутатов-“межрегионалов” оппозиционного толка (после Г. Попова в Москве) возглавил местную исполнительную власть. Посмотрим, как они оба себя покажут, ведь эти должности — не сахар...

Предсовмина СССР Н. И. Рыжков выступил на сессии Верховного Совета с программой правительства по переводу экономики на регулируемый рынок. Встретили её депутаты, как принято говорить, неоднозначно, звучали предложения поставить вопрос о доверии правительству.

25 мая

Каждое утро, идя на работу, вижу на Набережной пожилую женщину, бегущую на лыжероллерах. И она делает это так истово, упорно, как будто хочет кому-то (или, может, самой себе) что-то доказать... Я не знаю, кто она, есть ли у неё семья, близкие... Мне почему-то кажется, что она одинока. И я пытаюсь представить историю её жизни. Когда-то она была молода и обременена шлейфом житейских забот; любила и была любима, растила детей... А теперь всё это в прошлом: остались лишь старость да одиночество, да эта давняя страсть к движению — наверное, единственное, что приносит ощущение полноты жизни и что стало своеобразным ритуалом, с которого всегда начинается день. Это — и образ жизни, и смысл её, и мировоззрение... Я каждый

день смотрю на эту женщину с удивлением и всякий раз боюсь её не встретить больше, идя поутру привычным маршрутом на работу...

Почти три полосы номера занял отчёт о встрече М. С. Горбачёва с арендаторами. О сути разговора можно судить по заголовку — “Через многоукладность экономики к эффективности производства”. Разговор шёл, в общем, в одни ворота: арендаторы говорили о своих успехах, жаловались на то, что их зажимают, М. С. обещал им поддержку. Но вот слово взял известный председатель колхоза В. А. Стародубцев, заметивший, что вокруг фермерства и арендаторства много эйфории и шума, хотя уже в слишком многих кампаниях за последние годы мы потерпели поражение; и ему не хотелось, чтобы и это, в общем хорошее дело, превратили в кампанию. По мнению В. А. Стародубцева, прежде надо хорошенько разобраться с истинным положением дел в деревне, и действовать с учётом реальной ситуации в каждом конкретном случае.

В своей заключительной речи М. С. возражал Стародубцеву: “Мы с вами меняем саму систему в рамках социалистического выбора... это — новая революция... Мы хотим наполнить жизнь новым содержанием”.

В прошлом году каждый павлодарец мог приобрести (по приглашениям) 16,5 килограмма сахара в год. В этом году эта норма должна вырасти до 18 килограммов. В июне-августе на каждый талон будет выдаваться по три килограмма сахара, а в сентябре — снова по килограмму.

26 мая

Политбюро ЦК КПСС сняло с казахского народа обвинение в национализме. Об этом сообщил, выступая на алма-атинской партконференции, Н. А. Назарбаев. ЦК Компартии Казахстана неоднократно обращался в ЦК КПСС с просьбой пересмотреть постановление “О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся”, в частности, формулировку оценки декабрьских событий (1986 года) в Алма-Ате. Аналогичное обращение было направлено в ЦК КПСС от Верховного Совета республики и от съезда комсомола Казахстана.

Постановление Политбюро будет опубликовано в “Известиях ЦК КПСС”, говорится в публикуемой сегодня у нас заметке КазТАГ.

Очередная сессия областного Совета... Вялотекущие дебаты... Сверхнастырность В. Галенко, приводящая лишь к тому, что даже предлагаемые им здравые вещи отвергаются большинством...

Был поднят вопрос о трансляции сессий по местному радио и телевидению. Зампред облтелерадиокомитета Л. Н. Петрова дала справку — во что это обойдётся, и вопрос отпал сам собой. В регламенте сессии записали: публиковать в газете краткую стенограмму. Встал я: “Кто объяснит мне, что это такое?”. После недолгих дебатов предложил формулировку — “краткий отчёт”, которая и была принята.

А вообще прав был кто-то из депутатов, сказавший на сессии, что никакой властью сегодняшний Совет не стал, он по-прежнему лишь отголосок власти партийной.

Стали известны результаты выборов Председателя Верховного Совета России. Из вышедших на финишную прямую Ельцина и Полозкова ни один не набрал нужного числа голосов. И это, в общем, понятно: Ельцин хорош, скорее, в качестве лидера оппозиции... Но он позёр, любитель яркой фразы, часто непредсказуем. И ещё неизвестно — каким он будет главой государства российского. Что же до Полозкова, то усилиями прессы он стал до того одиозной фигурой (отчасти и не без основания), что был заведомо неизбираем.

Теперь выборы пройдут заново...

В условиях нарастающего тотального дефицита, который дошёл и до некогда благополучной Москвы, новый Моссовет ввёл новые правила торговли в столице. Отныне свободно покупать товары здесь будут только жители Москвы и области, а для остальных откроют специальные отделы в магазинах.

Это какое-то всеобщее сумасшествие!

Да уж, дожились... А что, если другие регионы откажут поставлять Москве продовольствие? Они ведь тоже должны защищать свой продовольственный рынок от “чужаков”.

30 мая

Ельцин не побоялся выставить свою кандидатуру во второй раз и, хоть с небольшим перевесом, обошёл своего нового соперника — Предсовмина РСФСР Власова. Помимо прочего, это ещё одна зуботычина Горбачёву, пытавшемуся повлиять на российских депутатов и ясно давшему им понять — на чьей он стороне... Теперь у Ельцина, которого считают куда большим радикалом, чем Горбачёв, появится несоизмеримо больше возможностей для критики Центра и противостояния ему. Однако же и с самого Ельцина теперь должно быть больше спроса... Так что дай ему Бог управиться со своим новым возом...

Новое обострение в Армении. Здешные боевики напали на воинский караул, возникла перестрелка, в ходе которой пятеро боевиков были убиты. Другие стали обстреливать из пулемётов крыши и чердаки многоэтажных домов военного городка. Военные ответили огнём, опять есть жертвы с обеих сторон.

Публикуем постановление Верховного Совета Казахской ССР “О прекращении испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне”. В нём — требования к Правительству СССР (окончательное решение вопроса — в его компетенции) и прекратить ядерные испытания, и предоставить компенсации населению областей, соседствующих с полигоном.

В этом же номере — текст выступления М. С. Горбачёва по Центральному телевидению с разъяснением необходимости перехода к регулируемому рынку. Без малого три полосы заняли речи депутатов на сессии областного Совета. Теперь мы излагаем их подробно.

Тяжёлый, нервный пленум областной организации Союза журналистов. Избрали делегатов на съезд журналистов СССР. Правда, у меня самого проблем не возникло — избрали уже в первом туре. Другие коллизии и описывать не хочется... Вторым делегатом стал редактор “Кызыл Ту” А. М. Мухамеджанов. Людмила Ермолина поедет на съезд как освобождённый секретарь областной организации Союза журналистов Казахстана.

2 июня

Накануне сезона отпусков по традиции даём интервью с аэрофлотовским начальством... Не без интереса читал и сам: нынешним летом из Павлодара можно улететь без пересадок в любой областной центр и столицу Казахстана (за исключением, кажется, Шевченко, расстояние до которого дальше, чем до Москвы), Баянаул и Железинку, а также в Москву, Сочи, Минеральные Воды, Киев и даже Ленинград. Кроме того — в Ташкент и Фрунзе, Новосибирск, Омск, Томск, Читу... Хотя можно и не улететь. Желających воспользоваться самолётами Аэрофлота куда больше, чем последние могут перевезти: ежегодно наш аэрофлот “теряет” 100-120 тысяч потенциальных пассажиров из-за ограниченного лимита на авиатопливо. Поэтому в авиакассах, особенно летом, немыслимые очереди и никакой обнадёживающей перспективы не просматривается, скорее наоборот.

Зато сегодня можно заказать спецрейс — и не только на “кукурузнике”, но и на “Як-40” — в любую точку страны. Предприятия и кооперативы давно этим пользуются, чему не мешают ограниченные лимиты на авиатопливо...

3 июня

Вот и лето пришло — как-то незаметно и враз. В Новосибирске (отвозил Димку к тёще на дачу) полдня шёл тихий, спокойный дождь, и весь город был напоён острыми запахами живой природы... Прилетел в Павлодар — дикий ветер, пыль до неба, невообразимая сушь... Вот тебе и разница между настоящей Западной Сибирью и нашим павлодарским “Бермудским треугольником” с его истерическими, непредсказуемыми природно-климатическими завихрениями...

Однокурсник Володя Федосенко рассказал, зачем приезжал в Экибастуз собкор “Правды” В. Рыжков — собирает материал о стиле и методах работы нашего обкома партии и его первого секретаря. В частности, о событиях, предшествовавших городской партийной конференции, на которой первым секретарём был избран не ставленник обкома, а его соперник В. Н. Третьяков. Против последнего велась самая настоящая кампания, но она провалилась.

Новый первый предложил войти в бюро горкома редактору городской газеты “Заветы Ильича” П. И. Оноприенко. Но тот решительно отказался, считая, что это будет расценено в городе как своеобразная плата за поддержку газетой Третьякова в ходе хитроумных партийных игр накануне конференции...

В стране — продовольственный ажиотаж. В преддверии ожидаемого повышения цен в связи с переходом к регулируемому рынку с прилавков сметается всё, что ещё остаётся в свободной продаже: крупы, макаронны, подсолнечное

масло, даже соль и спички. Во многих городах ввели талоны почти на все эти виды продуктов или приняли решение продавать их только при предъявлении паспортов с соответствующей пропиской.

У нас до этого дело пока не дошло. Но долго ли продержимся?

М. С. Горбачёв с визитом в США. Смотрел по телевидению его встречу с американскими сенаторами. Ситуацию в Литве и всей Прибалтике М. С. комментировал весьма жёстко: авантюра, непрофессионализм музыканта (прямой намёк на В. Ландсбергиса), антиконституционные шаги. Заявил: вы бы в США подобную проблему в 24 часа решили, а мы с ними всё нянчимся, уговариваем...

5 июня

Открываем номер фоторепортажем: на недавно созданном совместном советско-венгерском предприятии “Прогноинфо” вот-вот будет собран первый промышленный компьютер, не уступающий по классу ЭВМ последних разработок. С выходом предприятия на полную мощность их планируется изготавливать до тысячи штук в месяц.

Наша продукция, уверяют авторы материала Сергей Горбунов и Владимир Бугаев, первая подобная в Казахстане.

Павлодарское производственное объединение транспорта построило собственный пансионат на берегу Чёрного моря, в Абхазии. Два двухэтажных дома могут сразу принять до 70 человек. Предусмотрены специальные семейные блоки. Побывавший там недавно Альберт Павлов, который опять просится к нам на работу, расхваливает пансионат на все лады.

6 июня

“Злоупотребил” служебным положением: предложил З. Суворовой в “Мир семьи” стих брата Шуры “Детство не кончается”, навеянный нашей совместной поездкой (Шурка, Петька, я) в родной совхоз “Михайловский”. Там есть просто отличные строки:

*Милые просёлочки
Босиком исхожены.
Светлые околки
В наши души вложены...*

Публикуем стихотворение под псевдонимом — А. Сибиряков.

8 июня

Скандал в Павлодарском аэропорту. Из-за какой-то строительной неразберихи сорвана срочная реконструкция взлётно-посадочной полосы. Полторы тысячи пассажиров сутки не могли вылететь из Павлодара и прилететь в него. Аэропорт забит разъярёнными людьми и к тому же терпит убытки, теперь ему надо организовать дополнительные рейсы.

Опубликовали реплику...

10 июня

Закончился XVII съезд Компартии Казахстана. Как пишет в “ЗП” аккредитованный на нём наш специальный корреспондент Р. Штарк: “Политический

барометр показывает “ясно”... И далее: “Съезд подтвердил свою приверженность официальной линии КПСС и коммунистической идее...”.

Роберту не понравилось, что съезд шёл по накатанной колее, и он, ничтоже сумняшеся, решил тут же объявить об этом читателям нашей газеты...

Всё тяжелее и тяжелее приходится мне со своими собственными редакционными радикалами (Штарк, впрочем, один из самых умеренных)... Мне тоже не нравится многое из того, что сегодня провозглашается с официальных трибун партийными функционерами, а особенно то, какими методами они пользуются для достижения своих целей. Но меня ничуть не меньше тревожит и безоглядный радикализм реформаторов, которые зачастую сами не знают, чего хотят, и уж, конечно же, не подозревают о возможных последствиях декларируемых ими идей. Консерваторам не хватает широты мышления, воображения, осмысленного риска, а крайним радикалам — элементарного здравого смысла. Может, впрочем, я ошибаюсь, и, наоборот, те и другие хорошо знают — чего хотят... Но как же я чертовски устаю в этом непрерывном балансировании между ними... Я — за перемены, но не за шараханья, я — за реформы, но осмысленные и в интересах большинства...

Но пора вернуться к тому, с чего начинал — к съезду.

Никаких сюрпризов, в отличие от предыдущего, на котором, пожалуй, самым ярким, острым было выступление тогдашнего предсовмина республики Назарбаева. Мы тогда ещё гадали: наверное, это так задумано — Кунаев с Назарбаевым заведомо распределили обязанности. Первый произносит речь, приличествующую не только руководителю Компартии республики, но члену Политбюро ЦК КПСС; а второй — как его выдвиженец (и возможный преемник) — выстраивает свою речь с максимальным критическим запалом. На самом деле тогдашнее выступление Назарбаева никем не санкционировалось, оно положило начало своеобразному размежеванию на съезде и впоследствии стоило немало крови самому Н. А.

Вот какие оценки звучали в докладе Н. А. Назарбаева на этот раз: “Руководство ЦК, избранное на XVI съезде, оказалось неспособным критически оценить свою деятельность. На ключевых постах оказались приверженные прежним стилю и методам работы люди, постаравшиеся сделать всё, чтобы, как говорится, не мытьём, так катаньем устранить с политической арены республики инакомыслящих носителей конструктивных идей. В ход шли инсинуации и прямые угрозы, разворачивалась лихорадочная борьба за сохранение пошатнувшейся власти...”

... Когда назрел вопрос о замене руководства, апологеты застоя сделали всё от них зависящее, чтобы максимально смягчить невыгодные для себя последствия, привести к руководству “человека со стороны” (речь о Г. В. Колбине. — Ю. П.), незнакомого с местными условиями. Чем всё это закончилось, вы хорошо знаете. Продолжавшийся ровно 18 минут пятый пленум ЦК подвёл черту под ещё одним антидемократическим актом, вызвавшим широчайший негативный резонанс среди коммунистов и всего населения республики.

Сегодня мы говорим об этом не для того, чтобы ещё раз потревожить прошлое. ЦК Компартии Казахстана считает, что случившееся стало прямым следствием авторитаризма, расцвета в республике всякого рода культов и культиков, деформировавших естественный процесс преемственности политического руководства. Люди, стоявшие у власти, в силу глубоко укоренившегося в их сознании “вождизма” меньше всего думали о подготовке достойных преемников,

наоборот, всячески мешали росту авторитета тех, в ком видели потенциальных соперников, угрозу своему единоличному правлению. Это должно стать для нас серьёзным уроком на будущее”.

Фамилии не названы, но понятно, кто прежде всего имеется в виду. Каково будет читать подобное Кунаеву, почти 30 лет стоявшему во главе республики?

Из действующих членов Политбюро ЦК КПСС Н. А. Назарбаев персонально критиковал В. А. Медведева и подчинённых ему идеологических работников ЦК: “... утрата ими инициативы, примиренчество по отношению к явным очернителям ленинских идей серьёзно деморализовали силы партии”.

Среди прочих цифр, приведённых в докладе Н. А. Назарбаева, меня особенно поразила одна: за последние четыре года в Казахстане введено 667 школ, в 1,4 раза больше, чем в предыдущей пятилетке (а тогда, выходит, тоже построили немало). Но сегодня дефицит ученических мест в школах составляет один миллион 300 тысяч.

Ещё из доклада: “Центральное место занимает законодательное закрепление статуса Казахстана как суверенного государства, строящего свои отношения с Союзом ССР и другими республиками на основе договоров. Мы стоим за федеративный Союз, но считаем, что республике следует делегировать центру лишь часть своих прав, причём по собственному усмотрению...”

... А у нас союзное управление охватывает 93 процента казахстанской индустрии. Каждому здравомыслящему человеку понятно: нет контроля — нет и суверенитета...

Из Казахстана ежегодно экспортируется различных видов сырья на 1,3-1,5 миллиарда долларов, поставляется в общесоюзный фонд 10-12 миллионов тонн зерна, более 300 тысяч тонн мяса, 270 тысяч тонн молока. Но по потреблению продуктов питания мы занимаем девятое место в стране, по обеспеченности жильём — 10. А как совместить с природой нашего строя наличие беднейших слоёв населения? У нас более 2,5 миллиона человек, или почти каждый шестой житель, имеет месячный доход менее 75 рублей. В республиках Прибалтики, например, подобные нищенские доходы только у 4-х процентов населения”.

В заключительном слове на съезде Н. А. Назарбаев вступился за М. С. Горбачёва: “... Разворачивается кампания огульного очернительства партии, конкретно М. С. Горбачева, якобы заведших страну в тупик... Думаю, произойдёт самое непредсказуемое и тяжёлое, если, поддавшись эмоциям, поверив злым нападкам, коммунисты усомнятся в нашем партийном лидере — человеке, для которого перестройка составляет весь смысл его жизни, который хочет совершить поистине революционное преобразование без классовых столкновений, кровопролития, не поступаясь ценностями социализма”.

В заключительном слове наша область была названа в числе тех, где лучше, чем в других, решаются продовольственные проблемы.

На пост первого секретаря была выдвинута одна кандидатура — Н. А. Назарбаева. Многие настаивали на открытом голосовании: чего, мол, нам играть в демократию, когда и так ясен итог голосования. Хорошо, что сам Н. А. настоял на тайном голосовании. Из 1544 делегатов съезда против его кандидатуры было 57.

Отчёт со съезда занял почти три полных номера газеты.

Ю. А. Мещеряков в своём выступлении на нём, помимо прочего, напомнил о бедственном положении экологии в области и предложил ограничиться двумя Экибастузскими ГРЭС из четырёх планируемых. (Уже сегодня в области сосредоточено более 60 процентов энергетических мощностей республики, именно теплоэнергетика даёт львиную долю всех вредных выбросов в регионе).

Директор Ермаковского завода ферросплавов С. А. Донской приоткрыл на съезде завесу тайны с экспорта пользующихся повышенным спросом в мире ермаковских ферросплавов. Каждая пятая тонна их идёт на экспорт, а 40 процентов экспорта — в капстраны. В последнее время у директора появилась возможность поехать по миру, посмотреть, как работают на аналогичных предприятиях, и лично убедиться, что технологический уровень обеспечения производства «за бугром» неизмеримо выше нашего. Выход один — догонять... Но чтобы обновлять технологию, нужна опять же валюта, а её нет — изымают союзные ведомства. Завод и сам готов наладить поставки сверхплановой продукции за рубеж, но для этого нужна лицензия на вывоз ферросплавов. А это — прерогатива Москвы, где получить лицензию практически невозможно.

С. А. Донской считает, что разрешение на вывоз должна давать не Москва, а республика, производящая продукцию на экспорт. Республика же должна распорядиться выреченной валютой, отчисляя в союзный бюджет лишь её определённый согласованный процент.

На съезде не раз заходила речь о декабрьских (1986 года) событиях в Алма-Ате, оценка которых теперь поменялась на диаметрально противоположную. Понятно, что центральные власти действовали тогда во всех смыслах грубо и бездарно, начиная от назначения в республику «человека со стороны», неоправданно жёстко-силового подавления демонстрации протеста и заканчивая судебными расправами, ломавшими судьбы людей... Но говорить теперь, что это была всего лишь мирная демонстрация студенчества и молодёжи, что не было актов хулиганства и вандализма со стороны демонстрантов, тоже не совсем честно. Поэтому надо бы отделить одно от другого...

Но мы ведь ни в чём не знаем меры: тогда без всякой меры раскручивали маховик в одну сторону, а теперь, похоже, с той же силой будем крутить в обратную... И о двух погибших дружинниках в ходе тех, не столь уж давних, событий никто уже и не вспоминает.

В стране между тем очередной всплеск насилия, и опять на национальной почве. На этот раз — между узбеками и киргизами. На границе Узбекистана и

Киргизии, около города Ош (в этих местах у нас после окончания университета были курсантские сборы — перед присвоением офицерских званий), взялись делить землю, и, если верить газетам, в пользу преимущественно узбеков. Киргизы, конечно, возмутились... Где-то в поле сошлись толпы людей с обеих сторон, и началась форменная бойня. Ситуация, как это чаще всего случается в последнее время, вышла из-под контроля... За несколько дней погибло около ста человек, сотни ранены, сожжены многие дома, автомашины. Не помогает ни запоздало объявленное чрезвычайное положение, ни комендантский час.

МВД не справляется, в эти районы переброшены войска. Молодёжь из Фрунзе рвётся в Ош — наводить там порядок, узбеков срочно вывозят во временные лагеря. Во Фрунзе демонстранты требуют отставки правительства.

В комментариях официальных лиц уже в который раз мелькает идиотская формулировка про “определённые заинтересованные силы, стоящие за погромщиками”. Пусть бы их хоть раз предъявили народу, эти самые “тёмные силы”.

Что же до Киргизии, то Татьяна Конобейцева, работающая замом не худшей здешней районной газеты, давно пишет мне об угнетающей обстановке в республике, подавлении любого инакомыслия... И всё это исходит от ЦК Компартии Киргизии и её первого секретаря.

Новый председатель Ленсовета А. А. Собчак заявил в интервью “Московским новостям”, что в Ленинграде двоевластия не будет, а к партии он относится как к рядовой общественной организации. Если же нарождающаяся российская Компартия заявит о своей приверженности диктатуре пролетариата, то в Ленинграде Собчак её попросту запретит...

А что, очень “демократично”!

Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин в интервью Центральному телевидению заверил россиян, что у его команды есть альтернативная программа перехода к рынку, при которой не будет допущено снижения уровня жизни народа. Правда, для осуществления задуманного ему понадобится три года на стабилизацию обстановки и ещё год на то, чтобы начать её улучшать. Речь, понятно, идёт прежде всего о продовольствии.

Что же, поживём — увидим... Не завидую я Горбачёву — попортит ему кровь Ельцин, ох как попортит!

Вечером того же дня. Включил телевизор — идёт незапланированная трансляция съезда народных депутатов РСФСР. Обстановка накалена до предела. Все на чём свет стоит поливают Центральное телевидение и его руководителя М. Ф. Ненашева.

Оказывается, интервью Ельцина, показанное в субботу, было записано в четверг. (Это съезд дал такое поручение своему Председателю Верховного Совета — успокоить россиян, призвать их к поддержке российского парламента и т. д.). Журналистка, бравшая интервью у Б. Н., заверила, что в эфире оно прозвучит в пятницу, после программы “Время”. Но этого почему-то не произошло, что вызвало столь бурную реакцию.

Я прослушал десятка полтора выступлений, и все они, за исключением двух-трёх, призывавших не горячиться и не накалять и без того накалённую атмосферу, выражали своё крайнее возмущение проявленным неуважением к Председателю Верховного Совета РСФСР, а значит — и к съезду, а значит — ко всей России. Звучали и такие оценки: это провокация, это настоящее преступление против России, это плевок ей в лицо... Призывали к немедленному адекватному ответу, требовали дать политическую оценку случившемуся. Требовали немедленно доставить в зал заседаний Ненашева... Зампред Совмина СССР, курирующий ЦТ, пояснил: Ненашев говорил ему, что выступление Б. Н. планировалось именно на субботу и прозвучит сегодня (видимо, это заседание съезда проходило в субботу)... Но и это разъяснение никого не удовлетворило, наоборот — ещё больше накалило страсти.

У меня сложилось впечатление, что каждый следующий выступающий из всех сил старался переплюнуть предшественника по части нагнетания всеобщей истерии.

Б. Н. Ельцин наблюдал за происходящим со своего командного поста с олимпийским спокойствием: было трудно избавиться от ощущения, что всё это доставляет ему определённое удовольствие. Во всяком случае, он ничего не сделал для того, чтобы хоть чуть-чуть остудить страсти. Даже тогда, когда “понесли по кочкам” Горбачёва... Кто-то потребовал “срочно вызвать на съезд Генерального секретаря партии, во времена правления которой было умерщвлено сто миллионов человек, президента страны, которая грабит Россию на 70 миллиардов рублей в год”. Другие ругали Горбачёва за его речь на съезде Компартии России, в которой он покритиковал программу Ельцина — претендента на пост Председателя Верховного Совета России.

Я слушал эти речи и думал: недалеко же мы уйдём, если собственного президента (я далёк от мысли считать его человеком, лишённым недостатков) ни в грош не ставим... Но на российском съезде народных избранников не нашлось никого (включая Председателя Верховного Совета), кто бы хоть в чём-то возразил кликушествующим ораторам.

Впрочем, трагифарс на этом не закончился... Послали за Ненашевым, но того не нашли — якобы его срочно пригласил к себе Горбачёв... И страсти закипели с новой силой: ах так, значит, всё и впрямь не случайно, значит — они заодно, значит, решал не сам Ненашев — это горбачёвых рук дело...

То, что происходило в тот вечер на телеэкране, напоминало какой-то дьявольский шабаш. Как можно таким людям доверять судьбы России, когда они сами с собой совладать не могут?

Депутаты решили сидеть до тех пор, пока не придёт и не объяснится Ненашев.

Не знаю, может, и вправду кем-то было велено “не пущать!” в эфир это злополучное интервью... Если так, то это такая глупость, которая сегодня просто непростительна.

11 июня

Вчера дождался продолжения дебатов по поводу “провокации ЦТ против Председателя ВС РСФСР”. С депутатами объяснялся Ненашев: произошло недоразумение, уже больше трёх недель идут прямые трансляции со съезда российских депутатов, и ни разу за это время не возникло никаких проблем... И далее: у них с Ельциным была договорённость о том, что его интервью пойдёт в конце недели — в пятницу или субботу. Но в пятницу после программы “Время” пришлось

срочно давать незапланированную полутора часовую пресс-конференцию М. С. Горбачёва и Маргарет Тэтчер. Поэтому Ненашев, ни с кем не советуясь, перенёс интервью на субботу, на то же время. Никакого злого умысла, а тем более провокации, тут не было, тем более что накануне выступление Б. Н. по ЦТ не анонсировалось (т. е. телезрители и не знали, что таковое будет).

Разумеется, Ненашева никто не услышал, потому что не хотел слышать. Ельцин выступил со специальным заявлением, в котором назвал случившееся “провокацией со стороны политического руководства страны” (потом, правда, изменил эту формулировку на просто “политическую провокацию”)... Ненашева не только критиковали, но в прямом смысле “несли” — клеймили, забрасывали риторическими вопросами... Был среди последних такой: “Почему вы находите время в эфире для Раисы Максимовны Горбачёвой, а для Председателя Верховного Совета России не нашли?”.

В припадке неистового патриотического негодования депутаты предлагают выразить недоверие Ненашеву, отправить его в отставку.

Б. Н. Ельцин тут же ставит вопрос на голосование (это при том, что назначение и освобождение председателя Гостелерадио — прерогатива союзных властей), но благо оно не получает большинства. Б. Н. выговаривает Ненашеву за другие его “прегрешения”...

У меня сложилось впечатление, что Ельцин испытывал какое-то садистское удовольствие от унижения, которому подвергали Ненашева российские депутаты. Б. Н. всем своим видом как будто давал понять: теперь вы будете знать, с кем имеете дело, кто такой Борис Ельцин...

Сегодняшняя программа “Время” началась с обращения М. С. Горбачёва к съезду народных депутатов РСФСР. Он заявил, что не имеет никакого отношения к переносу интервью Ельцина с пятницы на субботу, что обо всём этом узнал только из шумных съездовских дебатов, транслировавшихся на всю страну. М. С. надеется, что российские депутаты, допустившие прямые оскорбительные выпады в адрес Президента СССР, принесут ему публичные извинения, а вся эта провокация будет тщательно расследована и названы её авторы.

Думаю, вряд ли М. С. дожждётся каких бы то ни было извинений, а тем более расследования — дело-то уже сделано.

И ещё: не было в том злополучном перенесённом интервью Б. Н. Ельцина ничего такого, из-за чего надо было его “тормозить” или “не пуцать”.

12 июня

Из интервью генерального директора Павлодарского тракторного завода В. И. Власова:

— Наш трактор пользуется большим спросом: нам ввели буквально в начале марта госзаказ на 47 100 машин. А у нас план производства на нынешний год — 46 800 тракторов. Представляете какой абсурд — госзаказ выше плана...

Я думаю, что наш трактор будет ещё лет 10 пользоваться спросом при условии постоянного его модернизирования... Мы с прошлого года начали выпускать трактор ДТ-75Т с новым двигателем...

В прошлом году освоили производство стиральных машин “Арман”, пользующихся повышенным спросом у населения. Выпущено их 41,5 тысячи штук. К будущему году нам необходимо будет увеличить мощности по производству стиральных машин до 150 тысяч штук в год, а к концу пятилетки — до 250 тысяч.

Сейчас мы занимаемся подготовкой серийного производства лёгкого промышленного трактора Т-90П с двигателем в 120 лошадиных сил. Этот трактор соответствует мировым стандартам.

Изготовили пять опытных образцов трактора Т-6, который имеет многоцелевое назначение — это и бульдозер, и скрепер, и погрузчик, и трубоукладчик, и рыхлитель, и т. д. Мы думаем поставлять его на экспорт, но до серийного выпуска ему предстоит ещё два года проходить ведомственные и государственные испытания.

Принято решение о создании в 13-й пятилетке мощностей по выпуску гусеничного сельскохозяйственного трактора Т-250 — совместно с Алтайским тракторным заводом. Есть и другое предложение — наладить выпуск трактора такого класса совместно с японской фирмой “Камацу” и американской “Катерпиллер”, чтобы потом использовать эту технику не только у нас, но и экспортировать.

Кроме того, в будущем году мы должны выпустить первую промышленную партию мини-тракторов и с 1992 года начать их серийное производство, наращивая его с таким расчётом, чтобы к концу пятилетки выйти на 10 тысяч таких машин в год. Сейчас изготавливаем три опытных образца.

От таких заманчивых перспектив вечно проблемного завода просто дух захватывает. Надо, чтобы наши ребята последили, как все эти проекты будут претворяться в жизнь.

П. В. Лефлер уже в который раз повествует о выдающихся (это и в самом деле так) достижениях колхоза имени 30-летия Казахской ССР — о системе социального развития хозяйства, материальном стимулировании колхозников. В колхозе две школы (средняя и восьмилетняя), три детских сада (на 440 мест), больничный комплекс и масса всевозможных льгот для колхозников. Чем больше и лучше работаешь, тем значительнее льготы — вплоть до привилегированных персональных мест в здешнем ДК, которые никто, кроме их хозяев, не вправе занимать... Средняя месячная зарплата в прошлом году составила 284 рубля при общесоюзной 178. Уже сегодня здесь в каждом дворе свои машина или мотоцикл с коляской, а в очереди только на легковушки — 156 человек.

Можно сказать, что в этом отдельно взятом колхозе уже построен коммунизм... Но немцы (а они составляют большинство) уезжают целыми семьями... Выходит, и вправду не хлебом единым сыт человек... И хотя вместо каждого уехавшего приходят с заявлениями принять их в колхоз два-три новых, прежних они уже не заменят.

Булат Ахметов прислал из Экибастуза несколько неожиданный материал, приуроченный к десятилетию пуска первого энергоблока на Экибастузской ГРЭС-1. Он цитирует парадно-торжественный репортаж многотиражки энергостроителей “Ленинская искра” (у истоков её создания стоял и редактирует её до сих пор мой однокурсник и товарищ Володя Федосенко) и затем даёт слово участникам пуска, которые вспоминают, как всё было на самом деле. Все говорят о дикой, невероятной гонке и штурмовщине, царивших на станции в предпусковой период. Перед самым пуском блока бригады по трое-четверо суток не уходили домой, ночевали на станции. Управляющий трестом Алексеев надел рабочую робу и сам стал бригадиром... Блок сдали к намеченному сроку, а потом ещё много месяцев доводили до ума все узлы и механизмы.

Но — поразительная вещь — говоря об административном нажиме (“22 декабря — и не позже”, — хлопнув рукой по столу, решил замминистра энергетики Колесников, потому что это был День энергетики), штурмовщине и неразберихе, все вспоминали о том времени — как о лучшем в жизни... Лучшее всех об этом сказал Николай Васильевич Тарабин, бывший тогда начальником котлотурбинного цеха: “Зима... Дикий холод... Чтобы согреться, жгли шпалы прямо в турбинном цехе. Энтузиазм и настрой на работу были небывалые. Сейчас этого нет... А тогда все рвались быть первыми, одним порывом жили: любой ценой дать электроэнергию...”.

Вот и пойми её — эту загадочную русскую душу... Мало ли что было, но ведь блок-то пустили, он работает, и это сделали мы... Вот что главное!

13 июня

Целый день заседал. Сначала — в облисполкоме, потом — в обкоме партии. Особенно бессмысленными мне кажутся облисполкомовские сидения: иногда на обсуждение выносятся по двадцать и больше вопросов... Председатель строжится, распаляется, гремит голосом, но все уже хорошо усвоили — это не больше чем игра, и поражающей молнии не последует. Дело даже не в наказаниях, просто все эти заслушивания и отчёты в подобном виде давно себя исчерпали, а для решения проблем, налаживания тех или иных дел нужны совсем другие стимулы — здравый смысл, экономические рычаги, материальный интерес...

Мне из многочасового томительного “заседалова” более всего запомнился факт: в начальной школе одного из малых сёл Майского района всего шесть учеников; при этом трое учатся на русском языке, трое — на казахском...

В обкоме партии Ю. А. Мещеряков делится впечатлениями о недавнем совещании в ЦК КПСС, на котором обсуждались проблемы перехода к рынку и подготовки к предстоящему съезду партии. По словам М., глава правительства Н. И. Рыжков буквально выкладывался в своём выступлении, изо всех сил стремясь сделать партийных секретарей регионов страны союзниками в рыночных преобразованиях страны. Однако по наблюдениям М., секретари обкомов и крайкомов, несмотря на то что их состав за последние годы обновился процентов на 60, большей частью настроены консервативно и к программе правительства относятся с прохладцей. И Рыжков после более чем трёхчасового общения с товарищами по партии сел на своё место разочарованным и раздосадованным, заметив: если я в этой аудитории не нахожу понимания, куда же мне ещё идти?

Ю. А. Мещеряков в свою очередь говорил нам, что принял идею рынка всей душой — загорелся ею...

О предстоящем съезде партии М. сказал следующее: на него избрано слишком мало рабочих и крестьян — соответственно 12 и 4 процента от общего числа делегатов вместо 42 и 9 процентов на предыдущем съезде. Поэтому решено пригласить на съезд 350 рабочих и крестьян — из числа тех, что баллотировались в делегаты, но не прошли (кстати, как раз столько остаётся в зале Кремлёвского Дворца съездов свободных мест). Свадебных генералов из братских компартий, наоборот, решено не приглашать: во-первых, съезд будет не парадно-показательным, а рабочим, во-вторых, этих компартий и вообще-то почти не осталось, и, наконец, обслуживание высоких съездовских гостей всегда обходилось в копейчку, а партия сегодня вынуждена считать деньги...

На этом совещании в обкоме я впервые сидел за отдельным столом, предназначенным для членов бюро обкома. Место мне определено с краю, все остальные заняты более высокопоставленными членами и членами-ветеранами. Но я не в обиде — буду наблюдать жизнь с новой “диспозиции”, ведь, как верно сказал кто-то — кочка сиденья определяет точку зрения...

После совещания Ю. А. Мещеряков позвал нас с А. М. Мухамеджановым в свой кабинет. Интересовался делами, настроением читателей. Я старался убедить М. в том, что не надо спешить с переводом “ЗП” под партийное крыло; лучше подумать о создании самостоятельной советской газеты — пусть это будет сначала еженедельник формата районки. М. сразу уцепился за эту идею — так она ему понравилась...

Вышел от Мещерякова — в приёмной говорят: ищет Ажибаева. Она попросила “пристроить” одного из своих инструкторов — например, на место Ермолиной. Я сказал, что это — выборная должность, и вряд ли братья-журналисты с восторгом воспримут предлагаемого кандидата с репутацией недалёкого чиновника. “Да и зарплата тут куда меньше обкомовской”, — на всякий случай добавил я. “Тогда к себе возьми”, — предложила она. Я сказал, что при всём моём уважении к этому человеку — дисциплинированному, трудолюбивому, с которым у меня сложились хорошие отношения, взять его не могу. Как журналист он ценности не представляет, наша контора его не примет, и к тому же идти из инструкторов обкома в корреспонденты... “Тогда посоветуй, как мне быть?” — не отступала она. “Я предложил Мещерякову создать советскую газету — возьмите его туда редактором”. — “Туда мы планируем другого”, — отвечала Ажибаева, велев мне ещё подумать над её просьбой...

Я же, идя домой абсолютно одуревший от многочасового сидения и после активного общения “в верхах”, думал о том, что не дай Бог самому оказаться в такой ситуации, когда тебя, будто пешку, двигают по шахматной доске, запросто могут пожертвовать, а ты об этом и не подозреваешь...

Завтра пропускаем номер, причём незапланированно: бумаги осталось всего на два выхода. И до нас добрался бумажный дефицит.

14 июня

На сессии Верховного Совета СССР наконец-то принят многострадальный закон о печати. Он вводится в действие с 1 августа.

Опубликовали облстатовский отчёт об итогах Всесоюзной переписи населения. Нас в области — 944 тысячи человек. За минувшие десять лет население увеличилось на 138 тысяч человек, в том числе городского на 147 тысяч, или на 32 процента. Из села народ потихоньку перебирается в город — сельское население

за десять лет сократилось на три процента и составляет теперь всего 36 процентов населения области.

На 12 января 1989 года русские составили 45 процентов против 46 в 1979 году, казахи — соответственно — 28 и 27, немцы — 10 и 10, украинцы — 9 и 10, далее по численности следуют татары, белорусы и молдаване... При этом 75 процентов русских живут в Павлодаре, Экибастузе и Ермаке.

И ещё. Оказывается, многократно осмеянная антиалкогольная кампания имела и свои положительные результаты, потому что именно с середины 1985 года по настоящее время продолжительность жизни в Казахстане выросла на 2,1 года и составляет 69,8 года. При этом женщины живут дольше мужчин — 74,1 года против 64,8 года. Вместе с тем эти показатели на 5-8 лет ниже, чем в развитых капиталистических странах — Великобритании, ФРГ, США, Франции и Японии...

15 июня

Российские депутаты приняли декларацию о суверенитете РСФСР. Она опубликована в "АиФ" тиражом более 33 миллионов экземпляров. Можно ещё как-то понять прибалтов, когда они говорят о суверенитете своих республик. Но Россия-то от кого хочет быть независимой — от СССР, стержнем которого она была и остаётся, или от меня и таких, как я, оказавшихся вне пределов своей исторической родины? Или всё дело в том, что новые российские "вожди" хотят властвовать сами, без оглядки на центр?

Немцы ломают Берлинскую стену, отделяющую Западную Германию от Восточной, и при этом ликуют.

16 июня

Публикуем сообщение ТАСС: М. С. Горбачёв выдвинул концепцию создания союза суверенных социалистических государств. Цитирую: "Создание такого союза... отнюдь не будет означать развала, распада страны... Как выразился руководитель одной из союзных республик: "Наш интерес состоит в том, чтобы жить вместе и жить по-новому, так, чтобы мы были хозяевами у себя в республиках".

Мне это не совсем понятно: если руководители союзных республик будут у себя хозяевами, то для чего им ещё и союзные начальники, которые ведь тоже хотят быть хозяевами у себя в Союзе?

Тем не менее на Совете Федерации, обсуждавшем вопросы национального государственного устройства, "все участвовавшие подчёркивали необходимость безотлагательной выработки нового союзного договора".

Землетрясение в Павлодаре... Многоэтажные дома по-настоящему зашатались... Многие подумали — это, наверное, очередной ядерный взрыв, только повышенной мощности. Оказалось — нет, действительно землетрясение — в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области, на границе с Китаем, 8 баллов. В том числе у нас — 3-4 балла...

Сколько всё же у нас неуёмных талантливых людей! В. Воронов написал про А. В. Андропова. Он — пенсионер, заслуженный строитель и почётный

гражданин Павлодара, кавалер ордена Ленина. После ухода на пенсию переехал из Павлодара в деревню, сам выстроил для себя дом на четыре комнаты, летнюю кухню, сарай, завёл небольшой огород. Но его самое главное увлечение — пчёлы. Когда-то они спасли от ранней смерти его отца-фронтовика, а теперь продлевают жизнь сыну... Пасека у Андропова небольшая, всего из десяти ульев. Но зато с каждого он получает всякий год от 50 до 80 килограммов товарного мёда. А это солидный приварок к семейному бюджету...

Андронов вполне мог бы обойтись и без этих денег, у него приличная пенсия, пчёлы ему нужны больше для души. И надо отдать должное нашему Воронову — он умеет находить таких людей...

19 июня

Павлодарский горисполком принял решение о продаже горожанам в личную собственность 90 благоустроенных квартир. Будущий владелец платит тресту жилищного хозяйства полную стоимость квартиры и после этого может распоряжаться ею по собственному усмотрению — завещать, дарить, продавать... Правда, это не новое, но вполне сносное жильё, в котором его владельцы будут платить за коммунальные услуги столько же, что и все остальные горожане, живущие в государственных или кооперативных домах.

Узнал из нашей газеты, что Павлодарский тракторный завод налаживает поставки своей продукции на экспорт. Оказывается, на предприятии даже есть такая должность — начальник бюро заграничных поставок отдела внешнеэкономических связей, конъюнктуры и спроса.

Многие годы завод был так называемым субпоставщиком: ежемесячно отправлял до 400 тракторов на Херсонский комбайновый завод, где на них навешивались различные агрегаты, и уже после этого наши машины шли на продажу — в основном в страны СЭВ и на Кубу. Теперь завод пытается выходить и на прямые связи, используя самые разные формы взаимоотношений.

Заключено уже четыре контракта с зарубежными фирмами. В Венгрию, например, поставляются стальные отливки, а оттуда по бартеру идут пряжа, постельные принадлежности, трикотаж. В Китай отправляются 36 тракторов, а взамен завод получит разнообразный "ширпотреб": пуховики, обои, парфюмерию, обувь, термосы и т. д. С фирмой из Марокко заключён контракт на поставку в эту африканскую страну партии стиральных машин-малюток "Арман".

Конечно, пока негусто, но с чего-то ведь надо начинать... Беда ещё в том, что у завода, в общем, нет экономических стимулов для развития внешнеэкономических связей: почти вся прибыль, полученная от реализованных контрактов, изымается в бюджет.

Дали материал о летнем графике движения поездов. Кроме внесезонного маршрута Павлодар — Москва, на лето введены поезда на Киев, Харьков. Через Павлодар также идут поезда Иркутск — Адлер и Алма-Ата — Новокузнецк; есть прицепные вагоны на Иркутск, Ташкент, Алма-Ату, Свердловск. Железная дорога была и остаётся самым доступным видом транспорта.

В Павлодарской области — более 84 тысячи гектаров орошаемых земель. Одних дождевальных машин “Фрегат” 500 штук, широкозахватных “Кубаней” — свыше ста, а ещё “Днепры”, “Волжанки”, водомёты... Но используем мы всё это богатство из рук вон плохо: из-за строительного брака, неумелой эксплуатации, элементарного разгильдяйства каждый год остаётся без полива до 20-25 процентов орошаемых массивов. Вот уж действительно — деньги, в прямом смысле закопанные в землю...

21 июня

Идёт российская партийная конференция. Выступая на ней с докладом, М. С. Горбачёв говорил, что “следует исключить любые формы противопоставления России Союзу ССР, а Компартии России — КПСС... Произнося слово “Россия”, мы должны всегда держать в памяти слово не менее сокровенное — “Союз”.

Затем были содоклады: от подготовительного комитета Российской партконференции, от представителей “Демократической платформы в КПСС”, от “Марксистской платформы в КПСС”, от инициативного съезда коммунистов России... Во всём этом плюрализме чёрт ногу сломит...

Открыта мемориальная доска на доме, где больше полувека проработал Д. П. Багаев. Это легендарная личность, основатель областного историко-краеведческого музея, которому он оставил свыше тысячи негативов своих фотоснимков. На них — более чем 60-летняя история области, от дореволюционного времени до рождения индустриального Павлодара. В семьях старых павлодарцев обязательно есть снимки Д. П. Багаева. Жаль, что я мало о нём знаю...

В Павлодаре создан отдел частного сыска и охраны. Бывшие “афганцы” готовы охранять имущество предприятий и гаражи граждан, обеспечивать порядок на улицах и даже взяться за розыск алиментщиков и других должников (по заявкам частных лиц)...

Мы дали об этом материал, а в УВД обиделись: нашли кого рекламировать...

23 июня

Сенсация! В Экибастузе дала два концерта Алла Пугачёва. Сценическое оборудование и музыкальную технику для её выступления доставил в Павлодар военно-транспортный самолёт (а отсюда до Экибастуза это “хозяйство” уехало на большегрузном автопоезде). Сама же Алла Борисовна инкогнито добиралась до Экибастуза обычным авиарейсом из Москвы...

Пела без всяких скидок на провинцию — одна, “вживую”, без фонограммы, приводя экибастузцев в полный экстаз...

Зачем Пугачёвой понадобились блиц-гастроли в Экибастузе? Всё оказалось очень просто, пишет в своем материале Булат Ахметов: она создаёт свой театр в Москве, а трест “Экибастужилпромстрой” обещал помочь со стройматериалами.

Мне позвонил из Москвы Игорь Зайцев, редактор советского издания “Книги рекордов Гиннеса” — попросил опубликовать материал о ней с призывом к нашим читателям присылать свои сообщения и заявки о рекордах для этой книги.

Несколько объектов из нашей области уже вошли в неё. Это, например, самая высокая в мире дымовая труба, построенная для Экибастузской ГРЭС-2, её высота 420 метров. И. Зайцев уверяет, что и Экибастузская ГРЭС-1 — также самая мощная угольная тепловая станция. Однако я в этом не уверен: помню, мы всё время писали — самая мощная на востоке страны. Поэтому тут ещё надо уточнить детали у самих энергетиков.

Ещё я рекомендовал Зайцеву включить в книгу рекордов Экибастузский угольный разрез “Богатырь” мощностью добычи 50 миллионов топлива в год и самый длинный грузовой состав с углём, отправленный в феврале 1986 года из Экибастуза. Этот поезд растянулся более чем на шесть километров и, чтобы показать его целиком, телевизионщики заказали специальный самолёт... Зайцев ухватился за оба этих сообщения, попросил дать более подробную информацию, пообещав взамен “Книгу рекордов Гиннеса” на русском языке.

24 июня

Всё же тянет меня к этим записям... Как пьяницу к бутылке. Можно, впрочем, выразиться и поизящнее — как крестьянина к полю...

А если серьёзно, то возникает потребность поразмышлять об увиденном и услышанном, разобраться в происходящем (что сегодня бывает совсем непросто), да и в самом себе — тоже.

Первый раз побывал в Усть-Каменогорске, а заодно и у брата Петки. Брат в хорошей профессиональной форме, обретает уверенность в себе. В его общежитской комнатухе квартирует и наша сестра Наталья — она тут на сессии (учится заочно — по братову настоянию — в университете). После тёплого семейного ужина (само собой, и “на грудь приняли”) пошли с братаном прогуляться и решили, как бывало в совхозе, посидеть у костерка. Нашли укромное место, соорудили этот самый костерок — совсем крохотный, чтобы не привлекать ничего внимания. Но посидеть не удалось: вскоре — откуда ни возьмись — возникла патрульная машина с милиционерами, нас с братом наскоро обшарили и, совершенно не удовлетворившись нашими романтически-бесхитростными объяснениями (да, мол, братья мы, давно не виделись, оба деревенские, это традиция у нас такая — любим, встретившись, побыть вдвоём у костра), настоятельно порекомендовали отправиться домой, что мы и сделали... Хорошо ещё хоть в отделение нас не загребли...

На следующий день с утра взялся разыскивать однокурсницу Светку Казанцеву.

... Угловатая, застенчивая Светка у нас на курсе держалась как-то особняком и, кажется, очень страдала от своего одиночества. Иногда мне удавалось её разговорить, и, продолжая наши беседы, мы даже перебрасывались записочками на занятиях — главным образом о смысле жизни.

Светка уже в 18 лет стала мастером спорта по лёгкой атлетике. Как-то я пришёл к ней на тренировку и был просто очарован её лёгким, стремительным, летящим бегом...

Потом что-то непонятное стало происходить со Светкой, она всё больше замыкалась в себе, отгораживаясь от всех. Закончилось это тяжёлой душевной болезнью и психиатрической лечебницей. Я ходил к ней, но толком поговорить

нам ни разу не удалось. Она безучастно, отсутствующе выслушивала меня, сама же чаще молчала или отвечала односложно. Из-за этого и я терялся, не зная, как себя вести; мне казалось, что эти мои посещения ей, скорее, в тягость, а не в радость.

Её врач сказала мне: болезнь у Светки серьёзная — одна из тяжёлых форм шизофрении, такие быстро не лечатся, поэтому о скором её возвращении говорить не приходится. Месяца через два за Светкой приехали родители и увезли её домой, в Усть-Каменогорск.

А я закончил университет и стал работать в “ЗП”. Со Светкой мы больше не виделись, но одно время переписывались. Она писала, что работает тренером, потом — что родила сына... Но последние несколько лет я ничего не знал о её судьбе и в Усть-Каменогорск ехал с твёрдым намерением разыскать Светку.

Узнать телефон (адрес у меня сохранился) оказалось делом нескольких минут... Тут же набрал номер:

— Это квартира Казанцевых?

— Казанцевых... — будто эхом отозвался мужской голос.

— Я бы хотел поговорить со Светланой...

Пауза... И вопрос:

— А вы кто такой?

— Мы вместе учились в университете, моя фамилия Поминов.

Снова молчание, затем буднично, сухо:

— Она умерла.

У меня перехватило дыхание, и единственное, что я мог выдавить из себя после обоюдного молчания, было:

— А что случилось?

— Теперь это не имеет значения.

Со мной больше не хотели говорить, но всё же спросил:

— Извините, не знаю, кто вы, но у неё, кажется, был сын.

— Я отец, внук живёт с нами, ему семь лет... — прозвучало в ответ, и в трубке послышались короткие гудки. Я стоял, забыв положить свою... Эх, Светка-Светка, чистая душа! Что же с тобой приключилось?

В Усть-Каменогорск я приехал на республиканский семинар по проблемам экологии. Прочитал доклад — о том, как павлодарская пресса боролась против строительства в городе завода по производству белково-витаминных концентратов, послушал других ораторов и заскучал... Сам по себе семинар был дрянненький, можно сказать, — никудышный, зато его продолжение запомнится надолго. Кто-то предложил наше заседание прервать и отправиться в Зайсанский район, где недавно произошло сильное землетрясение. Я тоже загорелся этой идеей и даже братана сагитировал поехать с нами. Нам выделили большой автобус с двумя водителями, и мы отправились в путь, не представляя себе всех его тягот.

В первый день по жуткой, немислимой жаре проехали 500 километров. Дорога, к счастью, в основном асфальтированная, пролегла большей частью по безлюдной, испепелённой зноем степи. Кто-то из русских путешественников написал, что в своей жизни не видел ничего более унылого и невыразительного, чем павлодарская степь... Это потому, наверное, что ему не пришлось ехать той дорогой от Усть-Каменогорска до Зайсана, какой проехали мы: всё пространство, сотня за сотней километров — щебнистая, твёрдая, как камень, земля, пыль да песок, да серая чахлая растительность на пересохших руслах бывших речушек. На остановках у немногочисленных попутных колодцев наши водители по очереди окатывали вёдрами воды kloкочущий радиатор автобуса...

Навсегда врезалась в память картина... Остановились где-то в степи, возле колодца. Вода в нём оказалась мутно-жёлтая, солоноватая, пить её было невозможно... Рядом с колодцем — строение, нечто среднее между избушкой и сараем, покосившееся и полуразвалившееся... Жилище оказалось обитаемым: здесь уже не один десяток лет находит приют старушка. Лет ей уже за восемьдесят, у неё пергаментная, сожжённая солнцем кожа и ярко-голубые, почти синие, удивительно чистые глаза. Рассказала нам, что живёт тут с сыном, который не работает, переезжать отсюда они никуда не собираются, вот если бы им ещё помогли новый колодец выкопать... Это к вопросу о том, что человеку в жизни надо...

Уже к вечеру, на закате, вдали, как голубая зыбкая стена, стал возникать, то появляясь, то исчезая, Зайсан. Я даже глазам не верил: как такое может быть — озеро не расстиралось, а именно вставало перед нами. Водители подтвердили: это Зайсан. Здесь, на берегу озера, необъятного как море, мы и заночевали. Я от души наплавался в тёплой зайсанской воде, вдыхая приторно-сладкие ароматы расположенного рядом рыбозавода.

В райцентре Зайсан практически следов разрушения нет — даже не верится в сообщения газет о тысячах людей, оставшихся без крова. А ведь здесь, как и в эпицентре, что в полсотне километров, были толчки в 7-8 баллов. Первый секретарь райкома говорил на встрече с нами, что в районе разрушено больше трёх тысяч домов, жилья лишились 17 тысяч человек. Серьёзно пострадали школы, больницы, клубы, ветхие кошары и коровники...

Поехали к эпицентру... Вот центральная усадьба хозяйства, улица новых типовых домов... Почти все они целы, но ни на одном нет труб — развалились...

Наиболее удручающая картина — в селе Рожково, где не осталось ни одной полностью уцелевшей постройки. Здесь погиб мальчик, придавленный обвалившейся стеной дома. К счастью, это была единственная жертва землетрясения.

Палатки во дворах — столь непривычные в этом краю. Находиться в них днём невозможно: жара — как в бане...

Нам показали полуразвалившийся дом, построенный три года назад, а в Зайсане его почти столетний собрат (на фронтоне дата — 1911 год) стоит целёхонек. Значит, дело ещё и в том, кто как строил...

И в каждом селе нас встречали их жители — жалкие, растерянные люди. В их глазах — тревога и ожидание. Землетрясение нарушило привычный лад их жизни, они не знали, как им теперь жить, ждали помощи, хотя многие сами уже могли бы понемногу налаживать свой быт...

Поражает убогость здешних сёл и аулов... Капитальный дом тут — большая редкость, всё больше саманные домишки, какие-то хибары и прочий немудрёный “самострой”. Всё это и без того дышало на ладан... Хорошо ещё, что “тряхнуло” днём, когда почти никого не было дома.

И вообще это было “странное” землетрясение. Его эпицентр находился не в горах, как это чаще всего случается, а в обширной Зайсанской природной впадине, на сравнительно ровном месте, которое не считалось сейсмоопасным. Тем не менее ударные волны докатились отсюда не только до Усть-Каменогорска (5 баллов) и Семипалатинска (4 балла), но и до Павлодара (3-4 балла), Новосибирска и Кемерово... Кстати говоря, восьмibalльное землетрясение в Иране, случившееся через несколько дней после Зайсанского, пришлось на густонаселённые районы этой страны и привело к гибели почти 30 тысяч человек.

Домой возвращались другим путём... Пересекли Иртыш в его верховьях, там, где он именуется Чёрным, и, петляя среди неприятных серых берегов с редкой невзрачной растительностью, мало чем напоминает наш павлодарский — широкий и раздольный. Дальше наш путь лежал вдоль красных гор, к Бухтарминскому водохранилищу; а ещё дальше — по горному серпантину, и оставалось лишь поражаться тому, какой неистощимо-щедрой может быть здешняя природа, особенно после того, что мы наблюдали днём раньше.

Почти каждая суббота — рабочая. На этот раз делегаты XXVIII съезда КПСС встречались с партийным активом. На встрече формировался “портфель” партийных наказов делегатам. Я записал некоторые из характерных выступлений.

Первый секретарь сельского райкома партии:

— Мы на местах стали заложниками ошибочной политики центра — отсюда и нестабильность, и кризис в партии. Так там и передайте!

Секретарь парткома крупного предприятия:

— Все возлагают на этот съезд чрезмерно большие надежды, ждут от него — сами не зная чего. А что его ждать, как прихода Иисуса Христа? Действовать надо!

Он же, критикуя содержание некоторых популярных фильмов:

— Не понимаю, зачем нам нужна эта сексуальная революция!

Председатель совета ветеранов:

— Большая часть интеллигенции — творческой, научной, технической — давно стала к партии если не спиной, то уж точно боком...

Ещё один ветеран требовал от партии монолитности, единства, верности идеалам. Разве что Сталина не призывал вернуть. Но хлопали ему, пожалуй, больше чем другим! Выходит — глас народа?

Самым оригинальным обращением к залу начал свою речь секретарь парткома одного из совхозов Баянаульского района:

— Уважаемое аудиторное присутствие!

Ну разве не шедевр!

Ю. А. Мещеряков призывал поддержать Горбачёва и его политику, находя при этом убедительные аргументы, расставляя политические акценты... Я не знаю — верить этому или не верить, потому что хорошо помню прежние оценки, даваемые Мещеряковым Горбачёву. Но ведь времена меняются, а вместе с ними меняются и люди. Может быть, тут тот самый случай?..

А вообще настроение большинства на этой встрече я бы охарактеризовал как умеренно-консервативное... Его не переломила даже убедительная мещеряковская речь.

Судя по всему, на российской партийной конференции, преобразованной затем в учредительный партийный съезд, верх одержали сторонники консервативной линии в партии. Задававшее на съезде тон “секретарское звено” (секретари обкомов, крайкомов и горкомов) временами устраивало ему настоящую обструкцию... А Лигачёв в своём выступлении дал понять, что Горбачёву и вовсе следует оставить пост Генерального секретаря ЦК КПСС, ибо он всё меньше советуется с партией, которая ещё недавно решала в стране всё.

Вся атмосфера учредительного съезда Компартии России была, скорее, враждебной по отношению к нынешнему союзному партийному руководству и к Горбачёву, в частности: не раз звучала персональная критика в его адрес, во многих речах его политику связывали с развалом экономики и сепаратизмом.

Как бы там ни было, лицо съезда, его агрессивный антигорбачёвский настрой определило консервативно настроенное большинство. Оно же предопределило результат выборов: первым секретарём ЦК родившейся на съезде Компартии России избран И. К. Полозков — до этого первый секретарь Краснодарского крайкома партии, прославившийся в своём регионе войной с кооперативами и крылатым выражением “реагировать надо не по закону, а по существу” (так он публично ответил оппонентам, обвинявшим его в сугубо административно-силовых методах борьбы с кооперативами). Полозков недавно баллотировался в Председатели Верховного Совета РСФСР, но неудачно. И вот теперь, можно сказать, пытается взять реванш. Будет ли это благом для России? Не знаю... Может быть, я ошибаюсь, но, мне кажется, Россия вообще больше потеряла на этом съезде, чем приобрела. Как заметил академик Абалкин: шаг вперёд, два шага назад.

Теперь на одном полюсе российской власти непредсказуемо радикальный Ельцин, на другом — ортодоксально-консервативный Полозков: оба с амбициями, за каждым — уйма не менее упёртых сторонников. Так и будут бодаться до бесконечности...

26 июня

Публикуем обращение руководителей Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана к народам своих республик, а также политическое заявление, подписанное президентами этих республик. Они выступают “за обновление федерального устройства страны на основе заключения нового союзного договора”. В обоих документах содержится призыв к единству и сплочённости. Предлагается также объявить Приаралье зоной общенародного бедствия и вернуться к проекту переброски в Среднюю Азию и Казахстан части стока сибирских рек, как к одному из путей спасения Арала и решения продовольственной проблемы в регионе, где проживает более 50 миллионов человек.

Новая напасть в Павлодаре — “напёрсточники”. Молодые, ушлые парни устраивают в людных местах нехитрую игру для всех желающих: надо отгадать — под каким из трёх напёрстков шарик. Для начала парни для заправки дают выиграть своим (тем, что из команды), а затем облапошивают всех подряд. Несмотря на то что всё происходит у вас на глазах, и вам кажется: вы точно знаете — под каким напёрстком шарик, выиграть в эту игру случайному человеку нельзя. “Напёрсточник”, благодаря ловкости рук, держит шарик между пальцами, и поэтому он никогда не окажется там, куда покажет случайный играющий...

В очередной раз даём материал под рубрикой “На заметку простакам”, в которой сотрудник УВД вновь объясняет несложную механику обмана, применяемого бригадами мошенников. Почему их не ловит милиция? Ловит, но всякий раз следует их объяснение: “Да, мы “чистим” лохов, но ведь насильно играть никого не заставляем”. В лучшем случае “напёрстника” можно оштрафовать (аж на 50 рублей!) да изъять “игральные принадлежности”. А сам он имеет в день не менее тысячи рублей...

27 июня

Пресс-конференция Б. Н. Ельцина (по ТВ) для советских и зарубежных журналистов. Говорил он в привычной для него манере и много чего наговорил.

О предстоящем съезде КПСС: неплохо было бы отложить его до осени — уж очень большую силу набрали консерваторы на только что закончившемся российском съезде; есть опасность, что эта сила инерции проявит себя и на “большом” съезде; и если это произойдёт — раскол партии неизбежен. Сам Б. Н. в таком случае либо приостановит членство в партии, либо примет “иные меры” (какие — не сказал).

О Горбачёве: это он виновен в консервативном настрое российского съезда — должен был предусмотреть подобную опасность... И вообще, погрузившись в президентские заботы, М. С. подзапустил дела партийные — и вот теперь пожинает плоды... Часто опаздывает... Если Горбачёв с Рыжковым не примут российскую концепцию перехода к рынку, то Россия вынуждена будет пойти на введение собственных денежных знаков.

О шагах нового Верховного Совета РСФСР: решено ликвидировать 60 министерств, оставив всего шесть; ликвидирован Комитет народного контроля России.

О собственных инициативах: Б. Н. отказался от охраны своей персоны соответствующим подразделением КГБ и создаёт собственную службу охраны.

Да, нелёгкая “доельцинская” жизнь Горбачёва, наверное, покажется ему мёдом после того, что будет в стране, когда Ельцин и впрямь возьмётся осуществлять свои инициативы.

На заседании президиума областного Совета народных депутатов обсуждали в числе прочих вопрос о создании советской газеты. Директор “Полиграфии” Г. А. Кузин сказал, что учредитель нового издания прежде всего должен позаботиться о бумаге и прочих расходных материалах, а также о финансировании. А сегодня, заявил он, нет гарантии поставок даже ранее заявленных ресурсов.

Мещеряков назвал Кузина бюрократом и посоветовал ему начать перестраиваться, в противном случае придётся посмотреть — тот ли человек занимает столь ответственный пост.

Потом выступал я со своими соображениями: новая газета должна иметь своё лицо, непохожее на то, что мы имеем в “ЗП” сегодня; такую газету нельзя делать “по совместительству”, на общественных началах (нам с А. М. Мухамеджановым именно это и предлагалось)... Мещеряков с моими доводами не согласился, заметив, что мы и сегодня не шибко перегружены работой, газеты завалены официозом, материалы лежат месяцами; нам дают такую возможность вернуться и заработать, а мы ещё кочевряжимся...

Нам было велено думать, чтобы на ближайшей сессии (в начале августа) принять решение о выпуске газеты облсовета.

В родной конторе к идее выпускать ещё одну газету отнеслись скептически, Ковхаев и Горбунов назвали её аппаратным трюком и неприличными телодвижениями. А у меня самого уже мозги набекрень от всех этих дел...

Мещеряков, понятно, хочет заполнить советскую газету как можно быстрее, притом малой кровью, заработав тем самым известные общественные дивиденды. Но я-то понимаю — так дела не делаются. Если речь вести о простом приложении к “ЗП”, то тут особых проблем нет. Но идея — в другом: создать принципиально другое издание — более демократичное, свободное, чем наше — по сути, народную газету. А мы неизбежно принесём в неё с собой и все наши “родимые пятна” и скоро превратим во вторую “ЗП”. Да и по меньшей мере глупо делать “дочернюю” газету лучше, чем свою. Но что-то всё-таки надо делать, потому что заволокитить идею навряд ли удастся.

Звонил в редакцию актюбинской областной газеты, говорил с редактором-рыночником. Уверяет — зарабатывают, где только могут. Создали два хозрасчётных отдела, рекламу не ждут, а сами везде выискивают; зарабатывают на предприятиях и совхозах-колхозах, описывая за деньги их подлинные и мнимые достижения; выпускают платные страницы для областного и городского Советов... Зарплату сотрудникам повысили... А мы всё чего-то ждём...

Публикуем очередную подборку: “Рыночная экономика: за и против”. Читатели обсуждают недавно предложенную правительством СССР программу перехода к регулируемому рынку. О настроении людей можно судить уже по заголовкам: “Цены возрастут — дефицит останется”, “Вопросов больше, чем ответов”, “Не получится ли шок без терапии?”, “Талоны надёжнее”... В последней заметке ветеран войны С. Варожищев предлагает все продукты повседневного спроса (хлеб, мясо, молоко, муку, крупы, колбасы, сахар, конфеты и т. д.) продавать по талонам... Оно у нас уже почти так и есть, а толку?

То есть, настроения основной массы людей далеко не рыночные — даже после всех многочисленных агитационно-разъяснительных речей М. С. Горбачёва и его сторонников, которые мы непрерывно печатаем в последнее время едва ли не в каждом номере.

28 июня

Публикуем обращение президиума областного Совета народных депутатов к населению. Суть: погода в очередной раз против нас, кормов из-за сильной засухи недобираем, создаётся реальная угроза для стабильного развития животноводства, а значит — для реализации продовольственной программы... Надо пустить в дело все резервы (перечисляются — какие), собрать всё, что может пригодиться на корм скоту (в том числе осоку и камыш, берёзовые веники, хвойную лапку и т. д.).

Обращение — метод, скорее, из арсенала прежних времён... Выходит, завтра каждый житель области должен заняться заготовкой грубых кормов? Лучше бы власти сделали всё возможное, чтобы вовремя убрать травы в пойме, часть которой каждый год уходит в зиму некошенной...

А пока что вновь уменьшена с 1 июля норма отпуска сливочного масла по талонам — до 250 граммов в месяц на человека. Объяснение: из-за сильной засухи резко сократились надои молока.

29 июня

Камня на камне не оставили от российского партийного съезда “Известия” и “Комсомолка”... А партийные организации “Литературной газеты” и журнала “Коммунист”, выражая протест против решений этого съезда и избрания партийным лидером российских коммунистов Полозкова, приостановили уплату членских взносов, а коммунисты редакций — членство в партии. В России нарастает поток заявлений о выходе из партии... Многие серьёзные политики говорят о неизбежности раскола в КПСС и даже о возможности государственного переворота в стране.

Очевидно одно: или партия будет реформироваться быстрее, избавляясь от догм и стереотипов, или она обречена. К сожалению, очень многие партчиновники-ортодоксы до того перепуганы происходящим, а также реальной перспективой

потерять власть, что просто теряют голову (как это было на российском партийном съезде). В своём усердии “не поступиться принципами” они утрачивают инстинкт самосохранения, не ведают, что творят, лишают себя последней возможности остаться не только со своим народом, но и в русле самой жизни...

Сегодня — пятница, в понедельник открывается XXVIII съезд КПСС. Мы, планируя номер, даже не знали — давать, как обычно, шапку о предстоящем событии или нет — столько было слухов о неизбежности переноса съезда. Но потом пришло сообщение: состоялся пленум ЦК КПСС, доклад М. С. Горбачёва одобрен, генсеку поручено выступить с ним на съезде.

Мы собирались выйти в субботу на восьми полосах — с предсъездовскими материалами. Но директор типографии предупредил: бумаги осталось на один номер, а очередной вагон с нею в пути — может прийти к понедельнику, а может и нет... Так мы теперь живём...

30 июня

Если верить зампреда областного совета ВОИР Г. Никитину (а с его слов — и нашей газете), в области свыше 10 тысяч человек участвуют в техническом творчестве. В прошлом году использовано в производстве более восьми тысяч рационализаторских предложений с экономическим эффектом в 22,5 миллиона рублей. (Хотел бы я знать — кем и как всё это подсчитывается). Но — читаю дальше: изобретатель Марк Яковлевич Клецель, доцент кафедры “электротехнических станций” индустриального института, занимается рационализаторством и изобретательством с 1968 года, имеет 69 авторских свидетельств и пять патентов на изобретения, последние получены в США, Франции, ФРГ. Устройства релейной защиты и автоматики энергосистем, разработанные научной группой М. Я. Клецеля, отмечались на международных выставках и на ВДНХ СССР, эти новшества внедрены на предприятиях “Экибастузэнерго” и “Павлодарэнерго”.

А лучшим молодым рационализатором области по итогам прошлого года признан инженер Экибастузской ГРЭС-1 Валерий Арапов, чьё изобретение и 36 рационализаторских предложений дали экономический эффект в 221 тысячу рублей.

Надо бы нам написать о них обоих — интересные, должно быть, люди.

Из размышлений С. П. Шевченко в сегодняшнем номере (речь о недавно принятом законе о печати):

“Наконец-то. Сегодняшний номер выходит без предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаем, что прочтём её в печати в том самом виде, в каком мы её написали; сегодня мы не обязаны согласовываться со вкусом, доблестью, мирозерцанием “господ, команду на заставах и шлагбаумах имеющих” (как писалось в старинных рапортах). Сегодня кошмар в лице цензора не станет мешать нашей работе, спирать дух, давить ум и задерживать перо, и мы получим неслыханное и невиданное право: не лгать, не кривить словом, говорить не фистулой, а своим собственным природным голосом”.

С. П. поясняет: словам этим более ста лет. Написаны они И. С. Аксаковым и опубликованы в газете “День” в 1865 году.

“Призрачны все остальные свободы при отсутствии свободы печати”. Это Карл Маркс. Он же: “Цензура, как и рабство, никогда не будет законной”.

В. И. Ленин называл цензуру “гнусностью” и “идейным крепостничеством”.

Отныне по закону даже отдельные граждане имеют право создавать средства массовой информации... А мы пока что в конце каждого номера “ЗП” печатаем ничего не говорящие читателю таинственные символы: “УХ03025” (в предыдущем). Это — разрешительный знак некоей организации — управления по охране гостайн в печати, сотрудники которой прочитывают каждую строчку в газете во время её подготовки к печати и только потом выдают это самое “ух”, как его именуют наши корректора. Это, конечно, не цензура в её классическом виде, однако в моём редакторском сейфе хранится специальная книжица с перечнем сведений, запрещённых для опубликования и якобы составляющих некую (в том числе и государственную) тайну. Чего только в этом перечне в прежние времена не было! Теперь он куда более скромный, но всё же остаётся, как остаётся, пусть и немногочисленная, служба слежения за нами, скромно именуемая ЛИТО (то самое вышеупомянутое управление по охране гостайн в печати). Хотя, конечно же, не её сотрудники сегодня главные цензоры, а наши руководящие товарищи по партии... И я не думаю, что они захотят отказаться от руководства партийной печатью.

2 июля

Невиданный случай: в субботу не было никаких обязательных мероприятий, на которых я по должности обязан присутствовать... К тому же с утра отправил семейство в Новосибирск на отдых. От такой свободы настолько ошалел, что тут же решил заняться делом: в субботу и воскресенье встречался со специалистами из объединённой дирекции строящихся предприятий Минмедбиопрома СССР — Рузилем Гарифуллиным и его командой. Удивительные вещи они творят: умудрились наладить производство косметики в Павлодаре — практически на голом месте, на основе выращивания женьшеня из живой клетки методом биотехнологии. При этом работать готовы день и ночь...

Решил последовать их примеру и всё воскресенье писал материал, а сегодня они его уже одобрили... По-хорошему завидую их энтузиазму. Не замечаю подобного в родной конторе. Хотя, может быть, всё дело в том, что они занимаются реальным делом, а мы толчём воду в ступе, всё время оглядываясь: а не слишком ли при этом усердствуем, а как посмотрят на это в обкоме?

Главное событие дня — съезд КПСС. Смотрел его открытие по ТВ. При обсуждении одного из первых вопросов — о составе президиума — делегат из Магадана потребовал отставки ЦК КПСС и Политбюро и никого из членов последнего в состав президиума не включать...

Однако несмотря на некоторые завихрения при обсуждении повестки дня и процедурных вопросов, М. С. Горбачёв, как стойкий капитан, умело повёл съездовский корабль дальше.

Доклад М. С. оказался на удивление лаконичен и по времени занял всего около двух с половиной часов. В иные времена это было шестичасовое чтение. Престарелый Л. И. Брежнев на своём последнем съезде с большим трудом смог осилить отчётный доклад. По телевидению транслировали лишь его фрагменты, а большую часть доклада за генсека читали с экрана любимые актёры народа — кажется, это были Василий Лановой, Михаил Ульянов, Кирилл Лавров.

Мы прождали текст горбачёвского доклада до пяти часов вечера, но по телетайпу он так и не пришёл, поэтому делали в основном “свой” номер.

Зарубежная пресса полна скептических и пессимистических прогнозов насчёт будущих решений съезда. Пишут и говорят, что верх возьмут консерваторы, что неизбежен раскол в партии и что неизвестно — удержится ли на своём посту Горбачёв...

“Комсомолку” завалили откликами на “Заявление 22-х”. Молодые коммунисты выступили с осуждением российского съезда, учредившего российскую Компартию. Аргумент: делегатов российской партконференции, которая затем объявила себя съездом, на подобное никто не уполномочивал... В связи с этим (также в связи с избранием И. К. Полозкова первым секретарём ЦК российской Компартии) обнаруживается так много желающих приостановить членство в партии или выйти из неё, что начинаешь задумываться: а кто в ней остаётся-то? Разброд и шатания — немыслимые...

Зато у меня на работе — просто рай: за целый день ни одного звонка из обкома...

Мне кажется, вряд ли открывшийся съезд сможет кардинально изменить ситуацию в партии и стране — даже прими он трижды замечательные решения... Вся страна охвачена всеобщей тотальной говорильней, это какое-то всеобщее сумасшествие. При всём при том почти никто никого не слушает, предпочитая лишь говорить о своём... И почти никто не работает — откуда же взяться продуктам и товарам!

Хорошие решения это даже не полдела, а треть дела, главное — механизм реализации. А его-то как раз и нет.

4 июля

У нас — ЧП. Сделали первый съездовский номер с докладом М. С. Горбачёва: не без труда, но “упаковали” всё в четыре страницы (все предыдущие доклады генсеков на съезде занимали обычно по восемь страниц), и я со спокойной душой отправился домой. Уже на выходе встретил директора типографии, и он с каким-то злорадством сообщил, что вся наша сегодняшняя суета не стоит ломаного гроша — газета не выйдет, потому что нет бумаги. Я даже подумал сначала — это он шутит, потому что ни в понедельник, ни сегодня (во вторник) он на этот счёт ни словом не обмолвился, и я был уверен, что ожидаемый вагон с бумагой (всё же четыре дня прошло) давно здесь...

Да уж ни раньше, ни позже, а в самый раз! В прежние времена нас всех, включая начальника “Полиграфии” товарища Г. А. Кузина (он в день открытия съезда отправился в очередной трудовой отпуск, прекрасно зная о ситуации с бумагой) попросту посадили бы... Стал звонить обкомовскому начальству, те стали искать Кузина, который, как оказалось, умотал на своих “Жигулях” в Балхаш — ищи его там, свищи...

Утром наша “ЗП” вышла в единственном полубракованном экземпляре — бумаги не было даже для обязательной “приправки” ротационных машин перед их запуском на полную мощность...

Есть некая зловещая закономерность в том, что произошло. Если начинают бардак и неразбериха, то сбой случается в самый неподходящий момент. Вот и у нас всё произошло, когда в столице разворачивалось действие, за которым, без преувеличения, наблюдала не только вся страна, но и следил едва ли не весь мир...

... На следующий день всё же отыскался злополучный вагон с бумагой, однако и его нам с “Кызыл Ту” хватит лишь на девять номеров — это неделя и еще два дня работы. Что будет дальше — неизвестно, хотя, говорят, нам отправили ещё один вагон...

6 июля

В докладе М. С. Горбачёва всего три раздела: “О текущем моменте”, “Политика перестройки: опыт и перспективы” и “Партия и перестройка”. В первом разделе М. С. вновь напоминает о том, какое тяжёлое ему досталось наследство, ведь проблемы в стране начались не с 1985 года... Говорит: “В обществе появились силы, толкающие нас к буржуазному строю, связывающие выход из нынешнего сложного состояния с переводом страны на капиталистические рельсы”.

Обновлённую партию М. С. видит “партией социалистического выбора и коммунистической перспективы”.

Из выступления на съезде Н. А. Назарбаева — о переходе к рынку: “Мне лично такая лихорадочная, поспешная подготовка к рыночным отношениям напоминает отчаянное отступление армии, не имеющей за спиной заранее подготовленных позиций...”. Он же об идеологии: “Пассивные, даже трусливые действия работников идеологического фронта во главе с членом Политбюро В. А. Медведевым деморализовали партийные силы и нанесли урон идейной убеждённости советских людей...”.

Новые веяния. Руководство областного управления КГБ устроило встречу с журналистами. А изюминка в том, что проходила она в здании самого управления. Из почерпнутой ценной информации: в прошлом году из области эмигрировало 728 человек, 700 — в ФРГ и 28 — в Израиль.

7 июля

Заметка из подборки “200 строк в субботний номер”: два павлодарца — старший тренер футбольной команды “Трактор” и председатель горспорткомитета имели счастливую возможность... собственными глазами увидеть игру Диего Марадоны. Оба они побывали на чемпионате мира по футболу в Италии. Вот об этом бы и рассказать подробнее... Хотя, наверное, для футбольных фанатов один Марадона дороже целого чемпионата мира.

Наблюдал по ТВ за персональными (по направлениям работы) отчётами членов Политбюро. Бледновато выглядел В. А. Медведев, его то и дело “захлопывали”... Не знаю, впрочем, кто вообще сегодня бы мог блестяще выглядеть, отчитываясь за идеологическую сферу. Да и сам Вадим Андреевич, при всей его безупречной внешности, в партийной среде (не говоря уж о народе) непопулярен, публично почти никогда не высказывался, а если и выступал — уклончиво и обтекаемо. Вряд ли у него есть перспектива вновь занять высокий пост в будущем руководстве ЦК.

А. Н. Яковлева принимали хорошо. И это удивительно: отношение к нему партийных ортодоксов, да и партийного чиновничества явно отрицательное. Тем не менее он говорил с болью и страстью, сумел “зажечь” съезд и на этом его этапе, можно сказать, переиграл своих противников.

“На ура” принимали Е. К. Лигачёва. Вот уж кто действительно свой в партийной среде. Бодр, энергичен и, судя по всему, удержится в кресле без особых усилий. Интересно, как поведёт себя Егор Кузьмич, если его выдвинут на пост генсека?

Неплохо выступил Шеварднадзе, а вот Воротникова зал слушал почти равнодушно.

Глава КГБ Крючков отстаивал со съездовской трибуны право своей “конторы” на существование — и безуспешно: зал был настроен к нему весьма благосклонно.

Членам Политбюро предстоит ещё отвечать на вопросы делегатов, и, наверное, это будет поинтереснее самих ответов.

“Планета” даёт отклики зарубежных СМИ на работу съезда — достаточно скептические. Доклад М. С. Горбачёва оценивается как центристский, имеющий целью не обидеть ни консерваторов, ни радикалов. Ещё пишут: позиция “лавирирования” нужна генсеку, чтобы не допустить раскола в партии.

Задумал написать для “Простора” что-то вроде цикла новелл, миниатюр (сам ещё толком не знаю, что это будет...). На листках, вырванных из старых блокнотов, каких-то бумажках скопилось немало “изюминок”, никуда не вошедших, но, как мне кажется, ярких и интересных. Надо только выбрать оптимальную форму, взять правильный тон, собрать всё это в хороший букет... Можно было бы назвать их “осколками”, но уж больно непоэтическое слово, как сказал бы Незнайкин друг, поэт Цветик. “Мгновения” уже были... Надо думать... Вернее — начинать писать, а там посмотрим...

Послушал по радио выдержки из выступлений делегатов съезда. Много “правых” речей: “несут” Центр, ЦК, Политбюро, предлагают признать работу двух последних неудовлетворительной... Что правда — то правда: грехов у Центра хватает. Однако когда первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана всё валит на Политбюро, ни слова не говоря об ответственности местных властей (и своей собственной) за резню армян и погромы в Баку, это, по меньшей мере, неприлично.

Некоторые ораторы требуют оградить партию от очернительства, призвать к ответственности Горбачёва (чаще всего не называя при этом его фамилии), затеявшего перестройку, не имея чёткой программы.

Делегаты не хотели давать слово академику-экономисту Абалкину, а когда всё-таки дали, то не давали говорить...

Второй секретарь ЦК Компартии Литвы Швед несколько раз помянул средства (с ударением на “а”) массовой информации, которые, конечно же, всё делают не то или не так.

Честно говоря, я разочарован тем, что услышал — редко-редко проскользнет свежая мысль, говорят, по сути, одно и то же.

Был в “Бобровке”, у Мальцева. Застал его грустным и даже подавленным. Давно нет дождей, хлеба, как он сам выразился, угнетены, сена припасли очень

мало... Но не только засуха его тревожит — бывали в этом смысле и похуже времена.

Не без горькой иронии он говорил мне, что, когда в стране поднимают головы националисты, впору и ему подыскивать для жительства запущенную деревню в российском Нечерноземье.

— Откуда такие мысли, Николай Фадеевич, вам ли о подобном думать?

— А мне недавно сказали: мы вас сюда не звали, вы только испортили своей целиной нашу землю!

Каково подобное слушать человеку, для которого Целина — вся его жизнь. Который взлелеял и облагородил эту землю, вырастил на ней лес, создал совхоз, равных которому в области — единицы?

Ещё мы с ним говорили, конечно, о перестройке, о нынешней ситуации в стране. И вот что услышал:

— Подожгли старый дом, нисколько не представляя — где потом жить... Разве хозяева так поступают?

Это — о перестройке, обо всём, что происходит в стране. Дальше — о Горбачёве: Николай Фадеевич на стороне тех, кто его сегодня критикует... Аргумент Мальцева: "Политика политикой, но ведь основа всего экономика, как можно этого не понимать?"

— Что нужно нормальному человеку для нормальной жизни? — размышлял в разговоре со мной Николай Фадеевич. — Прежде всего, наверное, уверенность в завтрашнем дне. Какими бы плохими ни были застойные времена — эта уверенность у людей была, как и какая-никакая стабильность. А теперь нет ни того, ни другого.

Таково твёрдое убеждение человека от земли, хлебороба и руководителя Божьей милостью, и попробуй его переубеди в том, что нельзя нам жить так, как мы до сих пор жили, что мы больны и, наверное, должны переболеть, прежде чем выздоровеем. Дело совсем не в том, что Мальцев должен думать так же, как я... Проблема в другом: не только в среде партчиновничества, но и в народе зреет недовольство горбачёвскими реформами. А это уже очень серьёзно...

О партийном товариществе. Заходил Л. Л. Хмельницкий — бывший завод-делом пропаганды и агитации обкома партии. Не знаю человека, более преданного партийному делу, кто бы так, как он, истово служил ему, отдавая себя без остатка бесконечной круговерти дел, поручаемых "верхами" и придумываемых им самим. Когда говорят: служил верой и правдой — это как раз про него. В отличие от многих своих коллег по партийному дому Хмельницкий всегда оставался совестливым, в высшей степени деликатным человеком. Что же получил он в награду? Сначала его "отставили" с должности заводделом — под предлогом обновления команды, которую формировал новый первый секретарь обкома, и направили заведовать Домом политического просвещения. Он и там работал лучше, чем кто-нибудь до него. Но это место теперь понадобилось для попадающих под сокращение штатов его товарищей по партии, более чем он приспособленных к жизни... И Хмельницкий решил уйти сам, не дожидаясь, когда ему предложат. Вот она — реальная судьба солдата партии... Но если партии не нужны такие, как Хмельницкий, то она, скорее всего, обречена...

9 июля

Один дома. Свободен — только работать... Но как-то одиноко и неуютно одному: не пишется, не читается, не думается и даже... не отдыхается.

Взялся было за “Блёстки”, но скоро остыл, и теперь сиротливо лежат на столе молчаливым укором чистые листы бумаги...

По телевидению очень мало информации о съезде (по сравнению со съездом народных депутатов — неприлично мало). Мы печатаем информационные отчёты с кратким изложением речей. “Правда” — сами речи, но атмосферу съезда они полностью не доносят. Ещё мы даём впечатления одного из павлодарских делегатов — секретаря парткома строительного треста А. Т. Наумчика, которые берём у него по телефону; и он тоже говорит о том, что мы мало себе представляем всё происходящее в съездовском зале. Делегаты этим усечённым освещением съезда сильно недовольны.

Теперь вот “Маяк” начал прямую трансляцию со съезда. Атмосфера там всё больше накаляется, иные ораторы кликушествуют — иначе не скажешь. Требуют дать персональную оценку работы каждого члена и кандидата в члены Политбюро (по шкале “удовлетворительно” — “неудовлетворительно”), отправить в отставку Политбюро, ЦК и генсека (а его деятельности дать персональную политическую оценку — за развал экономики и партии), запретить совмещение постов Генерального секретаря и Президента... Кто-то предложил запретить Горбачёву вести заседания съезда, поскольку он гипнотизирует делегатов, заговаривает их, как Кашпировский своих пациентов на массовых сеансах психотерапии.

Раздаются, впрочем, и трезвые голоса: неужели мы будем, как встарь, устраивать на съезде политический суд? Если так, то не одни члены ЦК, а мы с вами должны встать у позорного столба, мы ведь все приложили руку к сегодняшнему кризису...

Много ругают прессу за куцее и необъективное освещение съезда. Хотя как ни напиши — кому-то всё равно не понравится.

Вчера слушал ответы А. Н. Яковлева на вопросы делегатов. Держался он мужественно, стойко и даже на хамские и риторические вопросы отвечал с достоинством. Сказал, что его противники могут быть спокойны — он не собирается вновь выдвигаться на руководящий пост в партии.

А. Н. Яковлеву поступило 250 письменных вопросов, В. А. Медведеву — 750, в том числе более ста — по СМИ. На последние он отвечал так: никто никогда не выиграет, если будет строить отношения с прессой на конфронтации, а не на диалоге.

Е. К. Лигачёв всем своим видом как будто подчёркивал: вот он я — весь на виду, открытый, искренний, работающий, плоть от плоти нашей партии, готов и впредь вместе с вами тянуть наш партийный воз...

Лигачёв говорил, что он за социалистическую перестройку, за единую партию, в составе которой должны быть компартии республик. Иначе — уход КПСС с политической арены и распад СССР.

Именно Лигачёву молва приписывала роль главного идеолога провалившейся антиалкогольной кампании. Он отвечал: это неправда, будто в стране повырубали все виноградники, шло их плановое обновление, и лучшее подтверждение тому — двояной рост потребления свежего винограда.

“Маяк” тут же отреагировал ехидной репликой, опровергающей эти утверждения Лигачёва.

Затем делегат из Ставрополя дал “отлуп” уже “Маяку”, а вместе с ним и Собчаку, утверждавшему, что виноградники в этом краю загублены. Он пригласил Собчака побывать в Ставрополе, отведать не только винограда, но и молодого виноградного вина: может, хотя бы после этого Анатолий Александрович похорошеет?

Эта энергичная, умело подогретая эмоциями речь (благородное негодование, ирония) была встречена овациями: мол, будете знать, как трогать наших! После бурных дебатов решили транслировать съезд по ТВ полностью.

М. С. Горбачёв в перерыве между заседаниями съезда встречался с секретарями райкомов, горкомов, обкомов партии. И вновь обстановка была близка к истеричной, многие откровенно грубили Горбачёву.

Вообще съезд и не нуждается в критике со стороны, поскольку компрометирует себя сам, раздеваясь перед коммунистами страны и народом в наиболее откровенных речах. Каких решений можно ждать от такого съезда, какого обновлённого ЦК? Если Горбачёв и уцелеет на своем посту, то с кем он останется, в каком окружении?

10 июля

Опять, уже в который раз, поцапался на работе с Л. Г. Умная, талантливая, красивая — но уж змея! Как, впрочем, почти все одинокие бабы. И ведь не права же, не вникла в суть дела, а ерепенится... Упрётся — ничем не сдвинешь...

Мне бы поменьше внимания на неё обращать (ну сказала не то и сказала!), а я всё надеюсь её перевоспитать...

“Блестки” пишутся через пень-колоду. Вчера взялся за очередную главку и, помучившись, бросил: слова все рождаются плоскими, слог — то убогий, то напыщенный... И нет уже того эйфорического чувства, что осеняло замысел несколько недель назад. Того состояния, которое Лев Николаевич Толстой называл энергией заблуждения. (Впрочем, брат-филолог говорит — это Виктор Шкловский так назвал вдохновение).

... Уже заскучал без своего многочисленного семейства — детей, Ольги. Не могу я долго оставаться один...

Продолжается съезд. Сегодня выдвигали кандидатов в генсеки. Сняли свои кандидатуры в пользу Горбачёва Яковлев, Шеварднадзе, Лобов и другие, менее известные фигуры. Остались М. С. и Авалиани — первый секретарь горкома из Кемеровской области. Если не ошибаюсь, это именно он в своё время написал письмо Брежневу, предлагая ему уйти в отставку, за что был исключён из партии.

Итоги голосования: из 4554 голосов за Горбачёва — 3411, против — 1116; за Авалиани — 501, против — 4026. Думаю, большинство из тех, кто проголосовал за Авалиани, на самом деле голосовало против Горбачёва.

11 июля

Сегодня съезд вновь взял истерическую ноту. При обсуждении резолюции “Об экономической платформе партии” один из лидеров “Демократической платформы” — Лысенко — предложил выразить поддержку шахтёрам Кузбасса, проводящим политическую забастовку и требующим отставки союзного правительства.

Председательствующий — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Муталибов подрастерялся и едва тут же не поставил вопрос на голосование.

Но тут возмутился стоявший на трибуне глава этого самого правительства Рыжков.

Атмосфера в зале стала накаляться... Вмешался Горбачёв, дезавуировал предложение Лысенко (“Это же ясно, товарищи, что нам тут опять подбрасывают...”), восстановил равновесие.

Зато на сессии Верховного Совета РСФСР требования бастующих шахтёров Кузбасса об отставке союзного правительства и об устранении парткомов с предприятий было встречено аплодисментами. Окрылённый такой поддержкой посланец Кузбасса продолжал с трибуны: “Многие предприятия уже выставили свои парткомы за ворота, скоро и другие выкурят оставшихся...”.

12 июля

Н. И. Рыжков докладывал 12 июля на съезде о ситуации в шахтёрских регионах. В забастовках участвуют 276 угледобывающих предприятий из 655. В Кузбассе из 100 шахт и разрезов сутки бастовали 57, в Донецкой области из 127 — 41, в Луганской — из 97 — 56, в Ростовской — из 70 — 43... Митинги носили ярко выраженный антиправительственный и антипартийный характер. В Воркуте на митинге была предпринята акция по коллективной сдаче партийных билетов, но на этот шаг пошли только три человека.

М. С. Горбачёв проинформировал делегатов съезда о происшествии в Нагорно-Карабахской области: армянские боевики остановили и расстреляли автоколонну (какую — не было сказано). В результате трое погибли, 24 человека ранены, трое из них в тяжёлом состоянии. Нападавшие скрылись, их ищут, обнаружены оставленные ими гранаты, взрывчатка, радиостанции...

13 июля

Оказывается, у нас в Павлодаре растёт удивительное столетнее дерево: то ли маслина, то ли редкая разновидность лоха (без колючек), называемого в народе дикой маслиной. Оно растёт на улице Тургенева, неподалёку от гостиницы “Иртыш”. Я хорошо помню его искорёженный временем ствол, но никогда не обращал на это дерево никакого внимания.

А вот Д. П. Приймак раскопал его историю с конца прошлого века, даже очевидцев нашёл... Д. П. утверждает, что среди других долгожителей — липы в Чалдае (их возраст он не указывает) и пятисотлетняя сосна на Аккуле, близ села Чёрное.

Я часто не знаю: верить — не верить Приймаку, но после этой его заметки в “ЗП” сам загорелся — надо бы съездить с ним вместе к этой самой пятивековой сосне.

Трогающее душу письмо Г. Кайстра из села Дмитриевка Успенского района: у него, пожилого уже человека, сгорел дом со всем имуществом. Хоть ложись да помирай. Помогли односельчане — кто чем мог, председатель колхоза В. А. Бартель выделил стройматериалы, а строили братья Гуцу со товарищи. Дом отремонтировали... И никто не взял с хозяина ни копейки. Какой всё же замечательный у нас народ!

Время от времени мы публикуем списки репрессированных в 30-40 годы павлодарцев, реабилитированных по Указу Верховного Совета СССР от 6 января 1989 года. Нам, журналистам, эти фамилии мало о чём говорят, но некоторые из тех людей всё же уцелели, и теперь мы рассказываем о них. А тут ещё С. П. Шевченко принёс свой материал: ему прислали из Петропавловска номер областной газеты с таким же, как у нас, списком, в котором и фамилия его отца. С. П. хорошо помнит те времена. Пишет: когда отца “брали” в первый раз, он совсем не боялся, успокаивал их с сестрёнкой, мать — свою жену. Когда пришли за ним во второй раз, его была такая дрожь, что он не мог застегнуть пуговицы... Отец уже знал, что его ожидает, и домой не вернулся никогда...

Трое братьев отца С. П. тоже отсидели разные сроки, но ещё успели на Великую Отечественную и сложили на ней свои головы...

Ещё С. П. приводит факт, хорошо характеризующий то время и его людей. Один из руководителей большевистской партии Ю. Л. Пятаков, попавший под те же жернова, что и десятки тысяч его современников, пишет из следственного изолятора в ЦК ВКП(б): чтобы доказать свою преданность партии, он готов лично расстрелять тех, кто проходит по одному с ним “делу”, в том числе свою бывшую жену...

14 июля

Печатаем письмо — крик души несостоявшегося арендатора Л. Темеркаева. Откликнувшись на призывы развить аренду, они с женой решили попробовать себя в этом деле. Приехали в старое Ямышево, где живёт отец Темеркаева, а при нём ещё восемь сыновей и дочь, и после семейного совета взялись налаживать хозяйство. Купили дом, отремонтировали брошенное подворье, взяли в соседнем совхозе “Ямышевский” (на месте, в “Кызылкогалинском”, им отказали) 42 бычков со средним весом каждого в 112 килограммов. По договору их надо было откормить до 400 килограммов. Кормами обеспечивал совхоз, всё остальное делали своей семьёй. Ещё до установленного срока сдали бычков на мясокомбинат со средним живым весом 413 килограммов. Взяли в том же “Ямышевском” ещё 80 бычков. Вот тут и началось! Взбунтовались односельчане: чего это, мол, они везут сюда чужой скот, гребут деньги лопатой, завалили навозом всю округу... И добились-таки своего: сельсовет в целях борьбы за экологию вынес решение — убрать “чужой” скот из села в течение десяти дней...

Л. Темеркаев приводил на заседании сельсовета раскладку: за сданных арендаторами 42 бычков “Ямышевский” получил 64 тысячи рублей (в том числе 30 тысяч чистой прибыли), а семья арендаторов из десяти человек (из той же общей суммы) всего 19 тысяч. Говорил, что ему некуда девать теперь этих 80 бычков; предлагал нанять в местном совхозе трактор, чтобы вывезти накопившийся навоз (за свой счёт)... Но местная советская власть, выражая волю “народа”, была неумолима: прикрывайте лавочку.

“Трудно мне понять психологию тех, кто сам не хочет работать и другим не даёт”, — пишет Л. Темеркаев. Хотя тут всё как раз понятно: если десяти Темеркаевым дать развернуться во всю силу, то, может, со временем и весь совхоз уже не нужен будет — во всяком случае, в его прежнем виде. А всем его оставшимся работникам куда потом деваться?

В прошлом году в Павлодаре сделано шесть тысяч аборт. Соотношение родов к абортам 1:1,3. Это информация из нашей газеты — со ссылкой на горздравотдел.

11 июля в Экибастузе состоялся митинг, на котором угольщики, шахтостроители, энергетики заявили о своей солидарности с бастующими шахтёрами страны. Выступило около 20 человек. Выдвигались в основном экономические требования, но некоторые из ораторов требовали также отставки правительства, деполитизации армии и правоохранительных структур, вывода с предприятий партийных комитетов.

Мы опубликовали заметку о митинге, никак не комментируя выступления его участников.

На съезде КПСС бурно дебатировались кандидатуры на пост заместителя Генерального секретаря... Предлагались: Лобов, Лигачёв, Яковлев, Рубикс, Назарбаев, Бакатин и другие. Горбачёв назвал кандидатуру бывшего первого секретаря ЦК Компартии Украины Ивашко, победившего недавно в нелёгкой борьбе на выборах председателя Верховного Совета Украинской ССР.

Большинство выдвинутых сняли свои кандидатуры, в списке остались трое: Лигачёв, Ивашко и самовыдвиженец Дудырев — ректор одного из ленинградских вузов. После изложения своих программ они отвечали на вопросы. Ивашко опроверг слухи, будто он, не дожидаясь голосования на съезде, подал в отставку с поста председателя ВС Украины; он не предполагал, что будет выдвинут в заместители генсека...

Многие пытались “забодать” Лигачёва, предлагая ему снять свою кандидатуру. Аргументы: против него настроено общественное мнение, у него репутация человека, противостоящего Горбачёву... Кто-то спросил: на XIX партконференции вы упрекали Ельцина за то, что он посадил на талоны всю Свердловскую область; а как вам удалось за полтора года посадить на талоны всю нашу страну?

А удружил Лигачёву, сам того, конечно, не желая, Собчак. Когда он пробился к трибуне и своими вопросами стал добиваться от Лигачёва признания его причастности к разгону митинга в Тбилиси (что, как известно, привело и к человеческим жертвам), зал пришёл в ярость. Говорить Собчаку не давали, но он всё же сказал, что хотел. И добился прямо противоположной цели: зал настолько не хотел видеть и слышать Собчака, что после его речи сторонников у Лигачёва наверняка прибавилось.

Избрали, понятно, Ивашко... Как он теперь будет объясняться со своими собратьями по украинскому парламенту?

Под занавес съезда громко хлопнул дверью Б. Н. Ельцин. Когда его стали выдвигать в члены ЦК, он вышел к трибуне и заявил о своем выходе из партии. Аргументы? Избрание председателем ВС РСФСР, огромная ответственность перед народом России с учётом перехода общества к многопартийности... После чего Б. Н. направился к выходу из зала, демонстрируя делегатам и телезрителям свою широкую спину.

Вообще Б. Н. — большой артист, потому что любит театральные жесты и все свои эпохальные шаги обставляет с большим апломбом. В данном случае, если уж ты истинный демократ, достаточно было подать заявление в первичную партийную организацию. Но это ведь для партийцев — простых смертных, а не для него.

Впрочем, Бог ему судья... Почему Бог? Потому что священник Глеб Якунин — демократ и народный депутат России — уже благословил Ельцина на этот шаг.

Ректор Московской Высшей партийной школы Шостаковский — гость съезда (был, оказывается, и такой статус), лидер “Демократической платформы”, от лица своих сторонников заявил, что съезд не оправдал их надежды на демократическое обновление, и они намерены создать собственную демократическую партию парламентского типа.

Объявили о своём решении — о выходе из партии — председатель Ленсовета Собчак и председатель Моссовета Попов...

На партии немало грехов — это правда. Но уж очень многие слишком демонстративно расстаются с нею, наживая себе политический капитал.

Опубликовали ответы с московской пресс-конференции Н. А. Назарбаева для советских и иностранных журналистов:

— Коммунисты Казахстана выступают за экономический и политический суверенитет своей республики в составе Советской Федерации...

Мы стремимся укрепить СССР, то есть нисколько не исходим из сепаратистских настроений.

За советский период я первый из руководства Казахстана, кто побывал в мечети и православной церкви.

Политбюро должно быть реорганизовано полностью. Поскольку оно возглавляет многонациональную партию, то все 15 республиканских партий должны быть представлены в высшем политическом руководстве КПСС.

Семипалатинский полигон будет закрыт, речь можно вести только о сроках.

15 июля

Выдаём в нашей газете “военную тайну” — сколько получают высшие чины партии — эти данные были обнародованы на съезде: месячная зарплата членов Политбюро ЦК КПСС составляет 1200 рублей, кандидатов в члены — 1100, “рядовых” секретарей ЦК — 1000 рублей. Не так уж и много, думаю, у директоров крупных павлодарских предприятий будет не меньше...

Наконец-то прошли дожди, в Павлодаре — мощные, с грозами, промыв город дочиста. Но оказалось, что так было далеко не везде. Мою родную сторону — Михайловский “куст” — дожди обошли, как, впрочем, и почти весь Железинский, Качирский и Иртышский районы. П. А. Побережников пишет в своей заметке и о других чудачествах недавнего дождя: в Успенке выпало с 5 до 9 июля 29 миллиметров, а неподалёку, в Лозовом — всего один. Такая у нас погода...

Публикуем выступление М. С. Горбачёва по итогам обсуждения политического отчёта ЦК КПСС съезду. Если судить по тексту, то эту речь М. С. делегаты воспринимали “на ура”. Я специально подсчитал: она прерывалась аплодисментами 13 раз, и все они особо выделены в присланном нам телетайпном сообщении.

Помимо прочего, М. С. заявил: “Тот, кто рассчитывал, что это последний съезд и на нём состоятся похороны партии, просчитался... КПСС живёт и будет жить, вносить свой исторический вклад в прогресс нашей страны, в прогресс мировой цивилизации” (Аплодисменты).

В “Архипелаге” А. И. Солженицына есть строки и о Павлодаре, через пересыльную тюрьму которого довелось пройти А. И. Солженицыну: “... за стеной сразу видна улица и ларёк с пивом, и... кто там ходит. А ещё дальше — кварталы, кварталы таких одноэтажных домиков, и изгиб Иртыша, и даже заиртышские дали.

Какая-то живая девушка, которой только что вернули с вахты пустую корзину из-под передачи, завидела нас в окне и наши приветственные помахивания, но виду не подала. Пристойным шагом, чинно зашла за пивной ларёк, чтобы её не просматривали с вахты, а там вдруг порывисто вся изменилась, корзину опустила, машет, машет нам обеими вскинутыми руками, улыбается! Потом быстрыми петлями пальца показывает: “Пишите, пишите записки, — дугой полёта: “Бросайте, бросайте мне!” и в сторону города: “отнесу, передам!”. И распахнула руки: “что ещё вам? чем помочь? друзья!”.

Милая, бесстрашная девушка! Как быстро ты прошла, как верно усвоила всю тюремную науку! Какое счастье (да не слёзы ли в уголке глаза?), что есть ещё такие!.. Прими наш поклон, безымянная! Ах, весь наш народ был бы такой — ни черта б его не сажали, заели бы проклятые зубья!”.

Теперь на месте этой тюрьмы, которую и я хорошо помню, девятиэтажный жилой дом. А тот, где живём мы, — от него в трёх минутах хода.

17-18 июля

Печатаем резолюции съезда: по политическому отчёту, “Об основных направлениях военной политики партии на современном этапе”, “В защиту демократических прав, против гонений на коммунистов”, “О положении крестьянства и реализации аграрной политики КПСС”, “О политике КПСС в проведении экологической реформы и переходе к рыночным отношениям”, “О молодёжной политике”, “О средствах массовой информации КПСС” и другие.

Из программно-политического заявления съезда “К гуманному демократическому социализму” (тоже печатаем):

“Основной современной стратегии движения к процветающему и свободному обществу и тактики выхода из кризиса съезд считает последовательный курс на обновление общественной системы в рамках социалистического выбора.

В качестве неотложных мер партия выдвигает: первое. Разработку в текущем году нового договора о союзе республик как суверенных государств, основанного на строгой добровольности, взаимной выгоде, на свободе национального самоопределения, учитывающего как специфические особенности и потребности республик, так и интересы Союза в целом.

Альтернативой изжившей себя административно-командной системе руководства народным хозяйством является рыночная экономика... ”.

Публикуем биографии членов Политбюро ЦК КПСС, избранных съездом. Среди них нет Е. К. Лигачёва, А. Н. Яковлева, В. А. Медведева... В Политбюро вошли все первые секретари компартий союзных республик, а также первый секретарь Московского горкома партии Ю. А. Прокофьев, секретари ЦК КПСС Г. В. Семёнова, Е. С. Строев, И. Г. Фролов, О. С. Шенин, председатель ВЦСПС Г. И. Янаев.

Новость — как обухом по голове: облуправление связи прислало официальное письмо, в котором требует за свои услуги в будущем году больше полутора миллионов рублей. Это, если верить нашему бухгалтеру, в десятки раз больше, чем платим сейчас.

То-то теперь заживём...

18 июля

Заходил П. И. Оноприенко — посоветоваться. Он озабочен будущим своей газеты и не хочет, чтобы она оставалась органом горкома партии. Как он выразился, даже победа на минувшей партконференции лучшего из партаппаратчиков Третьякова кардинально ничего не меняет, потому что и тот не может выйти в своём мировоззрении за рамки воспитавшей его системы...

Газету частично содержит горсовет, но ничего не делает, чтобы заявить свои права на неё. Если депутаты не проявят решительности, то Оноприенко намерен объявить “Заветы Ильича” независимой газетой и обратиться за материальной поддержкой к читателям и предприятиям. Может быть, придётся и посудиться, но это Оноприенко не страшит.

Советовал ему не форсировать события: если говорить о свободе действий, то “Заветам” и сейчас живётся не хуже всех, скорее — наоборот... Объявить сегодня можно всё что угодно, но гарантий победы у него нет. Зато есть реальная перспектива быть вышибленным из газеты, которую он создавал и сделал одной из лучших в области. Вроде убедил...

А у нас заботы — рост цен на услуги связи по доставке газеты. Правда, не в десятки, а “всего” в 13 раз. Написал по этому поводу заметки “Сколько стоит гласность”, предложив высказаться на страницах газеты и читателям.

Какое-то подозрительное затишье. Из обкома — ни руководящих звонков, ни упреков, ни даже замечаний. Впрочем, там тоже проблемы: грядёт очередное сокращение аппарата — на 50 процентов.

“Блёстки” мои пишутся — в час по чайной ложке. Кажусь сам себе полнейшей бездарностью...

21 июля

Вчера утром неожиданно запросил “аудиенции” второй секретарь Индустриального райкома партии В. Л. Гетман. “Пришёл за поддержкой — как к члену

бюро обкома — в таком деликатном деле, как определение структуры городской партийной организации”, — объявил цель своего визита. Поговорили... Речь о том, что оставлять в Павлодаре: горком или райкомы партии? Проблема не нова: несколько месяцев назад горком и райкомы сцепились из-за этого в схватке, мы об этом писали... Гетман, понятно, за сохранение райкомов: они ближе к парторганизациям, что сейчас, когда все говорят о полновластии партийных масс, особенно важно... Горком же всегда больше занимался не партийными делами, а хозяйственными, а теперь же это забота Советов... Да вот и первый секретарь горкома Байтерьяков подал в отставку, ссылаясь на болезнь жены...

Что и говорить — убеждать Василий Леонидович может, причём исподволь, без нажима... Я сразу сказал, что ещё не определился — за кого сам. Но это и не так важно: решать проблему должны коммунисты города. И если найдёт коса на камень, а полюбовное соглашение станет невозможным, то надо провести в Павлодаре что-то вроде референдума — пусть будет учтено мнение на этот счёт каждого коммуниста. И вот эту идею я бюро обкома выскажу — независимо от того, как пойдёт разговор.

На мой вопрос Гетману — как он оценивает Мещерякова — услышал: “Прораб областного масштаба”. По мнению Гетмана, такая область, как наша, заслуживает более крупной и более образованной личности. В чём-то Гетман, наверное, прав (в смысле культурной образованности М., например), но вряд ли его можно считать мелкой личностью.

Сегодня — опять рабочая суббота, партийно-хозяйственный актив и, попутно, встреча с делегатами съезда. Мещеряков в докладе сказал, что положение с финансами в областной парторганизации критическое: из нынешних 5,5 млн. рублей “уйдёт” — 3,8 млн. (на 2,5 млн. уменьшится поступлений партийных взносов, и на 1,3 млн. — дотация ЦК). Поэтому есть предложение (спасительная формула застойных времён) совхозам и колхозам взять на содержание своих секретарей парткомов — скажем, в качестве заместителей директоров (председателей) по политико-воспитательной работе... Кроме того, участникам партактива предлагалось высказаться по будущей структуре городской парторганизации.

Идею — взять партторгов на содержание — поддержали мигом. Первый секретарь Лебяжинского района: “Мы уже договорились обо всём с руководителями хозяйств, и секретари парткомов станут не только получать зарплату в совхозах, но также будут пользоваться всеми льготами и получать премиальные на уровне главных специалистов”. Директор совхоза “Пресновский”: “Секретаря парткома на содержание берём, а уж как будем использовать — решим! (Смех в зале)... Во всяком случае, можете быть уверены: в моём совхозе в ближайшие пять лет других партий не будет!”.

Приняли соответствующую резолюцию.

Вялотекущие дебаты на тему “горком или райкомы?” (несмотря на робкие попытки всё того же Гетмана напомнить о “праве партийных масс”) закончились внушительной заключительной речью Ю. А. Мещерякова. Время от времени он прибегал к своему любимому приёму, обращаясь к залу за поддержкой:

— Так, товарищи?

Или:

— Правильно я говорю?

Разумеется, всякий раз оказывалось “так” и “правильно” — всегда раздавались одобрительные возгласы... А энергичная фраза о том, что “хватит нам

заниматься покаянием, всё время бояться и оглядываться — в борьбе, когда другие хотят занять наше место, не до церемоний” — даже вызвала аплодисменты.

Н. А. Назарбаев — в США, по приглашению президента Американского торгового консорциума Дж. Гиффена. В тассовском сообщении для нас пишется, что этот консорциум наряду с другими проявляет значительный интерес к разработке газовых и нефтяных месторождений в Западном Казахстане, а также к расширению взаимовыгодного сотрудничества с Казахской ССР.

Н. А. был принят в Белом доме и в сенате конгресса США. Он побывает в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Новом Орлеане и Хьюстоне.

Публикуем сообщение ТАСС: Совмин СССР постановил списать долги с колхозов, колхозов и других сельхозпредприятий на общую сумму свыше 40 миллиардов рублей. Это так называемая задолженность по ссудам банков. Вроде всё правильно: вряд ли эти долги могли быть возвращены. К тому же не только в бесхозяйственности дело, но и в том, что в целом по стране цены на товары и ресурсы за последние 20 лет выросли вдвое, а на сельхозпродукцию почти не изменились.

Но всё же как могут чувствовать себя сейчас те, кто, несмотря на все эти субъективно-объективные причины, не имел долгов. Они-то ради чего старались?

Отличная новость: горисполком Павлодара отвёл гектар земли на берегу Иртыша для строительства нового православного храма (кстати, совсем рядом с нашим домом). Даём в газете вместе с этим сообщением номер счёта для перечисления средств. Нефтеперерабатывающий завод уже перечислил 70 тысяч рублей...

22 июля

В двух номерах аналитическая корреспонденция Ю. А. Ковхаева о том, как уже много лет “бодаются” энергетики с угольщиками.

“В Экибастузе застоя не было!” — заявил Ковхаеву технический директор “Экибастузугля” Н. М. Белик. И в его словах много правды: здесь последние лет двадцать всё и всегда было “самое-самое”: самые мощные экскаваторы (производительностью добычи — до 5 тысяч тонн в час), угольные разрезы (проектная мощность “Богатыря” — 50 млн. тонн — превышена на 7 млн.)... Сюда же я добавил бы Экибастузскую ГРЭС-1 — одну из самых мощных тепловых станций в мире, дымовую трубу ГРЭС-2 в 420 метров — самую высокую в мире и т. д.

Речь, однако, не об этом... По данным гендиректора “Павлодарэнерго” А. М. Сафарбакова в области ежегодно сжигается 33 миллиона тонн угля. При этом образуется около 16 миллионов тонн золы (то есть в каждой тонне угля содержится до 50 и более процентов золы), 97 процентов её улавливается, а остальная — почти полмиллиона тонн в год — вылетает с дымом в трубы, припорошенная собой не только всю нашу область, но и часть Алтайского края.

Нигде в мире не используют в подобных масштабах уголь с таким содержанием золы, как у нас. На Западе, пишет Ковхаев, верхний предел зольности — 20 процентов. Если же он выше, то такой уголь обогащают.

У нас из-за некачественного угля страдает не только экология. Раньше времени выходит из строя оборудование тепловых станций, снижается их мощность, случаются аварии. Несут убытки энергетики, страдает всё народное хозяйство.

Возникает традиционный русский вопрос: что делать? Мы уже делаем — говорят угольщики: увеличиваем объём усреднённого топлива. Эта технология позволяет смешивать высокозольный уголь с низкосольным и таким образом избавляться от перепадов в его качестве... Усреднение уже налажено на разрезе “Восточный”, планируется оно и на “Богатыре”; к концу пятилетки должно усредняться уже свыше 40 миллионов тонн угля. Угольщики считают, что это в значительной мере решает проблему.

Второй путь — обогащение угля на специальных предприятиях. Но это дело далёкого будущего, что не устраивает энергетиков, которые убеждены: угольщики — принципиальные противники обогащения, поэтому и затягивают это дело.

По данным Госкомприроды Казахской ССР, одна обогатительная фабрика мощностью десять миллионов тонн в год обойдётся примерно в 200 миллионов рублей. Их на одну только нашу область потребуется минимум три, а как быть с другими тепловыми станциями, работающими на нашем угле — уральскими, омскими, карагандинскими, целиноградскими, североказахстанскими? И даже если золы из труб на наши головы станет сыпаться меньше, то куда потом девать “хвосты” от обогащения — это ведь будут даже не десятки, а сотни миллионов тонн?

У каждого своя правда, пишет Ю. А. Ковхаев, а разногласия усиливаются. Он предлагает сторонам сесть за стол и договориться...

Материал хорош, ёмок. И вывод — правильный. Но я сам не раз писал о том же и сильно сомневаюсь, что энергетики с угольщиками смогут договориться. Тут нужен кто-то третий, суперавторитетный. Но кому сегодня по большому счёту есть дело до наших проблем такого рода?

24 июля

Был на заседании бюро обкома, как никогда, коротком. По первому (основному) вопросу должен был отчитываться первый секретарь Ильичёвского райкома партии В. М. Елисеев. Но поскольку райкомы сокращаем, заявил Мещеряков, то какой же смысл его заслушивать? Зачитали проект решения о сокращении райкомов. Гетман спросил: а сколько “первичек” было “за” и “против?”. М. отвечал: хватит дискутировать — решать всё равно будет обком партии.

В. М. Елисеев в вяло-деликатной речи излагал аргументы “за” и “против”, хорошо понимая, что изменить уже ничего нельзя.

Я тоже это понимал, но вся равно “вылез” со своей идеей об общегородском партийном референдуме.

Члены бюро — тяжеловесы, председатель облисполкома Ж. Г. Искаков, второй секретарь обкома К. К. Ашимбетов сказали, что мы должны влиять на ситуацию, вести людей за собой, иначе — зачем мы?

Мещеряков, подводя итоги, довольно резко прошёлся по моей идее относительно референдума: мол, вопрос не нов, позиции давно известны, аргументы изложены и нечего тут рассуждать.

Так что дни райкомов партии в Павлодаре сочтены...

Г. А. Бабин стал помощником Мещерякова — председателя областного Совета. Конечно, Г. А. был не на своём месте в обкоме (а может, ему просто не повезло

— не в то время пришёл)... Соизмеримы ли уровни должностей — прежней и настоящей? По неписаной табели о рангах — в общем, да... Но есть, как мне кажется, в роли всех помощников нечто унизительно-рабское...

Сегодня принесли расчёты по доходам-расходам газеты на будущий год с учётом возросших appetites почтовиков. Предварительный итог — 1,7 миллиона убытков против хоть и небольшой, но всё же прибыли в прошлом году. Сказал, чтобы снова считали: какую надо устанавливать цену на газету, что и кого можно сократить, какую прибавку могут дать реклама и объявления... Как-то же надо будет сводить концы с концами.

25 июля

Умер Александр Анатольевич Егоров. Мы с ним были знакомы лет двадцать, ещё с тех пор, когда я делал свои первые шаги в журналистике, а он был управляющим третьим отделением нашего совхоза “Михайловский”. Потом уже моя мать работала под его началом, когда его перевели на центральную усадьбу. В последние годы он был директором совхоза “Железинский”, который при нём быстро пошёл в гору. Мы этой весной встречались на юбилее железинской районной газеты и даже выпивали... Он из целинников, начинал трактористом, работал слесарем и мастером, знал сельскую жизнь до тонкостей.

Он был человеком дела и где бы ни работал — оставлял о себе добрую память. Когда наш зять Николай Лиханов лишился директорского поста в совхозе, именно Егоров позвал его к себе главным инженером.

Александр Анатольевичу не исполнилось и 54 лет, он всегда был крепок физически, уверен в себе, был полон планов...

Отдыхал с друзьями и сослуживцами на берегу Иртыша, выпивали — разумеется, в меру, под хорошую закуску... Решил искупаться. В воде ему стало плохо, это сразу заметили, вытащили на берег... Приехавшая через какое-то время “скорая” констатировала смерть.

Мы не были с ним друзьями. Но его смерть я ощущаю как большую личную утрату...

26 июля

“Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...” Несколько лет назад наша газета и я лично насмерть стояли против появления в Павлодаре завода БВК (предприятия по выпуску белково-витаминных концентратов). Хотя не только мы, а едва ли не весь Павлодар говорил решительное “нет” этому заводу, и решение о его строительстве было отменено. Как все мы гордились этой своей победой!

Но вот читаю в родной “ЗП” статью директора нефтеперерабатывающего завода Г. Мощенко и становится как-то не по себе. Сырьё для завода БВК должна была дать установка “Парэкс”, вырабатывающая парафины. На её сооружение заводом уже затрачено 27 миллионов рублей, приобретено оборудования на 30 миллионов, в том числе на 24 миллиона — импортного. Облсполком приостановил финансирование, банк денег не даёт, не стесняясь штрафовать завод за то, что он несвоевременно устанавливает оборудование.

Руководство завода предлагает перепрофилировать установку на производство неэтилированного (то есть экологически более чистого, чем выпускаемый

сегодня) бензина с попутным получением дефицитных растворителей. При этом оборудование и схема его установки остаются прежними, а выпускаемого высококачественного бензина хватит на всю республику.

Ещё директор завода предлагает построить установку по производству пропилена и цех по выпуску изделий из него. Сырьё — собственное, инофирмы уже сегодня готовы покупать пропилен за валюту. (Это дефицитнейший материал, из которого делают корпуса для бытовой техники, упаковку, облицовку и даже ковровые изделия).

Заводчане уверяют, что ни первый, ни второй проект не ухудшают экологию в Северном промузле, они не просят денег, гарантируют увеличение отчислений в бюджет... Им всего-то нужно, чтобы руководство области определилось с перспективой завода, входящего в тройку крупнейших в Союзе по выпуску продукции... А облисполком (это его прерогатива) выжидает: обжёгшись на молоке (заводе БВК), дует теперь на воду...

Материалом Г. Мощенко открываем вторую полосу, даём пространную редакционную приписку, в которой поддерживаем автора. В облисполкоме, конечно, будут недовольны, но как-нибудь отобьёмся!

27 июля

Китайцы и впрямь прислали на тракторный завод своих рабочих. Первая партия — 155 человек — уже прибыла, на днях подъедет другая, а всего их будет пять — 700 человек. Платить им, пишет в информации Л. Бусыгина, будут по тем же тарифам и расценкам, что и нашим рабочим.

Даём материал о том, что у нас в области создана государственная налоговая инспекция. Её начальник В. Бочин пишет, что за нарушения налогового законодательства будут штрафоваться не только предприятия, но и индивидуальные предприниматели.

28 июля

Всё у нас теперь — как у людей, даже конкурсы красоты проводим. На звание “Павлодарочка-90” претендовали 30 красавиц, а завоевала этот титул студентка пединститута Татьяна Ахтырская. Были ещё “Мисс обаяние”, “Мисс фотошарм”, “Мисс грация”. Победительница получила в подарок бесплатную путёвку в Румынию.

Я не знал, что филокартист — это человек, который собирает открытки. Д. П. Приймак откопал уникального такого коллекционера — Н. Н. Черданцева, рабочего тракторного завода, который накопил их уже около 30 тысяч. Самые старые — ещё дореволюционные — с рождественскими и пасхальными поздравлениями. Много старых китайских, есть афганские, но больше всего, конечно, советских — разных времён.

Ещё один наш автор — собиратель природных древностей А. Селивёрстов — на берегу Иртыша в Лебяжинском районе обнаружил фрагмент скорлупы древнего ящера. Специалисты оценивают возраст находки более чем в миллион лет,

целое яйцо должно быть размером с футбольный мяч. Сам страус в таком случае, пишет Селивёрстов, должен был достигать в высоту трёх метров. Так что список древних обитателей нашего края пополнился ещё одним видом...

Экибастузцы рассчитывались с Аллой Пугачёвой не только рублями и стройматериалами, но и валютой. Эту новость сообщила городская газета “Заветы Ильича” и назвала цифру — “шесть тысяч валютой”, не указав какой.

31 июля

Незатейливо-прекрасный рассказ “Сенокос” моей землячки Бахыт Камбаров в сегодняшнем номере — о том, как она летом работала девчонкой в тракторной бригаде. Всё то же было в моём детстве, и ощущения переданы те же... Как хорошо, что одноклассник Мишка Утеуов принёс мне тетрадки с её записями...

1 августа

Из опубликованного сегодня союзного статистического отчёта: валовой национальный продукт в целом по стране уменьшился в первом полугодии по сравнению с первым полугодием прошлого года на два процента, производительность труда — на полтора процента. В Казахстане спад составил, соответственно, 1,4 и 1,1 процента. В нашей области уменьшился объём производства в промышленности — на 0,9 процента, не выполнен план по производительности труда.

В Павлодаре, во Дворце культуры тракторостроителей, начались платные оздоровительные сеансы массового психологического и психотерапевтического воздействия, которые ведёт психотерапевт И. И. Левченко. Как пишет побывавший на сеансе Халел Карпыков, “дзэн-терапия помогает человеку обрести своего внутреннего целителя, и важно лишь чутко помогать ему”.

2 августа

Почти целая страница откликов в сегодняшнем номере — в ответ на мою передовую “Сколько стоит гласность?”. Назвали эту большую подборку строккой одного из писем “Прощай, “Звезда Прииртышья”. Читательские симпатии, конечно, на нашей стороне. Мать троих детей Миля Дрибноход из села Ольгинки Павлодарского района пишет: “Живём на зарплату мужа, потому что дети ещё маленькие... Уже в середине года я начинаю откладывать деньги на подписку, а выписываем лишь “Звезду Прииртышья”, “Труд”, “Сельскую жизнь”, журналы “Крокодил” и “Крестьянка” — на большее не хватает. А если цены повысят на все издания, что нам тогда делать? Так что очень прошу выйти из положения, не затрагивая интересов подписчиков”.

Инженер-конструктор тракторного завода Е. Молчанов предлагает вполне дельные вещи: уменьшить периодичность выхода газет (скажем, до двух номеров в неделю), сохранив её общий недельный объём, таким образом сократятся расходы на доставку газеты. Высказывается он и по содержанию “ЗП”: “Должна быть суровая правда жизни и минимум подкрашенной воды...”. По его мнению, это для того, чтобы газета пользовалась спросом.

Большинство читателей клеймят связистов, обвиняя их в эгоизме... Но у тех (мы им тоже даём слово) свои веские доводы: “Расценки на подписку и

распространение газет и журналов не менялись с 1939 года, и они покрывают сегодня лишь 20 процентов наших фактических затрат”. Ещё связисты тычут всех нас носом в новый закон о печати, в котором говорится, что “распространение продукции СМИ осуществляется либо издателем непосредственно, либо на договорных началах предприятиями связи, другими организациями, а также гражданами”. Помимо прочего, это означает: не хотите заключать договор с нами на предложенных вам условиях — ищите других партнёров или доставляйте свои газеты сами. Что подтвердил в своём официальном письме на нашу публикацию председатель обкома профсоюза работников связи А. В. Соловьёв. Суть этого письма: мы поддержим решение трудовых коллективов предприятий связи — не открывать подписку, если договоры не будут заключены”.

Есть над чем поломать голову...

“Комсомолка” на днях провела ориентировочные подписные цены на “Правду” и “Известия” — по 22 рубля 56 копеек, сама же она намерена уложиться в 13 рублей 80 копеек...

Заместитель генерального прокурора СССР В. Кравцов в интервью корреспонденту ТАСС (мы его печатаем) говорит, что в стране резко возросло число хищений огнестрельного оружия. В прошлом году во время конфликтов на национальной почве в Абхазии и Южной Осетии похищено почти 10 тысяч ружей, 648 карабинов, 511 автоматов, 10 пулемётов, более пяти тонн взрывчатки. Почти весь этот арсенал находится в руках у боевиков.

Тайные склады оружия создаются боевиками в Азербайджане и Армении.

В январе группа лиц ворвалась на территорию воинской части погранвойск КГБ в Ереване, разоружила караул и вывезла 133 автомата, 500 магазинов к ним, 25 пистолетов, 474 гранаты, тысячи патронов.

На вооружении у боевиков сегодня не только стрелковое оружие, но и боевые машины пехоты, орудия и миномёты...

И хоть замгенпрокурора уверяет, что правоохранительные органы не сидят сложа руки, тут же признаётся: большая часть похищенного оружия никогда не находится, а пускается “в дело”.

3 августа

Депутат областного Совета, кандидат экономических наук В. Чевненко в своей пространной статье заявляет: “В нашей области пока ещё не воспринимается всерьёз лозунг “Вся власть Советам!”. Президиум Павлодарского областного Совета работает на общественных началах и не в состоянии изменить направление и стиль работы облисполкома, сложившийся в застойные годы...”. Насчет стиля он, конечно, прав, хотя не думаю, что люди, подобные Чевненко, способны улучшить работу облисполкома, направляя её от имени президиума облсовета народных депутатов.

Теперь надо ждать звонков из облисполкома: нашли, мол, тоже кого печатать! А как не печатать, если он газету чуть ли не на каждой сессии упрекает в том, что мы не даём слово избранныкам народа?

Зампредгорисполкома М. Аркушенко и профессор-историк Е. Утебаев (кстати, активный наш автор) в качестве руководителей городской комиссии по ономастике

(она занимается переименованиями) отвечают в нашей газете на многочисленные предложения переименовать названия улиц, площадей и других объектов: “Трудно возражать авторам таких писем, которые документально доказывают, что из 200 названий улиц только 35 так или иначе связаны с Казахстаном...”.

Приводится совсем казусный случай: в Павлодаре аж три улицы с названием Крайняя...

Предложения, поступившие в комиссию: назвать одну из центральных улиц города именем академика К. И. Сатпаева; увековечить в названиях улиц и школ имена профессора Е. К. Бекмаханова, поэта Султанмахмута Торайгырова, литератора Ж. Аймаутова, академика А. Х. Маргулана, поэта Павла Васильева, писателя Антона Сорокина.

И хотя авторы предостерегают от поспешности в этом деле, дров мы в нём, как мне кажется, ещё наломаем...

Думал, что золото в нашей области в своё время добывали только в окрестностях Майкаина, но оказалось — нет. Недавно отмечалось 50-летие Торг-Кудукского рудника, что в нескольких десятках километров от Экибастуза в сторону Целинограда. Здесь ещё в сороковые годы золотоносную руду добывали кайлом и кувалдой, возили вручную на тележках. Работает рудник и сейчас — как подразделение рудоуправления “Майкаинзолото”.

Облисполком принял решение увеличить размер платы “за обслуживание” в медвытрезвителях. Нынешние 15 рублей убыточны для этих заведений, а посему планка поднята до 25 рублей.

В официальном отделе “Назначения” сообщаем: К. Н. Шакиримов назначен заместителем начальника областного производственного объединения транспорта. Недолго же он проработал слесарем-сборщиком...

Как сообщил редакции наш читатель Ж. Садыков, рабочий строительного кооператива “Полус” В. Ф. Мазиков выловил в пруду у детской железной дороги восьмикилограммового карпа. На удочку!

8 августа

Огромный — на полторы полосы, но весьма содержательный доклад председателя облисполкома Ж. Г. Искакова на сессии областного Совета. Я его слушал с интересом и сам готовил к печати. Узнал для себя кое-что новое.

Оказывается, в нашей области сосредоточена шестая часть всех основных производственных фондов республики и производится десятая часть её валового общественного продукта. 92 % промышленной продукции дают предприятия союзно-республиканского подчинения, они же в основном отравляют нам окружающую среду. В то же время в области практически нет предприятий по изготовлению сложной бытовой техники. Этот перекося сложился не вдруг, и исправить его быстро не удаётся, что осложняет переход региона к рынку.

Союзно-республиканские предприятия от 75 до 100 процентов своей продукции отправляют за пределы области и республики. Кроме того, ежегодно в союзно-республиканский фонды поставляется свыше 90 процентов производимого в области сухого молока, до 30 процентов заготовливаемого мяса, 38 процентов картофеля и 13 — овощей (это при том, что картофеля и овощей у нас, можно сказать, в избытке), а мяса и молока самим не хватает.

Что сделано? С начала пятилетки освоено свыше 300 новых видов продукции, и теперь доля собственных товаров народного потребления в общем объёме товарооборота составляет 37 процентов, а продовольственных — почти 70. Это значит, что не так уж плохо мы последние четыре года работали.

Что ещё? В области 534 кооператива, которые в первом полугодии произвели товаров и оказали услуг более чем на 70 миллионов рублей, перечислили в бюджет семь миллионов рублей.

Председатель облисполкома похвалил совхоз имени XXIII партсъезда, на базе которого создан кооператив кооперативов (мы о нём писали). Из 50 человек управленцев здесь осталось всего 16, а дела в хозяйстве идут на лад, решаются социальные проблемы. В то же время в области ещё десятки совхозов, где дела идут из рук вон плохо, а число портфельносителей (50-60 в каждом), исправно получающих зарплату, там не уменьшается.

Проблемы? Их больше, чем хотелось бы. Почти половина работающих в народном хозяйстве занята ручным и тяжёлым (неквалифицированным) физическим трудом. Это первые кандидаты в безработные при переходе к рынку. Число “высвобожденных” работников за следующие пять лет может достигнуть 100 тысяч. Что делать с ними? В Казахстане, по прогнозам, количество “высвобожденных” превысит миллион человек, треть из которых, скорее всего, станет безработными.

В докладе сказано, что кого-то будут переучивать, кого-то отправлять на так называемые общественные работы, кто-то станет в очередь на биржу труда и получит пособие...

Не знал я и того, что область собирает в год более 800 миллионов рублей налогов, из них только 271 миллион остаётся в местных бюджетах. А остальную сумму изымают Союз и республика для того, чтобы затем почти полностью (!) вернуть в область в виде дифференцированных надбавок, возмещения разницы в ценах и прочих выплат. Ну разве не абсурд!

На некоторых предприятиях складывается тяжелейшая обстановка из-за сбоя в поставках сырья и комплектующих. Мощнейшие предприятия стройиндустрии — ЖБИ-1 и ЖБИ-4, Ермаковский завод железобетонных конструкций недополучили по фондам в прошлом году более семи тысяч тонн цемента, в первом полугодии нынешнего года — свыше двух с половиной тысяч тонн. Как они могут в таких условиях ритмично работать и снабжать железобетонными конструкциями стройки? По этой же причине балансируют на грани останковки тракторный и химический заводы, и не только они.

Всё это — как будто скучные материи, однако же только вникнув в них, понимаешь — насколько все сложно в нашей экономике и как это может аукнуться в реальной жизни людей в самом ближайшем будущем.

Много было хороших выступлений.

Директор картонно-рубероидного завода Н. П. Шабрат:

— Не надо бояться слов “частная собственность”. Наоборот, надо позволить советским “бизнесменам” покупать мелкие предприятия, торговые пункты, предприятия питания и бытового обслуживания...

Директор Ермаковского завода ферросплавов С. А. Донской:

— За сырьё завод расплачивается по договорным ценам, а свою продукцию продаёт по фиксированным, которые устанавливает центр. Какой же это рынок?

Председатель Краснокутского райсовета М. П. Юрьев:

— Совхоз “Ленинградский” закончил прошлый год с прибылью в миллион рублей. Из них только в так называемый централизованный фонд (на содержание аппаратов районных сельхозорганизаций) изъято 300 тысяч. Плюс — другие обязательные отчисления. На развитие вообще ничего не осталось. Как ему жить, зачем стремиться к прибыли в будущем?

Депутаты ругали областные власти за “чрезвычайщину” на уборке овощей. В этом году выращен отличный урожай на поливе. Сельчане сами с уборкой не справляются, торговля овощами затарилась и отказывается их брать. Раньше огурцы, помидоры, картошку, капусту убирали по разнарядке городские предприятия, а теперь отказываются, ссылаясь на хозрасчёт и самофинансирование. Всё у нас не как у людей: хороший урожай сродни стихийному бедствию!

Мы опубликовали письмо читателя-горожанина, обращённое к властям и руководителям хозяйств: “Да разрешите вы, наконец, всем желающим собирать овощи, картошку и капусту для себя! Установите нормальную, приемлемую цену, хотя деньги с людей вообще можно не брать, а установить норму сбора в пользу хозяйства: выполнил её — собирай для себя, тоже по норме, или доплати сколько-то, если перебрал. Можно организовать централизованную доставку всех этих людей в ту же Черноярку и даже вывоз их продукции, собранной для себя...”. Ну разве не здравое предложение? Ведь собирали же когда-то в совхозе имени Мичурина горожане чёрную смородину по такой схеме. Но никто не хочет всерьёз даже обсуждать подобную идею. Вроде как не положено, ещё бояться прогадать, а более всего бояться непривычных хлопот... Пусть лучше сгниёт — не впервой ведь.

Ещё обсуждали идею создания в Павлодаре коммерческих магазинов для торговли спиртным в вечернее время. Это — идея управления внутренних дел, уставшего бороться со спекулянтами, торгующими водкой: ловят их, ловят, штрафуют, иных даже судят, а сдвигов — никаких. Депутат И. И. Смелаш спросил: а чем в таком случае государство будет отличаться от спекулянта, если начнёт торговать водкой по завышенным ценам? Предложение тем не менее признали на сессии здравым, но требующим доработки...

Я тоже выступил, рассказал о ситуации, возникшей накануне подписки в связи с запросами почтовиков. Обсуждать этот вопрос не стали — его не было в повестке дня.

11 августа

В Павлодаре заканчивается строительство первого 16-этажного монолитного жилого дома. Начато строительство второго. За серию новых проектов односемейных жилых домов и новые подходы к многоэтажной застройке институт “Павлодаргражданпроект” награждён дипломом ВДНХ СССР.

Около здания обкома партии собрались жители посёлка Лесозавод, что расположен на северо-западной окраине города. Он активно застраивается индивидуальными жилыми домами, между тем там нет ни школы, ни детского сада, ни магазинов, ни нормального водоснабжения. Жители Лесозавода пришли к обкому как раз в тот день, когда заседала сессия областного Совета — в надежде, что депутаты обратят внимание на их проблемы. Сообщение об этой акции на сессии прозвучало. Я тоже попросил наших журналистов написать о Лесозаводе.

Проявила характер депутатская комиссия облсовета по экологии. Заслушав отчёты экибастузских энергетических и угольных генералов, она заявила, что считает необходимым прекратить строительство Экибастузской ГРЭС-2, как объекта, не прошедшего экологическую экспертизу. Энергетикам предложено сосредоточить свои усилия на том, чтобы довести до ума (по части экологии) Экибастузскую ГРЭС-1 и совместно с угольщиками заняться проблемами обогащения экибастузского угля, а также и утилизации отходов ГРЭС и угольных отвалов.

Поставлена под сомнение сама идея строительства в районе Экибастуза четырёх крупных ГРЭС.

С удовольствием даём подробный отчёт о заседании комиссии по экологии. Тут же печатаем программу развития телевидения и радиовещания в области.

Сегодня программа “Восток” (Центральное телевидение) доступна жителям всех городов и 96 процентам сельского населения, республиканские и областные программы ТВ смотрят все горожане и 70 процентов сельчан.

Я помню, как впервые увидел телевизор. Это было в доме моего одноклассника Лёньки Маноскина, в 1967 году (мы учились в седьмом классе). Телевизоров тогда не было ни у кого не из-за поголовной нищеты, а потому что не было в округе ретрансляторов, и телевизионный сигнал до нашего совхоза “Михайловский” не доходил... А Лёнькин отец работал газоэлектросварщиком и сварил экспериментальную высоченную антенну, которую несколько мужиков устанавливали потом дня два. И телевизор у Маноскиных стал показывать. Конечно же, желающих приобщиться к чуду современной техники было гораздо больше, чем могла вместить самая большая комната дома Маноскиных, где стоял телевизор. Поэтому на просмотр ходили по очереди. Мы с Лёнькой друзьями не были, зато он жил по соседству с моим другом Толькой Пуцелевым, а через него и я смог однажды увидеть мерцающий экран. Он чем-то напоминал поверхность кипящего супа с крупой, только по цвету был темнее и ярче... Я не помню, что мы тогда смотрели, помню лишь смутные очертания на экране...

Коллективные телепросмотры в доме Маноскиных вскоре закончились: после очередного сильного ветра антенна загнулась буквой “Г”, и прошёл не один месяц, прежде чем её опустили, разогнули и установили вновь... Потом подобная процедура повторялась с завидной регулярностью несколько раз в год.

У нас дома телевизор появился уже в середине семидесятых годов, когда сам я учился в университете. К тому времени не надо было устанавливать сверхвысокую антенну — в “Октябрьском”, до которого от “Михайловского” по прямой было километров 60-70, построили телетранслятор.

У нас в комнате, в университетской общаге, тоже одно время стоял телевизор — мы его брали напрокат. Как раз в то время впервые показывали “Семнадцать мгновений весны”, и народу к нам на просмотр каждой серии набивалось — не протолкнуться. Я как-то насчитал 25 человек — по полтора зрителя на каждое “Мгновение...”.

Но, кажется, уж слишком меня занесло в воспоминаниях...

Президиум облсовета констатировал также, что 523 населённых пункта, или почти 90 процентов, слушают проводное радио, а плотность радиоточек за последние пять лет возросла с 41 почти до 46 на 100 человек. Тем не менее ещё 87 сёл остаются без радио, а программа дальнейшего развития сети теле- и радиовещания обеспечена финансами меньше, чем наполовину.

Большой материал из облпрокуратуры о пересмотре приговоров, в своё время вынесенных жителям области внесудебными органами — так называемыми “тройками”. Изучено 1267 уголовных дел в отношении 1932 человек, признаны незаконными внесудебные решения в отношении 1844 человек...

Кого и за что судили? Малограмотные богомольные старухи 56-65 лет Закачурина, Проворкина, Ишина, Дмитриевская, проживающие в селе Майск, говорили меж собой, что в СССР нет свободы богослужения, а всякая власть — от Бога... Решением “тройки” НКВД от 4 декабря 1937 года были расстреляны за контрреволюционную деятельность...

Осенью того же года расстреляны 75-летний Естай Жуматаев и его сын Мухаметжан из колхоза “Жанажол” Баянаульского района по “обвинению во вредительстве и антисоветской агитации...”.

Реабилитированы далеко не все репрессированные, ведь тридцатыми годами борьба с “контрреволюционерами” и другими “врагами народа” не закончилась.

В Павлодаре вышел первый номер газеты “Перелом” — Павлодарского отделения социал-демократической ассоциации. Печатается примитивным способом, на ротапринте, зато дерзит власти. Дали короткую нейтральную информацию.

14 августа

Публикуем официальные сообщения “В Совете Министров СССР” и “Заявление Президента СССР”.

В первом — сообщение о новых закупочных ценах на сельхозпродукцию — они увеличиваются в среднем на 32 процента. Решение это порядком запоздалое, да и не решит оно нынешних проблем наших аграриев...

В “Заявлении” объявляется незаконным постановление Верховного Совета Эстонской ССР о выходе этой республики из состава СССР. Уже в который раз делает подобные заявления М. С. Горбачёв, а прибалтам от этого ни холодно, ни жарко...

Директор Экибастузского Дворца культуры энергетиков Ш. Мусин собирается голодать, а его коллеги по дворцу — бастовать, пишет в своей корреспонденции наш собкор Булат Ахметов. Причина — полсотни недоделок в здании, которые не устраняются уже несколько лет...

Я помню, как этот дворец сдавался. Дело было зимой, накануне городской отчётно-выборной партийной конференции... Её решили провести именно в новом дворце — и нигде более. Несколько недель работы на “ударном” объекте велись в режиме штурма, а в последние дни — круглые сутки. Конференция прошла здесь (я писал отчёт с неё), недоделки оставили на потом. И вот это тянется до сих пор — вполне в духе экибастузских традиций штурма и натиска.

15 августа

Приезжали погостить старший и младший братья. С Шуркой, пока он обитал у сестры Натальи в Железинке, мы даже успели смотаться в совхоз. Постояли у отцовской могилы, зашли на развалины нашего бывшего отчего дома... Я тут, если честно сказать, теперь почти никаких чувств не испытываю (уж сколько раз бывал

на этом “пепелище”), а когда-то даже проходить мимо не мог — отворачивал голову — так было тяжело... Уже и самому сколько квартир и общежитий пришлось сменить с тех пор, как уехал из дому... Ещё, наверное, и поэтому чувства притупляются, и само понятие родного дома становится неясным, размытым...

Но этот раз с братаном даже по грибы успели выбраться. Я повёз его в свой заветный околок, где в грибной сезон всегда находил белые... Я знал этот лесок ещё с детства, потому что промышлял в нём лет двадцать, и дорогу туда — на бывшую третью бригаду — мог найти с закрытыми глазами. Мимо совхозного тока, мимо бычатника, оставляя справа бывший свинарник, а дальше скотомогильник, к которому лучше не приближаться; через поле — напрямик — к неширокому, редковатому околку, где соседствуют берёза, осина и кусты ракиты... Это оно и есть, моё грибное место — совсем под боком у совхоза (потому-то грибники и не обращают на него внимания).

Мы мигом “проскочили” на “Волге” эти два-два с половиной километра, и я глазам не поверил: моего заветного леса не было, он весь вымок, оставив — как на память в укор — редкие облезшие стволы берёз с обломанными вершинами...

Но горевать было некогда, и мы взялись обшаривать окрестные леса. Часа за полтора “нашибали” по ведру, причём почти сплошь белых... Братан Шурка был почти счастлив, да и я тоже.

Мне кажется, наш старший брат меняется, и меняется к лучшему... Становится спокойнее, мягче, что в его нынешнем “бирюковском” положении совсем непросто. И, кажется, нет уже той всепоглощающей страсти к выпивке... Наверное, и пора остепениться: сколько же можно куролесить и ломать себе жизнь!

Он снова стал писать стихи, есть вполне приличные. Правда, отношение к ним у самого брата весьма своеобразное: он печатает их только в районках, где сам работает. Говорит — из принципа...

Правда, в Железинке мы разругались с ним и с зятем, вернее, я — с ними обоими. Заговорили о съезде, о Горбачёве, они его “понесли” — мол, не ведает, что творит... Я взбеленился: да что вы понимаете, два “старпера”, неужели же не ясно, что нельзя было так больше жить, как мы жили... Не на шутку разобидевшись друг на друга, мы даже выпивать в тот вечер не стали, что я, поостыв, признал совсем уж полной глупостью. Но было, увы, поздно...

Встретились через несколько дней в Павлодаре, куда Шурка приехал из Железинки, а Петька — из Усть-Каменогорска. О размолвке мы с Шуркой не вспоминали и замечательно провели втроём эти несколько дней. Даже на рыбалку съездили с нашим собкором в Ермаке Юрой Сакиным, прихватив с собой Даньку и Димку. Наловили негусто — десятка три чебаков да четыре щуки, зато уж удовольствия получили! Надо было видеть братана Шурку, когда у него на живца клонула щучка — шурагайка, и ему удалось её вытащить...

Ночевать Сакин зазвал к себе — и не в квартиру, а в дом, что недавно приобрёл — с усадьбой и большим огородом. Съели огромную чашку молодой картошки; Данька с Димкой запивали её парным молоком, мы с братьями, как водится, водкой... А потом, как когда-то в детстве, дома, когда у нас собиралось много гостей, все впятером спали на полу. Данька с Димкой уснули, едва приклонив головы к подушкам, а мы с братьями проговорили чуть не до утра.

Давно мы так задушевно по-братски не общались, и когда с Петькой провозжали Шурку на поезд, даже обнялись с ним на прощание, чего прежде никогда не бывало...

Петька за последнее время как-то очень быстро профессионально вырос. Провёл труднейший приём абитуриентов в качестве председателя университетской

приёмной комиссии, стал увереннее в себе, солиднее. Думаю, дело у него пойдёт, если не зажиреет, о чём я стараюсь напоминать ему при каждом удобном случае...

Как я хочу, чтобы всё у моих братьев в жизни наладилось и удалось!

На работе — сплошное сумасшествие. Связисты заявляют: не примите наши новые условия — не будем открывать подписку. А как их принять, эти новые условия, если они сулят нам полное разорение: прошлогодняя прибыль в 621 тысячу рублей оборачивается убытком в 1,7 млн. рублей. Или надо в разы увеличивать стоимость подписки. Я так и спросил в своей передовой у читателей: как вы относитесь к перспективе роста подписной цены с 6 рублей 60 копеек в год до 15-20 рублей?

До сих пор подписка и доставка газет была обязанностью связистов-почтовиков. А в недавно принятом законе о печати записано, что распространение газет — забота их учредителей и издателей; либо они делают это сами, либо заключают договоры на оказание этой услуги... Насколько я понял, именно с подачи союзного ведомства связи появилась эта иезуитская формулировка, развязывающая теперь почтовикам руки. Интересно, сколько ещё подобных подвохов содержит закон, которого мы так добивались?

Ситуация пока что вырисовывается стопроцентно абсурдная: чем больше у газеты тираж — тем для неё в новых экономических условиях хуже... К тому же мы уже столкнулись с дефицитом бумаги, а это значит, что и она будет дорожать.

Ещё надо срочно разрабатывать устав газеты, готовить другие документы на её регистрацию...

От всего этого голова идёт кругом, с работы каждый день прихожу измочаленный. А толку?

Дней десять назад позвонила А. М. Ажибаева:

— Что нового?

— Журналисты джамбулской областной газеты объявили на её страницах о готовности к забастовке.

— А какие причины?

— Грубое, некомпетентное вмешательство в редакционные дела секретаря обкома партии по идеологии, преследование им редактора газеты Михаила Сергейчика.

— Это что, намёк?

— Нет: это мой долг — информировать вас о том, что происходит в сфере ваших интересов.

У нас приличные отношения с Алмой Муқановой, и иногда мы слегка подшучиваем друг над другом.

Спустя несколько дней она снова звонит:

— “Социалистик Казахстан” (республиканская партийная газета. — Ю. П.) пишет, что редактор джамбулской областной газеты Сергейчик освобождён от занимаемой должности. “Соцказахстан” в своё время критиковал его за семейственность, другие грехи и сообщает теперь о принятых мерах — решении пленума обкома партии и сессии областного Совета депутатов об освобождении редактора.

— Выходит: один — один? Или это вы так ставите меня на место, Алма Муқановна?

— Нет: это мой долг — информировать вас о том, что происходит в интересующей вас сфере.

И с реакцией, и с юмором у Ажибаевой всё в полном порядке. С ней вообще можно иметь дело, особенно когда в обкоме партии “не штормит”...

Впрочем, история с увольнением джамбулского редактора на том не закончилась. На днях прочитал в “Правде” информацию: 32 из 36 журналистов этой областной газеты отказались идти на встречу с первым секретарём обкома партии — в знак протеста против увольнения прежнего. Теперь они создают забастовочный комитет. Во жизнь! Хотя, скорее всего, товарищу Сергейчику на его прежнем редакторском посту больше не работать...

Журналисты бунтуют по всей стране. Редакция сверхпопулярного сегодня журнала “Огонёк” объявила о своём “самоучреждении” — то есть о том, что теперь она сама себе хозяйин: самостоятельно определяет редакционную политику журнала, решает проблемы финансирования и т. д.

Обсуждали в редакции — как выходить из ситуации, возникшей в связи с запросами связистов. Требовать дотации от обкома партии? Но там и без нас аховское положение с финансами. В областном бюджете деньги на содержание газеты, которая всегда приносила прибыль, тоже не предусмотрены. Сокращать тираж, периодичность выхода газеты? Сокращать штат?

Горбунов:

— Надо увеличивать подписную цену до 7-9 копеек за экземпляр!

Ковхаев:

— Без увеличения не обойтись, но надо удержаться на 5 копейках за экземпляр!

Побережников:

— Кто позволил связистам устанавливать такие цены?!

Бугаев:

— Пусть к нам придут секретари обкома и скажут, как они намерены заботиться о газете!

И т. д. и т. п.

Да был я уже с этими нашими проблемами и в обкоме, и в облисполкоме, и в президиуме облсовета. Вроде все всё понимают и даже сочувствуют, но пока что шагов никто никаких не сделал...

Вот и обсуждение в редакции, по сути, ничего не дало.

Единственное утешение — трогательное письмо от нашей читательницы-школьницы из Павлодара. Предлагает привлечь учеников к распространению нашей газеты... А что, не такой уж это бред, в истории мировой журналистики подобное уже было...

“Правда” пишет на первой странице: Львовский облсовет Украинской ССР своим решением ликвидировал корпункт “Правды” в этом городе. Мотивы: “правдинский” собкор В. Дрозд необъективно освещает события, разжигает национальную рознь.

Местные депутаты не без гордости именуют свой город “островком демократии” на Украине. “Правда” между тем не раз писала о национализме здешних избранных народа и общественных формирований. Вот и дописалась: облсовет рекомендовал горсовету пересмотреть своё решение о предоставлении помещения для корпункта “Правды”. Хороша же демократия: не нравится нам — как ты пишешь, а потому мотай-ка отсюда!

Вчера на заседании облисполкома регистрировалась новая газета, которую учреждает областное общество “Казак тили”. Камнем преткновения оказалось название “Дауа”. Некоторые посчитали его двусмысленным. “Название газеты должно быть простым, ясным, доступным пониманию народа, который она собирается просвещать”, — настаивал председатель облисполкома Ж. Г. Искаков. Председатель общества (он же будущий редактор) Ж. М. Марданов стоял на своём, ссылаясь на мнение авторитетных писателей и академиков, с которыми он советовался. Около часа длились дебаты, и ни у кого не хватило здравого смысла сказать, что не дело исполкома — обсуждать название газеты, его прерогатива — зарегистрировать издание, если его программа не противоречит закону. А дебатировали потому, что облисполкомовцы попросту боятся: зарегистрируй их, а они потом понапишут в своей газете чёт знает что...

Ко мне тоже приходили сегодня два редактора действующих газет — проконсультироваться насчёт регистрации. Как мог разъяснил, хотя особой необходимости в этом не было — в законе о печати вся процедура чётко оговорена, надо только прочитать соответствующую статью. Просто привыкли: кто-то должен подсказать, научить, посоветовать. Да я и сам во многом такой...

Павлодар уже больше месяца без партийного лидера. Байтерьяков подал в отставку и уехал в родной Кокчетав. На пленуме горкома был рекомендован на пост первого секретаря Л. Д. Бродский, ранее заведовавший ликвидированным социально-экономическим отделом обкома партии. Некоторые члены горкома возмутились: почему опять выбираем без совета с “первичками”, без альтернативы? “Альтернативы” тут же возникли: бывший второй секретарь обкома партии М. К. Дуйсембаев, заместитель начальника облавтоуправления К. Н. Шакиринов (тот самый), первые секретари упразднённых райкомов партии в Павлодаре В. М. Елисеев и С. Б. Алибаев и другие. Потом была агитация в первичных партийных организациях и на предприятиях и только затем — опять пленум горкома. Из девяти кандидатур осталось пятеро, реальными претендентами на победу были двое — ставленник обкома Л. Д. Бродский и кандидат от партийной “оппозиции” М. К. Дуйсембаев, который и победил — уже в первом туре. И это, конечно, опять оплеуха обкому и лично Мещерякову, фактически отправившему Дуйсембаева в отставку на недавней отчётно-выборной партийной конференции. Победа Дуйсембаева — не случайность, его сторонники основательно поработали с членами горкома перед пленумом — почти с каждым персонально. Но как они с Мещеряковым теперь будут работать в одной упряжке?

Из интервью первого секретаря обкома комсомола Сагиндыка Есимханова (мы с ним заседаем в бюро обкома партии) нашей газете:

Вопрос: “Комсомол всегда испытывал плотную опеку партии. Что изменилось во взаимоотношениях младшего и старшего братьев?”

Ответ: “Хочу ответить словами Владимира Зюкина — первого секретаря ЦК ВЛКСМ: нет сегодня того комсомола, взаимоотношения которого с КПСС определялись длиной поводка и крепостью ошейника, который один аппарат надевал на другого”.

Красиво сказано, между тем комсомол переживает сегодня даже не период полураспада, а полного распада... А старшему брату — КПСС — сегодня не до него, как бы самому уцелеть!

В подборке писем — очередные вопли отчаяния очередников за дефицитами. Отец и сын Ханы (это их фамилия) давно записались в очередь на покупку цветного телевизора — каждый по отдельности, регулярно ходили отмечаться, а когда их очередь подошла, одного из них тут же вычеркнули... Они пошли по инстанциям — в горисполком, Комитет народного контроля и всюду слышали: это вы с очередью должны договариваться, а раз народ решил, значит, так тому и быть...

Учащаяся техникума Наташа Т. заканчивает его в будущем году, но уже сегодня озабочена тем, что выпускницам-школьницам выдают талоны на туфли для выпускного бала, а вот им и выпускникам училищ — нет. “Где справедливость?” — спрашивает Наташа Т.

16 августа

В очередной раз встречались со связистами по поводу заявленных ими цен на новую подписку. Разговор получился нервный, рваный. Я настаивал на том, чтобы расчёты велись от одного экземпляра газеты, а не от некоей общей усреднённой суммы, ведь неизвестно ещё — какой будет тираж, если стоимость подписки возрастёт в три-четыре раза. С этими доводами они согласились, а по цене мы так и не договорились — будем встречаться ещё раз.

Заседали в облисполкоме... Тут же возник вопрос о том, кто и как должен регистрировать нашу газету (этого требует новый закон о печати). Договорились, что заявку подаёт президиум облсовета — в облисполком. Но кроме учредителя, у газеты должен быть ещё и издатель... Кто? Обком и облсовет? Облобьединение “Полиграфия”? Этот вопрос так и остался нерешённым.

Ездил в Лебяжинский район на единый политдень. Это когда всех областных начальников рассылают по районам, чтобы они проводили агитационно-разъяснительную работу о политике партии и правительства. Вот уж атавизм из атавизмов — эти самые единые политдни. Интересно, анализировал ли когда кто-нибудь, какова эффективность этой идеологической акции?

Почему поехал в Лебяжье? Меня много раз звал давний знакомый (ещё по “Михайловскому”) Толеш Сагатов, ныне директор совхоза “Казынский”. Хозяйство ему досталось незавидное, сделать пока что удалось немного... Почему? Говорит: мешают давно сложившаяся круговая порука, специалисты пассивны, народ ко всему притерпелся и равнодушен... Пока что больше приходится полагаться на административно-командный метод.

Ездили по полям (идёт сенокос), говорили с людьми... Спросил у единственного здешнего арендатора — согласен ли он содержать секретаря парткома, как рекомендует обком.

— С какой стати? — удивился он. — Пусть работает специалистом, а партийными делами, если хочет, занимается на общественных началах.

Это к вопросу о недавнем разговоре на областном партактиве — о том, что совхозы-колхозы готовы взять секретарей парткомов хозяйств в штат при сохранении их прежних функций.

Ещё спросил, будет ли арендатор выписывать “ЗП” по новой цене? Пообещал подписаться — даже по 15 рублей.

В завершение “политдня” уменьшил общественное скотопоголовье “Казынского” на одного барана, из которого в директорском доме был приготовлен бешбармак.

Смотрел сегодня по ТВ выступление Б. Н. Ельцина на митинге в Междуреченске (Кемеровская область). Встречали его овацией. Из речи Б. Н. я понял: все сегодняшние беды России — от союзных министерств, которые обирают её ежегодно на 70 миллиардов рублей. И неизвестно — куда эти деньги деваются.

Теперь он не намерен содержать эту армию дармоедов, в России останется всего шесть министерств.

По мнению Ельцина, слишком большая помощь оказывалась в прежние годы среднеазиатским республикам, и вот теперь люди там живут лучше, чем те же междуреченцы.

Б. Н. пообещал кузбасским угольщикам полную свободу (кому хотите, тому уголь и продавайте), а Кемеровскую область — объявить свободной экономической зоной.

Речь — откровенно популистская. Сколько можно разоблачать тот же Центр, навешивать на него всех собак. Б. Н. ведь тоже оставил после себя в Свердловской области далеко не рай, и в ЦК был не последним человеком... Можно, конечно, спуститься в шахту, как это сделал Ельцин в Воркуте, и, поднявшись наверх измазанным угольной пылью, ощущать себя героем. Но разве это требуется сегодня от первого человека России, каковым наверняка считает себя Б. Н. ?

17 августа

Теперь уже медики собираются провести митинг, правда, санкционированный. И есть отчего митинговать. Они пишут в сегодняшней “ЗП”, что их средняя зарплата почти на 40 процентов отстаёт от среднеобластной, отчего каждая четвёртая семья медиков живёт за чертой бедности. В отрасли, где работает 25 тысяч человек, нет ни своих санаториев-профилакториев, ни детских садов, медики едва ли не последние в обеспечении жильём...

Всё это правда... Вот только поможет ли митинг?

Революционная статья главного инженера “Облагропромэнерго” А. Власова. Он убеждён в скорейшей необходимости (и целесообразности) перевода всего жилья и объектов соцкультбыта на селе на электроотопление. Говорит, что если посчитать все затраты на доставку угля по сёлам и другие расходы, станут совершенно очевидными выгоды электроотопления... Возможности региона, где производится основная доля казахстанской электроэнергетики, уникальны: линии электропередач (с запасом прочности) проложены до каждого села и каждого дома. Разработаны электроустановки и водонагреватели (с восьмью диапазонами мощности!). Система электроотопления опробована в совхозах “Белогорский” и “Ленинградский” и доказала свою высокую эффективность. Разработана концепция перевода отопления с твёрдого топлива на электроэнергию, которая в целом одобрена аграрной комиссией областного Совета народных депутатов.

Автор считает, что эта проблема может быть решена уже в течение следующей пятилетки — при гарантированном финансировании. Вот уж воистину мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

Благополучно закончилась скандальная история, которая началась с возмущённой заметки учительницы по поводу фильма “Однажды в Америке...”, опубликованной в нашей газете. Бюро горкома партии сразу после публикации тут же объявило строгий выговор директору конторы кинопроката Е. Ф. Юрковой — “за беспринципность, проявленную при отборе и поставке в киносеть ущербных в идейно-художественном и морально-нравственном отношении фильмов”. Мы пытались за неё вступиться — напечатали подборку писем, редакционный комментарий, в котором не согласились с решением бюро горкома партии. Но не тут-то было — упёрся бывший первый секретарь горкома...

Е. Ф. Юркова подала апелляцию в обком партии, и бюро обкома (с моим участием!) отменило объявленный ей строгий выговор с занесением в учётную карточку. Вместо этого “ей указано на ответственность, как коммуниста, за идейно-нравственное содержание фильмов, отбираемых для просмотра...”.

18 августа

Президиум Верховного Совета Казахской ССР постановил: вновь образовать Мангистаускую область в границах ранее упразднённой Мангышлакской области и Тургайскую — в её прежних границах. Я тут же поздравил А. М. Мухамеджанова, который возглавил “Кызыл Ту”, переехав в Павлодар из упразднённой Тургайской области.

— Ещё неизвестно — надолго ли? — без особого энтузиазма откликнулся умудрённый опытом Алеке на решение высшего органа власти.

В Павлодаре всё же открыт коммерческий магазин, в котором ночью будут продавать водку с 50-процентной наценкой. По настоянию депутатов облсовета магазин будет торговать лишь той продукцией, которую наш винно-водочный завод выпускает сверх плана.

Облсполком решил бороться с пьянством на автотранспорте ещё одним — нетрадиционным — способом. Отныне водители, попавшие в сети госавтоинспекции под хмельком, будут получать для своих автомобилей новые номера — с красным фоном и литерой “п”. Первый такой номер начальник УВД Л. А. Жалтырём вручил некоему Д. П. Рыженко лично. (Думаю, всё же зря мы в информации об этом указали фамилию последнего).

Небезызвестный герой из “Иронии судьбы” упрекал современных мужиков в отсутствии романтизма, в том, что они перестали делать глупости — например, лазить к любимым в окна. К Павлодару это не относится. Пациент наркологического диспансера ночью спускался на связанных простынях к даме своего сердца с четвёртого этажа на второй, но сорвался, сломал ключицу. Как

отреагировала на этот романтический шаг его возлюбленная — неизвестно: в нашей информации из подборки “200 строк в субботний номер” об этом ничего не говорится.

20 августа

Утром по пути на работу встретил М. К. Дуйсембаева — нового первого секретаря Павлодарского горкома партии. По всему было видно — он в приподнятом настроении, по сути, состоялась его политическая реабилитация. Говорит, что его уже поздравил Н. А. Назарбаев...

Сегодня же заходил к проигравшему выборы Л. Д. Бродскому. Он расстроен и обозлён. Когда-то его брали в обком заведовать строительным отделом с перспективой на секретаря обкома. Ради этого он не без сомнений оставил пост управляющего трестом “Павлодарпромстрой”. Трест был одним из самых крупных и успешных в Казахстане, строил объекты и за его пределами, имел добрую славу. И во всём этом была немалая личная заслуга Бродского.

В обкоме, без живого, настоящего дела, к которому он привык, Леонид Давыдович, можно сказать, тяготился своими новыми обязанностями... Планы не сбывались: Мещеряков привёл с собой своего “строительного секретаря” Н. Ф. Красносельского; после упразднения отраслевых отделов Л. Д. Бродский заведовал социально-экономическим, а в результате недавнего сокращения аппарата вообще остался не у дел... Пост первого секретаря Павлодарского горкома, который, на мой взгляд, был ему вполне по плечу, становился ещё и своего рода моральной компенсацией за всё им перенесённое за последнее время. Но — не случилось. На Дуйсембаева, по словам Л. Д., работал целый штаб (в том числе особенно активно влиятельные в Павлодаре Г. А. Никифоров, К. Н. Шакиримов), а самого Бродского в отсутствие Мещерякова (тот был в отъезде), по сути, бросили на произвол судьбы. Бродский считает, что он стал жертвой политических игр.

Ещё он с раздражением говорил о нелогичности и непоследовательности многих шагов Мещерякова, о том, что за полтора года работы в области он так и не завёл себе настоящих союзников, что у него натянутые отношения с Назарбаевым (тот считает его, и не без основания, человеком Колбина)...

По всему видно было: “достало” на этот раз Бродского, умеющего держать удар крепко. Чего стоит одна его фраза о том, что никогда в своей жизни он не чувствовал себя таким униженным, как теперь, работая в обкоме.

21 августа

Выступление М. С. Горбачёва в Одесском военном округе — больше чем на полосу. М. С. объясняет, убеждает и даже агитирует.

“Мы столкнулись с попытками напугать народ рынком, навязать ему мнение, будто переход к нему означает отказ от социалистической идеи, ведёт к снижению жизненного уровня...”

... У нас есть основание утверждать, что в СССР мы имеем дело с кризисом, обещающим не закат, а обновление и возрождение общества на основе современного понимания сущности социализма.

... Главная и неотложная задача — фронтальное реформирование отношений собственности через её разгосударствление... Мы должны осуществить приватизацию собственности, но в рамках нашего выбора.

Отличительным признаком варианта социализма, к которому мы идём через перестройку, является обручение, как мне приходилось однажды говорить, социализма со свободой.

... В том виде, в каком Советский Союз существовал до сих пор, он исчерпал свои возможности. Но это не оправдание для его развала, а побудительный мотив для глубокого его преобразования на новых началах.

Подготовка нового союзного договора идёт широким фронтом... Считаю необходимым сделать всё, чтобы союзный договор был заключён уже в нынешнем году.

... В республиках, где на политическом уровне заявляют о выходе из СССР, у народа как раз и не спросили на это согласия. Референдум ведь никто нигде не провёл...".

Речь эта, похоже, программная. В ней М. С. говорит об объединении Германии (ФРГ и ГДР) как о деле практически решённом, хотя раньше утверждал, что это, если и произойдёт, то в неблизком будущем...

У нас проходят практику студентки журфака КазГУ Ольга Воронько и Кульпаш Кобырова. Они — очень разные. Кульпаш — дочь Толубека Кобырова из "Кызыл Ту" — воспитана во многом на восточных традициях. Ольга — другая: открытая, даже резковатая. Обе стараются не ударить в грязь лицом друг перед другом. Кульпаш написала неплохую зарисовку о семье из Черноречка — литовке из Шауляя, приехавшей осваивать целину и вышедшей замуж за казаха. У них четверо детей, старшие завели свои семьи, пополнив родительский "интернационал" русскими, украинскими, молдавскими "ветвями". Ольга пытается браться за проблемы: дала её материал о торговле овощами. А изюминка в том, как арендованные магазины госторговли пытаются конкурировать (и небезуспешно) с частником...

Н. А. Назарбаев в рамках новой программы "Президентский час" провёл первую телевизионную встречу с казахстанцами. Она шла в прямом эфире на казахском и русском языках. Вопросов было много, в том числе и "неудобных", но ни от одного Н. А. не уходил, касалось ли это деполитизации и департизации (ну и словечко!) предприятий, нового союзного договора, или межнациональных отношений и восстановления немецкой автономии.

В частности, он сказал, что по проекту нового союзного договора в исключительной собственности Казахстана находятся земля, недра, воды, воздушное пространство, растительный и животный мир, культурные и исторические ценности народа, средства республиканского бюджета, народнохозяйственные комплексы. Союзные республики суверенны и обладают всей полнотой власти на своих территориях.

Что тогда остаётся Союзу? Ответ: союзные республики добровольно объединяются в союз суверенных государств и поручают ему ведение вне и внутри страны только тех дел, которые они сами добровольно делегируют центру.

Не хотел ёрничать, но, как говорил знакомый механизатор (по другому, правда, поводу): "Это что ж выходит — мне почти ни хрена?!". Не получилось бы так же и с Союзом...

Спрашивали ещё: Россия, Белоруссия, Украина приняли декларации о суверенитете, почему же Казахстан отстаёт? Н. А. отвечал: декларация — это всего

лишь намерение, не более того; а нам нужен закон о суверенитете Казахской ССР, исходя из которого мы придём к новому союзному договору.

Судя по многочисленным откликам, людям пришлось по душе новая форма общения с ними президента.

Публикуем Указ М. С. Горбачёва, который восстанавливает в гражданстве “некоторых лиц”, ранее его лишённых. В списке — 21 человек, все живут за границей. Некоторые всем известны: А. И. Солженицын, В. Л. Корчной (чемпион мира по шахматам), В. П. Аксёнов (писатель, я помню его по журналу “Юность”). Остальные фамилии мне ничего не говорят. Деталь: первый отменённый Указ датируется 1966 годом, а несколько последних — 1985-1988 годами. То есть лишили гражданства уже при самом М. С. Горбачёве.

Теперь всем реабилитированным будут выданы паспорта граждан СССР и при желании они могут вернуться обратно.

23 августа

Три дня пролетели — как провалились. Пытаюсь вспомнить — что сделано?

Аппетиты связистов удалось умерить суммой в 2,9 копейки — столько будут стоить все их услуги за распространение “ЗП” в будущем году. Можно считать это победой, ведь сначала они требовали за свои услуги 4,9, потом 4 и только потом согласились на 3,73 копейки. Пришлось использовать все мыслимые и немыслимые меры воздействия на них — от убеждения и уговоров до “тяжёлой артиллерии” — партийно-советской власти и общественного мнения (публикации в газете). “Выбитая” у связистов на последнем этапе копейка (вернее, 0,83 копейки) на экземпляре должна нам дать (при сохранении нынешнего тиража) примерно 250 тысяч рублей экономии. Остаётся однако ещё “хвост” в 311 тысяч рублей — планируемый убыток, который нечем покрывать. Говорят, правда, что будет государственная дотация — местная или республиканская... Надеюсь всё же, что умереть не дадут, а дальше сама жизнь подскажет.

Некоторые издания в этой ситуации действуют без оглядки. Молодёжная газета Латвии, пользующаяся популярностью и за пределами этой республики, объявила подписную цену в 34 рубля, это в пять раз больше, чем сейчас. Подорожают, минимум вдвое, “Правда” и “Известия”. Мы пока топчемся вокруг 6 копеек за экземпляр для подписчиков и 10 копеек в розницу, но пока никак не решаемся. Боимся — дорого, хотя и эти цены не покрывают наших затрат.

Как я устал от этой ещё не начавшейся рыночной экономики!

Есть всё же в жизни и отрада: выдали первый “советский” номер “Советы и жизнь”, обозначив его как специальный еженедельный выпуск “ЗП”. Самое удивительное — номер получился приличный, вот бы всю газету такую делать. А изюминка ещё и в том, что издали спецвыпуск малым форматом. Кажется, и читателям он пришёлся по душе.

А в обычных номерах — всегдашняя проблема с первой полосой. Если нет официоза, заполнять нечем. На призывы активизироваться почти никто из журналистов не откликается, приходится действовать через нажим, что вызывает противодействие. Надо искать другие рычаги. Сейчас у журналистов гононар составляет в лучшем случае половину оклада. А надо — чтобы было наоборот. И платить не за строку, а за качество материала в первую очередь, что тоже не всем понравится. Вроде хороший народ у нас работает, много способных и

даже талантливых перьев, но особого рвения почему-то не наблюдается. Пока сам подкручиваешь гайки — что-то ещё выходит, а перестал — опять затишье. Вот и вся перестройка.

Может, впрочем, не люди виноваты, а сам я не за своё дело взялся. Ведь не удаётся, как когда-то мечталось, сделать газету другой. И если какие-то хорошие перемены есть, то это заслуга, скорее всего, нашего переменчивого времени, а не моя.

На очередном заседании бюро обкома партии утверждали в должности одного-единственного человека — секретаря Экибастузского горкома партии. А давно ли через каждое заседание бюро “пропускались” до полутора-двух десятков человек. Значит, что-то всё же меняется в нашей жизни... Хотя атмосфера, в которой проходят заседания главного партийного штаба, по-прежнему остаётся тяжёлой, нарочито строгой, гнетущей.

На этом заседании секретарь Экибастузского горкома сказал: многие коммунисты выходят из партии, потому что не удовлетворены результатами недавнего съезда партии. За это ему тут же была устроена выволочка вторым секретарём обкома: это не съезд, а вы во всём виноваты, не можете своим коммунистам всё как следует объяснить. Но что особенно разъярять, если все материалы опубликованы и каждый может составить собственное мнение о съезде?

Кажется, правительство в очередной раз зашло в тупик со своей концепцией перехода к регулируемой рыночной экономике. Не прошло и нескольких месяцев, как её утвердил Верховный Совет СССР, а теперь снова собрали команду из экономистов разных направлений — для доработки. Смогут ли они договориться и предложить что-то путное, если придерживаются диаметрально противоположных позиций по принципиальным вопросам?

Бюро обкома партии и президиум областного Совета народных депутатов подали заявку в качестве учредителей двух наших областных газет. Нам даже обещана финансовая поддержка, во что не очень верится. При этом бюро обкома зарубило идею братской “Кызыл Ту” (“Красное знамя”) впредь называться “Кенес” (“Совет”). Один из членов бюро заметил, что в первую очередь не название надо менять, а перестраивать содержание газеты.

Плохая новость: уже наострил лыжи на съезд журналистов СССР, а его перенесли на неопределённое время. Объяснения невразумительные: недавно избранный председателем Союза И. Д. Лаптев подал в отставку, ссылаясь на крайнюю загруженность на посту в Верховном Совете СССР; отказались ехать на съезд прибалты и грузины. Поэтому на пленуме СЖ договорились: сначала надо определиться с формированием СЖ на новой — конфедеративной (!) — основе, а уж затем собирать съезд. Решение крайне нелогичное: надо было, наоборот, собрать съезд — из тех, кто готов в нём участвовать (а таких подавляющее большинство) и уже на нём решать — нужен ли нам Союз журналистов и какой...

Завотделом института Академии наук Казахской ССР, доктор экономических наук М. Г. Исаева в публикуемой сегодня у нас пространной статье высоко оценила разработанную областью (одной из первых в Казахстане) концепцию перехода на принцип самоуправления и самофинансирования...

24 августа

Провалилась широко разрекламированная рыночная акция — аукцион по продаже кооперативам и частным лицам продовольственных магазинов и предприятий общепита. Это и есть так называемое разгосударствление экономики.

Побывавшая на аукционе О. Григорьева пишет, что желающие поучаствовать в нём должны были купить входной билет за 25 рублей, поэтому число их сразу поубавилось. А те, кто попал, всё равно ничего не купили. Посчитали — дорого. Магазин, торгующий хлебом и молочными продуктами, общей площадью 54 квадратных метра, предлагался за 27 тысяч рублей... Два других — чуть больше — соответственно, за 30 и 35 тысяч... Весьма популярный в Павлодаре большой магазин “Даулет” (с подвалом) выставился за 250 тысяч...

Кооператоры в обиде на управление торговли, а его начальник В. И. Понуренко полон энтузиазма: не купили сегодня — купят завтра.

Даём любопытный тассовский материал о проблемах еврейской иммиграции. В Израиле развернулись бурные дебаты о том, кто имеет право на автоматическое получение здешнего гражданства, а вместе с ним — и на все льготы, полагающиеся въезжающему в страну иммигранту.

По религиозным канонам евреем может считаться лишь тот, кто рождён от матери-еврейки. Когда только что созданное государство собирало будущих сограждан по всему миру, такой подход считали неприемлемым и применили, как это не покажется странным, подход, применённый... в нацистской Германии. Фашисты считали евреем супруга еврейки, равно как и супругу еврея (независимо от настоящей национальности), всех их детей и внуков, даже в том случае, если в семье евреев больше никогда не было. К евреям также относили супругов и детей, и внуков. Так что одного человека нацистам было достаточно, чтобы объявить евреями сразу три его последующих поколения и, соответственно, сделать их всех кандидатами на уничтожение.

После войны израильские парламентарии посчитали, что весь этот круг людей пострадал от нацизма, а потому имеет право на защиту со стороны Израиля. И принцип трёх поколений был перенесен в 1970 году в иммиграционный закон.

Но с тех пор ситуация сильно изменилась — и в самом Израиле, и за его пределами. В прошлом году только из СССР туда прибыли 74 тысячи иммигрантов. В этом году их ожидается вдвое больше. Представители еврейского агентства, ведающие вопросами миграционной политики, утверждают, что уже сейчас запросили разрешения на выезд в Израиль более 1,2 миллиона советских граждан. А кроме того, в эту страну ехали и продолжают ехать из Восточной Европы, при том что всё население Израиля — 3,7 миллиона. Если не изменить принцип трёх поколений, то евреи скоро могут стать меньшинством в собственном государстве.

Один из предлагаемых вариантов — отсечь всех нееврейских потомков еврейского дедушки, с отговоркой: если большое семейство везёт этого дедушку с собой, то принимать его в полном составе. Расчёт прост: не столь уж много таких дедушек осталось в живых, да и не так легко сдвинуть пожилого человека с места.

Кто-то ругает такой подход за “элементы расизма”, но как бы там ни было, ясно одно: Израиль — не резиновый, его ресурсы не беспредельны, и какие-то ограничения на иммиграцию всё равно будут приняты.

Кстати, и наши павлодарские евреи уезжают в Израиль тоже. Эта публикация, скорее, подтолкнёт раздумывающих (ехать им или не ехать), чем отрезвит.

Мне позвонил С. П. Шевченко, поблагодарил за публикацию отрывка из его новой повести “Зимние каникулы”. А потом сказал, что, прочитав наш вчерашний номер, тут же захотел стать американским негром. “Чего это вдруг?” — не понял я подвоха. “Ну как же, вы, критикуя “рейганомилку”, пишете: падают доходы американцев вообще, а негров в особенности. Вот — цитирую: если в 1979 году “средний” белый американец получал 23839 долларов в год, то в 1987 году — 20962; доходы чернокожего жителя США (“Интересно, между прочим, как они умудряются их отдельно подсчитывать”, — продолжал издеваться С. П.), составлявшие 16653 доллара, опустились до 13650... Так что я согласен быть американским негром”, — заключил С. П.

В самом деле: наверное, эта заметка задумывалась как контрпропагандистская (вот, мол, и в США стало жить хуже), а вышло с точностью до наоборот.

25-27 августа

То, что я считал нашей победой в борьбе со связистами, оказалось полным поражением... Прочитал в “Литературке” и в “АиФ” интервью с замминистра связи СССР Манякиным, который говорит: связисты требуют за свои услуги всего-навсего 50,6 процента от нынешнего номинала газет — независимо от того, сколько они будут стоить в будущем. Если это действительно так, то наши связисты нас попросту одурачили: выторгованные нами 2,9 копейки, выдаваемые ими чуть ли не за благотворительность, на самом деле вдвое больше, чем с нас надо брать. Или я что-то не так понял, или надо сделать всё, чтобы не заключать кабальный договор...

Следующие два дня прошли в бесплодных дебатах со связистами. Окончательную ясность внёс на всесоюзной селекторной переключке всё тот же Манякин: объявленные им на всю страну 50,6 процента касаются лишь центральных газет. Что же касается местных, то исходить надо из местных условий и фактических затрат связистов: это могут быть и 60, и 70, и 90 процентов от действующего номинала. Вот наши связисты и “залушили” нам все 90 процентов. На селекторном мы сидели рядом с начальником облуправления связи Г. В. Кренько. Он торжествующе взглянул на меня: видишь — всё правильно! А замминистра Манякин далее заявил: надо разъяснять трудящимся, что повышение цен на периодическую печать никоим образом не связано с работой почты — это проблемы учредителей и издателей газет. Боюсь, теперь все наши карты окончательно биты и переломить сопротивление связистов нам уже не удастся.

Беспорядки в Челябинске. Всё началось со скандала в винной очереди, а закончилось стихийным шествием по улицам города с битьём стёкол в здании одного из городских райкомов партии. Милиция разогнала “демонстрантов”, а некоторых арестовала... Но на следующую ночь опять собралась толпа. Попытку милиции вмешаться остановили депутаты, заявившие, что берут ответственность на себя... Кажется, была предпринята попытка атаковать здание горотдела милиции.

Интервью по ТВ Н. И. Рыжкова. На главу союзного правительства жалко смотреть: экономика продолжает разваливаться, теперь ко всему прочему по стране прокатились ещё и “табачные бунты”. Объяснения — фабрики стали на ремонт — выглядят неубедительно. Правительство, принимая пожарные меры, закупает курево за рубежом.

Новый премьер-министр РСФСР И. С. Силаев обратился с письмом к А. И. Солженицыну, приглашая того стать его личным гостем. Солженицын — через жену — ответил: о письме с приглашением узнал из газеты, самого письма не получал (странная всё же манера — приглашать в гости через газету. — Ю. П.), весьма тронут, но ехать на родину в качестве гостя не намерен; к тому же и выход книг моих в России тормозится, и учреждённый мною фонд помощи репрессированным, по сути, не реабилитирован.

Солженицын проявляет характер. Что ж, он имеет на это право после всего, что с ним в своё время в СССР сделали...

Ходили с Ольгой в кино. Смотрели рекламируемый с большой помпой фильм “В городе Сочи тёмные ночи”. Поразительная пошлятина: ощущение — будто режиссер сам переел дерьма и теперь изрыгает его на зрителя — ешьте вы, а я уже съел.

Кино закончилось поздно, около полуночи. Домой шли от “Авроры” мимо памятника Ленину. Видим — на ступеньках кто-то сидит, подошли. Оказалось — муж с женой и ребёнком, рядом — детская коляска. Муж — инвалид по зрению, жена — воспитательница в детском саду, детей у них всего трое — старшему сыну четыре года. Банальная, в общем, история: живут у матери мужа в однокомнатной квартире шестеро. Перспектив на получение жилья — никаких. Были на приёме в горисполкоме — просили общежитие — безрезультатно. Вот и вышли в четыре часа дня к обкому партии, чтобы обратить на себя внимание. Сидеть намерены всю ночь — вместе с детьми (двое младших спят в коляске, старший у отца на руках). Многого им не надо — достаточно комнаты в семейном общежитии.

Пытались убедить их, чтобы шли домой, обещали рассказать об их проблеме в газете, но они, поблагодарив за участие, отказались...

Утром, по пути на работу, видим — сидят. Бросил клич на планёрке: кто возьмётся? Вызвался Гольшшкин. Через пару часов сообщил: вопрос с общежитием решён, после обеда зампред горисполкома покажет им комнату в общежитии. Вот так! Надо было довести людей до крайности, а проблема оказалась копеечная...

29 августа

Пикируются, обмениваясь указами и постановлениями, как боксёры на ринге ударами, Президент СССР М. С. Горбачёв и Президиум Верховного Совета РСФСР (Б. Н. Ельцин), а мы этот трагифарс тиражируем.

Суть спора: кто в доме хозяин? Одним из первых актов нового российского Верховного Совета стала Декларация о государственном суверенитете РСФСР.

Когда я пару месяцев назад прочитал этот документ, то всерьёз к нему не отнёсся: какой суверенитет, от кого независимость? От Горбачёва, от всех других республик или от всех русских, живущих вне России, в том числе и от меня?

Оказалось, декларация имеет далеко идущие планы: ссылаясь на неё, Президиум ВС РСФСР объявил недействительными внешнеэкономические и союзно-республиканские соглашения по продаже ряда товаров, а золотовалютные резервы и другие стратегические ресурсы России взял под собственный контроль.

М. С. Горбачёв своим Указом отменил Постановление Президиума ВС РСФСР “О защите экономической основы суверенитета РСФСР”, как не имеющее юридической силы. А Президиум ВС РСФСР объявил не имеющим законной силы вышеупомянутый Указ Президента СССР.

Как себя вести в таком случае нашим экономическим партнёрам за рубежом, с кем им иметь дело — с правительством СССР или Совмином РСФСР? Какой пример подаёт Россия другим республикам? Добром подобная “война” не закончится.

Опубликовали небольшое интервью с представителем созданной в Павлодаре партии свободного труда А. Г. Мельниковым. И — немислимая вещь — никто нам не высказал на этот счёт никаких претензий (прежде всего, конечно, имею в виду обком партии).

Завотделом областного историко-краеведческого музея Л. Соколкина пишет о безобразной истории. Умерла старушка, входившая при жизни в старообрядческую общину, когда-то отколовшуюся от канонической церкви. В её частном доме хранилась главная ценность общины “отколов” (так они себя называют) — несколько старообрядческих икон и книг; здесь старушки-одноверки собирались для чтения и молитвы. Племянник покойной, быстро сообразив, что эти реликвии могут представлять немалую ценность, тут же объявил их своей собственностью — разумеется, вместе с домом. Старухи, младшей из которых 77 лет, а старшей под 90, не мыслят остатка своей жизни без этих книг и икон, а молодой сукин сын заявляет им: чем вы докажете, что они ваши, если даже ваша община не зарегистрирована? Тот же аргумент он привёл представителям прокуратуры и милиции, куда старушки пожаловались.

Впрочем, он готов пойти навстречу, если ему заплатят. Нет денег? Тогда он готов передать предметы старины государству — в обмен на новую “Волгу” или на два “жигуля” седьмой модели. Л. Соколкина призывает откликнуться тех, кто мог бы взять на себя хлопоты в суде от имени общины “отколов”. Но вряд ли найдутся такие.

Даём “базарные” цены в Москве, Ленинграде и в Павлодаре на некоторые продукты питания. Мясо — соответственно: говядина — 13, 20 и 3,50 рублей за килограмм; свинина — 25, 20 и 4 рубля (в Горьком — 9 рублей); масло растительное 9, 6 и 3 рубля 30 копеек за литр; мёд — 17, 18 и 12 рублей за килограмм.

Так что, можно сказать, у нас ещё жить можно.

Приметы капитализма. В Экибастузе открыт магазин по продаже живой рыбы. Это — первый результат от выполнения областной программы с одноимённым названием. Карпа выращивают в тёплых водах озёр-охладителей экибастузских ГРЭС и живыми привозят в магазин, где оборудован специальный бассейн: выбирай какого хочешь.

Хотя, справедливости ради надо сказать, что первыми в области начали разводить карпа в специальном садковом хозяйстве, устроенном на тёплых водах, охлаждающих турбины в Ермаковской ГРЭС. Ермаковские энергетики весьма преуспели в этом деле.

Облстат прислал материал о жилищных условиях населения области — по материалам Всесоюзной переписи 1989 года. Примерно 74 процента нашего жилья принадлежит государству, 24 — находится в личной собственности граждан, а 2,4 процента — это дома жилстройкооперативов.

Большинство нашего жилья построено за последние 40 лет, половина его — из бетона, железобетона и блоков. В среднем на каждого из нас приходится по 14 квадратных метров общей и по 9 — жилой площади.

30 августа

Встречались с учредителями: вторым секретарём обкома К. К. Ашимбетовым и заместителем председателя облсовета народных депутатов А. Н. Джазиным. О подписной цене — 6 копеек за экземпляр и 15 рублей за годовую подписку — договорились быстро. А потом коллеги из братской “Кызыл Ту” стали “бузить”: требовать, чтобы секретарь обкома назвал точную сумму дотаций нашим газетам (а если её не будет, то какое имеет право обком быть их учредителем), спрашивали — как отнесётся обком, если “Кызыл Ту” будет предоставлять слово другим партиям или занимать позицию, отличную от обкомовской? Критиковали собратья и нашу газету — за то, например, что историю города и области на её страницах пишет один-единственный автор — историк М. С. Тереник. Так что разговор, в общем, не удался, хотя некоторые выводы из него я для себя сделал.

Совещание в обкоме. Цель — повернуть руководителей крупных предприятий области (а все они — коммунисты) лицом к нуждам партии вообще и заботам парторганизаций собственных предприятий, в частности. Собрали около сотни руководителей. Вёл совещание один из секретарей обкома, назвал цифры: число выбывших из партии в целом по стране приближается к миллиону; в Павлодаре с начала года сдали партбилеты 407 коммунистов, в Экибастузе — 154, в Ермаке — более 100, а принято в партию, соответственно, в Павлодаре — 50 человек, в Экибастузе — 34, в Ермаке — и того меньше. Недавно коммунисты одного из цехов нефтеперерабатывающего завода разом сдали партбилеты... В колхозе имени Тельмана отказываются содержать парторга.

Секретарь обкома старался изо всех сил, приводил, казалось бы, сверхубедительные примеры. Скажем, такой: разве бы мы победили в Великой Отечественной войне без вдохновляющего слова политруков, которые часто и в атаку

поднимались первыми? (Тут мне почему-то некстати вспомнился А. В. Суворов: а он-то как обошёлся без политработников, когда зимой вёл свою армию через Альпы, как умудрялся без них одерживать свои победы?).

Слушали секретаря обкома без особого почтения. Одни привычно дремали (помню, наш П. А. Побережников на крупных совещаниях садился где-нибудь сзади и засыпал на них почти сразу же, умудряясь при этом прямо держать голову), другие переговаривались вполголоса, а кто-то просто делал вид, что слушает, думая о чём-то своём.

— Вижу — речь вас совсем не трогает, — тихонько сказал я сидевшему рядом директору Ермаковского завода ферросплавов С. А. Донскому.

— Скорее наоборот, — отвечал он, — разве об этом с нами надо разговаривать?

Докладчик, меж тем, реагируя на явное невнимание зала, заметил:

— Не волнуйтесь, я вас скоро освобожу... — И после короткой паузы добавил, вызвав смех: — Или вы меня освободите.

Выступавшие следом руководители либо элементарно уходили от сути разговора, как это сделал генеральный директор НПО “Сборочные механизмы” Я. Ф. Райсих, либо говорили о каких-то своих бедах... Словом, совещание имело в результате даже не нулевой, а однозначно отрицательный эффект.

Опубликовали статью Л. Гришиной “ГРОМОгласность” — об увлечении митинговой демократией. Гришина довольно жёстко критикует бывшего “неформала” В. П. Галенко, который, став депутатом, не утратил привычки к митинговщине. Впрочем, его фамилию решили в последний момент убрать: ситуация до того узнаваемая, что читатели и без того поймут — о ком речь. А вторую фамилию оставили — зампреда облисполкома В. В. Шершнёвой, которую на одной из встреч с “общественностью” “затопали, захлопали”, не дав говорить. Её-то мы как раз хотели защитить и поддержать.

И вот звонит мне сама В. В. Шершнёва — со слезой в голосе:

— Зачем вы назвали мою фамилию?

— Хотели вас защитить...

— А мне — лучше сквозь землю провалиться: с утра звонят — кто с соболезнованиями, кто с расспросами, кто с подшучиванием — сил уже нет.

— Валентина Васильевна, да статья ведь хорошая!

— Хорошая-то хорошая, но фамилию указывать не надо было!

Чего-чего, а подобной реакции я не ожидал... Думал — скорее неназванный Галенко будет возмущаться... Тяжка ты, редакторская доля.

Собратья с областного ТВ подложили нам большую свинью: выпустили свою газетёнку с программой телевидения и рекламой. В субботу с самого утра позвонил мне домой донельзя рассерженный В. С. Колчин (он подрабатывает на привокзальной площади, фотографируя желающих в своём самодельном “лимужине”):

— Дмитрич, берут нарасхват — по 20 копеек!

Заспорили дома с Ольгой — как реагировать? Я сказал, что надо дать информацию (событие ведь), притом в самом благожелательном тоне.

Она:

— Ты точно сумасшедший! Надо делать вид, будто ничего не произошло. И ни в коем случае ничего не сообщать в газете!

Как бы там ни было, отчасти даже хорошо, что у нас появился конкурент и именно в пору подписки. Теперь станет ясно — кому нужна сама “ЗП”, а кому только программа телевидения в ней. Буквально на днях некий рассерженный читатель прислал по почте перечёркнутую подборку читательских писем о ситуации накануне подписки (а я так старательно готовил эту подборку) с припиской: “Дешёвка! Самореклама! Газету берут только из-за программы телевидения!”.

Вот и поглядим, кто прав. Тем более что стремиться к большому тиражу при нынешних ценах на доставку газеты нет никакого смысла.

Сергей Горбунов сказал, что ему предложили возглавить некую новую кооперативную газету. Обещают оклад 800 рублей. Это в два с лишним раза больше, чем сегодня у меня (всё обещают повысить).

Ко всем прочим дефицитам добавился дефицит курева. По стране прокатилась волна “табачных” бунтов. Президент СССР лично обеспокоился этой проблемой и вызвал для объяснений Председателя Совета Министров СССР, двух его первых заместителей, главу правительства РСФСР, министров. Их доводы он признал неубедительными, сказал, что ими допущены халатность и безответственность, потребовал... и т. д.

У нас в области дела по этой части тоже хреновые. Идёт уборка, а механизаторы кое-где отказываются работать, пока их не обеспечат куревом.

Наша “Тревожная хроника” сообщает: в Иртышске задержан спекулянт, у которого дома обнаружено, кроме 46 бутылок водки, 1066 пачек сигарет “Курортные” и две коробки кубинских сигар (неужели же и сигары в дефиците?).

Даём материал “Друг, оставь покурить...” с разъяснением начальника облуправления торговли В. И. Понуренко и председателя облпотребсоюза А. А. Аманжолова.

“Наши поставщики — Грузия (Тбилиси, Батуми), Душанбе и Алма-Ата. Все фабрики срывают поставки. В Грузии табачные фабрики были поставлены на ремонт, теперь он закончен, но в Тбилиси коллектив бастует, а в Сухуми нет сырья. По разным причинам лихорадит алма-атинскую табачную фабрику, но туда уже отправлена наша машина за 100 ящиками махорки. В дело пошёл и бывший “неликвид” — вьетнамские сигареты, которые раньше никто не брал...”.

Ясно, что бардак полнейший... Из области разосланы во все края гонцы за куревом, ожидается прибытие партии импортных болгарских сигарет... Но, судя по объяснениям “тузов” торговли, проблема если и решится, то не скоро. А пока решено основную часть сигарет, папирос и махорки распределять по предприятиям.

С. П. Шевченко учит меня во всём уметь находить хорошее и приводит пример из своей юности: как-то он почувствовал себя абсолютно счастливым в бесконечной очереди за хлебом, стоя за понравившейся ему девочкой. Это я к тому, что табачный дефицит лично меня не касается. Курить по-настоящему я

стал в университете, где высшим шиком у нас считались отечественные “Казакстанские”. В свободной продаже их почти не было, и в день стипендии мы покупали их в гардеробе у швейцара самого шикарного столичного ресторана “Алма-Ата” — по полтиннику за пачку при номинале в 30 копеек. В оставшиеся дни месяца курили кто что. Наши девчонки-однокурсницы “баловались” болгарскими — “Опалом”, “Стюардессой” (среди парней бытовала по этому поводу грубовато-двусмысленная шутка: “Хочешь “Стюардессу”?”). — “Да нет — у меня “Опал”).

На курсантских сборах под городом Ош нам приходилось довольствоваться шестикопеечной душанбинской “Алаарчой” — кажется, что гаже я ничего в жизни не курил. Лёха Закутаев подначивал меня: “Стипендиат (это была моя студенческая кличка. — Ю. П.), — подумай о будущем: у нас с братаном Шурой (кличка Сашки Водолазова) хотя бы дети уже есть, а у тебя после таких сигарет их точно не будет”.

В редакции я пристрастился к куреву основательно и стал утрачивать всякое чувство меры. Садясь дома по вечерам за срочный материал, за два с половиной, три часа мог выкурить полпачки, а утром вставал с чумной головой, про ощущения во рту и говорить нечего...

Не раз бросал, но хватало меня не надолго. Может, ещё и поэтому пустился на хитрость. Через пару месяцев Ольга должна была родить, и я поставил себе условие: если родится сын, то в эту ночь ещё курю, а с утра бросаю. Посыл, как сейчас понимаю, был совершенно нелогичный, дурацкий: сын у нас уже рос, а вдруг родилась бы девочка? Тем не менее родился сын, Димка, обмывали его с конторой всю ночь завезённой накануне в магазины “Старкой”... А утром... Короче, с тех пор я не курю, и хочется верить — теперь уже навсегда.

Н. А. Назарбаев провёл совещание по вопросам подписки. Главный вывод — надо исходить из реальной обстановки. Подписку будут проводить предприятия связи — на договорных условиях.

Мы в сегодняшнем номере второй читательской подборкой заканчиваем дискуссию на эту тему. Есть интересные письма.

Ш. Сейтахметова — о “ЗП”:

— А нужна ли нам такая газета, служащая в настоящее время образцом застойных времён?.. Я её выписываю только из-за субботнего номера, в котором есть программа ТВ на неделю, киноафиша, объявления, реклама... Надо бойкотировать подписку не только на “ЗП”, но и на другие газеты... Пусть журналисты пишут сами себе, а то ведь они забыли — для кого существуют.

Впрочем, письмо такого рода (мы его тоже опубликовали) было единственным. В других нас хвалят, предлагают варианты решения проблемы.

Г. А. Матвеев:

— В связи с повышением подписной цены предлагаю выпускать газету в двух вариантах: ежедневную (ту, что есть сейчас) с высокой стоимостью подписки и еженедельную, ориентированную на подписывающихся в основном ради программы телевидения, с сохранением прежней цены.

М. Полишук:

— Нам, ветеранам, пришло по душе субботняя газета “Советы и жизнь”. Этот номер политически и информационно насыщенный, очень интересный, к тому же в нём есть программа телевидения. От имени многих ветеранов прошу

объявить на субботний номер газеты “Советы и жизнь” отдельную подписку — нас бы это очень устроило.

Подписку объявили на всю газету — по 15 рублей на год, из расчёта 6 копеек за экземпляр. Это в два с лишним раза больше, чем было.

Вторую полосу открыли материалом “Пора выходить из окопов” — с подзаголовком “Считают коммунисты Ермаковского ферросплавного”. Это своего рода ответ на часто употребляемую с разного рода трибун расхожую фразу о том, что коммунисты засиделись в окопах. Хотя тут сам собой возникает вопрос: против кого? Ведь из окопов обычно встают, чтобы идти в атаку...

31 августа

Из сообщения пресс-центра МВД СССР “К обстановке в Армении” (публикуем): в Ереване боевики обстреляли отряды ополченцев, есть раненые. Представители ополченцев (в том числе депутаты Верховного Совета Армении), желая предотвратить дальнейшее кровопролитие, отправились на переговоры с лидерами боевиков, но при подходе к их штабу были убиты.

Верховный Совет республики объявил в Армении чрезвычайное положение, а в Ереване ввёл комендантский час.

Правоохранительным органам было поручено разоружить формирования боевиков (их деятельность властями расценена как незаконная и преступная), но разве они отдадут захваченное оружие добровольно?

Публикуем материал ТАСС о потерях рабочего времени из-за массовых забастовок в первом полугодии. По СССР эти потери составили 1861 тысячу человеко-дней (дурацкая, надо сказать, формулировка, но так написано), недодано продукции — на 10,3 миллиона рублей.

В первом полугодии в целом по стране ежедневно не работало 65 тысяч человек (в первом полугодии прошлого года — 23 тысячи).

Среди лидеров забастовочного движения и массовых невыходов на работу — Ростовская область, Чечено-Ингушетия, Кемеровская, Луганская, Донецкая, Тернопольская области. С областями всё более-менее понятно: шахтёры бастовали. Но почему в их числе Чечено-Ингушская автономия?

Абсолютным “чемпионом” по части массовых невыходов на работу стал Душанбе — 636 тысяч человеко-дней, а из областей — Ошская — 209 тысяч человеко-дней. Всё это последствия кровавой ошской и душанбинской резни.

В сводке также фигурируют Алма-Ата, Карагандинская и Павлодарская области, потерявшие по тысяче человеко-дней. При этом нашей области нет в числе тех, кто недодал продукции. Наверное, это павлодарские тракторостроители, которые несколько дней бастовали, но затем наверстали упущенное.

На третьей странице “ЗП” спорят немцы. Одни за восстановление немецкой автономии в Поволжье, причём немедленно. Другие считают, что, учитывая все сложности, на первом этапе решением проблемы может стать учреждение Ассоциации — центрального государственного органа, представляющего

интересы всех советских немцев, но пока без территории. Среди немцев, которых в СССР насчитывается два миллиона 50 тысяч, более популярна, конечно, идея автономии. Готовится съезд немцев.

1 сентября

Получил сегодня субботний “советский” номер — и порадовался: приличная газета — можем, когда захотим...

Вчерашняя “Комсомолка” сообщила о заявлении 14 сотрудников “Советской России” — они не согласны с нынешней линией руководства газеты (В. Чикина), с тем, что газета в своей работе больше ориентируется на ЦК Компартии России... Они обращаются к Б. Н. Ельцину, чтобы депутаты отстаили своё право на газету — как издание Верховного Совета РСФСР.

Когда мы на курсах в Академии общественных наук при ЦК КПСС встречались с редколлекгией “Советской России”, мне показалось — в своих убеждениях журналисты едины, и программа действий у них одна. Оказывается, это не так. Наверное, вообще нет ни малых, ни больших газет, в которых не было бы подобных разногласий. И тут никакой закон о печати не поможет.

Прочитал в “Известиях” и “Комсомолке” о двух программах перехода к рынку: одна — союзного правительства, другая — академика Шаталина и мало кому известного экономиста Явлинского. Обе газеты выражают явный скептицизм по отношению к первой и высказывают некоторый оптимизм, оценивая другую. В чём её суть — не очень ясно, но, говорят, её якобы поддерживают и Горбачёв, и Ельцин. Последнее, как мне кажется, означает то, что Горбачёв готов пожертвовать Рыжковым. Непонятно, правда, во имя чего?

Горбачёв довольно жёстко прошёлся по проекту правительственной программы (в частности, когда прозвучала идея повысить цены на хлеб и другие продукты питания), потом ещё раз — на съезде народных депутатов. Можно подумать — он сам не имел к этим её “проработкам” никакого отношения. Скорее всего, это был “пробный шар”, от которого он поспешил откеститься. И вот теперь — альтернативная программа...

“Известия” пишут: соединить эти две программы нельзя, поскольку они несоединяемы. Скорее всего, Горбачёв будет пытаться договориться с Ельциным, а тот вряд ли станет уступать. И если правительственная программа (а над ней работали не один месяц) окажется непригодной, то зачем тогда премьер?

“Комсомолка” с иронией пишет о дрожащем голосе Рыжкова во время его последнего выступления по ЦТ и что это дрожание уже становится привычным...

Не исключено, что дни Николая Ивановича как главы правительства сочтены: экономика в тупике, и просвета не видно. Кто-то должен ответить и за это.

Только что отмитинговали в Павлодаре медики, а сегодня даём заметку Ю. Сакина: в Ермаке забастовали прачки — работницы местного многоцелевого коммунального хозяйства. Причины те же, что и у всех: нечеловеческие условия

труда и ничтожная заработная плата. На предупреждение о готовящейся акции администрация никак не отреагировала, и вот прачечная стоит...

На барахолке задержали женщину — продавала сигареты Краснодарской табачной фабрики: по червонцу за пачку при стоимости в полтора рубля. Рассказывает милиционерам душеспитательную историю: ехала в гости, сигареты взяла зятю в подарок, в поезде обокрали, и теперь вынуждена приторговывать. Наторгует на обратную дорогу и вернётся к себе в Краснодар.

У каждого торговца — своя легенда. А в дефиците уже не только продукты, спиртное, курево, стиральный порошок, но и мыло, зубная паста...

5 сентября

Включив вчера вечером телевизор, попал на пресс-конференцию Б. Н. Ельцина. Держится уверенно, даже задиристо. Отстаивает альтернативную программу перехода к рынку, названную "500 дней" (срок, в течение которого и должен быть осуществлён этот самый переход, хотя в чём суть самой программы — толком никто не знает). На вопрос — будет ли Верховный Совет РСФСР добиваться отставки союзного правительства, Б. Н. заметил: у него (правительства) должно хватить благоразумия, чтобы самому подать в отставку. При этом он прямо высказался за замену руководителей союзных Минфина, Госплана, Госбанка, Госснаба и других ведомств.

Говорил Ельцин и о своих разногласиях с Горбачёвым по поводу распродажи российских золота и алмазов.

Да, и ещё деталь! Во время пресс-конференции за столом рядом с Ельциным сидела хорошо известная в Павлодаре Валентина Ланцева — в недавнем прошлом редакторша областного телевидения. Кстати говоря, ей в ряду других Б. Н. выразил благодарность в предисловии к своей нашумевшей автобиографической книге "Исповедь на заданную тему" — за помощь в её подготовке (читай — за написанное: знаем мы, как пишутся книги подобного рода — вспомним хотя бы брежневскую серию). На этот раз, как я понял, Ланцева была при Ельцине в качестве его пресс-секретаря — принимала записки с вопросами, часть их оглашала...

Вот как растут люди! А я грешным делом весной прошлого года чуть её из своего кабинета не выгнал, когда она пришла ко мне с "группой товарищей" с Ермаковского завода ферросплавов, недовольных одной нашей публикацией.

Смотрю в тот же вечер трансляцию одного из заседаний российского Верховного Совета — опять она рядом с Ельциным. Вот уж воистину: неисповедимы пути твои, Господи!

Утром на планёрке обсуждали идею: а почему бы и самой редакции не выступить (вместе с обкомом и облсоветом) соучредителем "ЗП". Идея хорошая, но где мы раньше были, когда готовили документы, встречались в редакции с учредителями?

Сагитировал А. М. Мухамеджанова сходить на совет к А. М. Ажибаевой. Пошли... Она встретила наше сообщение внешне спокойно и как будто даже с пониманием, но это ещё ни о чём не говорит. Я соловьём заливался, убеждая её,

что подобный шаг обкома нам навстречу будет воспринят с большим воодушевлением, послужит укреплению взаимоотношений между обкомом и редакцией... И т. д. и т. п. Она кивала, но я-то знал, что решать будет Мещеряков.

Были с А. М. Мухамеджановым у Мещерякова... Он сам нас позвал, чтобы посоветоваться — как ему поступить в связи со слухами о его скором отъезде из Павлодара. Я сказал, что, если есть крупные вопросы, по которым он хотел бы выступить в газете, тогда можно дать интервью, где сказать и об этом. А мельчить — объясняться только по поводу слухов — не стоит.

Сам М. не считает нужным объясняться: по его мнению, никак не реагировать на сплетни — это тоже позиция...

Разумеется, я тут же завёл речь о соучредительстве: Мещеряков сразу насутился, и я понял — идея обречена на провал... Тем не менее выложил всё, что у меня было...

М. ответил, что обкому нужна газета определённого толка, вот он её и учреждает... А редакция, став учредителем “ЗП”, вполне может “выпрямься”, тем более желающих, он это знает, немало... Тогда и нынешний редактор им может не понадобиться...

Напоследок Мещеряков заметил, что нам сегодня и так дана полная свобода — печатаем всё, что хотим...

Уходя вечером с работы, заглянул к Горбунову, а там — дым коромыслом: бывшие “неформалы”, “ЭКОМовцы”, новоявленные социал-демократы... Дискутируют... Можно ли было себе представить нечто подобное пару лет назад?

Партия, теряющая тотальный контроль над всем и вся, отодвигается с политической арены; реальных, эффективных структур власти взамен её не создано и ещё неизвестно, когда они будут. Продолжается некий всеобщий распад... “Хавос”, как говорила некогда моя бабушка Мария Петровна, имея в виду хаос.

Горбунов на следующий день сообщил: компания, которую я застал в его кабинете, намеревается выпустить свою газету, и приходила советоваться... Потом замаялся и сказал:

— Они хотят, чтобы я подписал первый номер.

После этого его признания я перешёл на ненормативную лексику...

В Краснодарском крае вместо выбывшего И. К. Полозкова, который, став первым секретарём российской компартии, перебрался жить в Москву, избрали народным депутатом бывшего генерала КГБ Калугина. Это что-то совсем запредельное. Калугин, всю жизнь прослуживший в КГБ, был отправлен в отставку в чине генерала... Видимо, он имел какие-то претензии к своей “конторе”, потому что тут же стал сводить с нею счёты. Причём делал это публично, раздавая интервью не только свободным советским, но и зарубежным СМИ. И не стеснялся в выражениях, характеризую организацию, в коей всю жизнь прослужил. Власть не нашла ничего лучше, как лишить его генеральских погон и всех полагающихся привилегий, и получила в итоге нового “героя”. Это ж как надо замордовать и

заморочить народ целого края, чтобы он после коммуниста-ортодокса предпочёл генерала КГБ — демократа!

Наверное, это тот самый случай, когда применима формула: как вы с нами — так и мы с вами...

6 сентября

Тассовский материал из сегодняшнего номера: “Верите вы в успех перестройки в стране?”. Безоговорочно “да, верю” на него ответили лишь 15 процентов опрошенных. Ещё год назад таких было вдвое больше. Ответивших “нет” полтора года назад было четыре процента, а сейчас 25. Это к вопросу о том, как народ действительно относится к тому, что происходит в стране.

Президент Грузии Звиад Гамсахурдия отменил в этой республике советские флаг, герб, гимн...

В стране новое повальное увлечение латиноамериканским танцем ламбада. Зрелище, по правде говоря, не слишком эстетичное, но мелодия и впрямь зажигательная.

Отличный заголовок к письму из читательской подборки — “Свинья преткновения”. Человек держит в Павлодаре (у него частный дом с подворьем) свинью и пишет о своих муках: корма купить невозможно, соседи недовольны (воняет), решил продать — на рынке “ободрали” перекупщики. В другом письме читатель Ж. Джумадиев ругает нас: расписываем свои финансовые сложности; установив высокую подписную цену, ссылаемся на ещё более высокую стоимость московских изданий, а теперь вот ещё стали публиковать цены на московских и ленинградских рынках. Вы что, пишет читатель, призываете этими публикациями и наших спекулянтов поднять цены и сравнять их со столичными?

Пришлось оправдываться: нет, просто информируем... Хотя в чём-то, может быть, читатель прав... Только что опять опровергали слухи о том, что в ближайшие дни поднимутся цены на продукты питания.

В трёх номерах публикуем списки репрессированных, а теперь реабилитированных. Почти никого из них уже нет в живых. Сотни людей всех возрастов — от юных до совсем стариков, самых разных профессий (разнорабочий, портниха, сапожник-кустарь, боцман, чабан, безработный...), национальностей — русские, казахи, украинцы, немцы, китаец (!)... За что?!

8 сентября

Неожиданно резкий отклик на нашу публикацию о создании в Павлодаре партии свободного труда. Пишет работница некоего кооператива — об отношении к ним председателя: “Мы — настоящие подневольные, рабы хозяина, который не

видит в нас людей, а обращается с нами как с дешёвой рабочей силой... Нет никакой социальной защиты. “Хочешь профсоюз — иди на завод, вкальвай за сто “рэ”! — говорит нам председатель. Мы работаем по 12 часов, а потом ещё моем цех и лестницы. У меня нет выхода — муж погиб, на руках двое детей, и мне не прожить без этих 500-600 рублей, которые я иногда получаю за работу в нечеловеческих условиях и без выходных. Наверное, никакой капиталист не издевается так над своими рабочими, как наш председатель. Так что не надо красивых слов о партии свободного труда. Скорее всего, это будет партия председателей кооперативов, которой до нас, простых рабочих, не будет никакого дела...”

Под письмом — вымышленная фамилия, но мы его печатаем...

В Москве издан рекламно-информационный буклет-путеводитель “По павлодарскому Прииртышью”. Среди его авторов — наш Володя Бугаев.

10 сентября

Провели с Ольгой два прекрасных дня в Баянауле. Там проходил традиционный слёт (соревнования туристов “Иртышский меридиан”) на приз нашей газеты... Нас с ней поселили в “апартаментах” — укромном домишке, поодаль от турбазы... А с утра мы отправились вместе со стартующими командами туристов в кросс-поход вокруг озера Джасыбай. Устали как черти, проголодались, пропустив обед, но были страшно горды, преодолев все трудности путешествия. Как много, оказывается, в Баянауле красивейших мест, где мы ещё не бывали! И как хорошо побыть среди сумасшедшей туристической братии, набравшись у неё романтизма и оптимизма! А ещё отвлечься от работы и хоть чуть-чуть окунуться в личную жизнь...

Судя по последним публикациям в центральных газетах, обостряются национальные противоречия и в Казахстане. “Литературка” даже употребила выражение “готовится ошский сценарий...”. По Павлодару я никак этого не ощущаю — у нас всё спокойно, но, говорят, беспокойно на юге.

Сегодня по республиканскому телевидению выступил с обращением к народу Н. А. Назарбаев — призвал к благоразумию и ответственности, сказал, что всем нам, включая тех, кто оказался в Казахстане не по своей воле, хватит здесь места. Выступление президента очень своевременно, но образумит ли оно тех, на кого никакие слова не действуют?

У меня иногда возникает ощущение, что мы иногда ведём себя как стадо овец, идущее на бойню. При этом многие понимают, куда двигаются, но ничего не могут (или не хотят?) изменить...

Продолжение в следующем номере.

Борис ЛУКИН

“Бабочка в окно влетела...”

Песенка о тайне

Это весна.
 Это просто весна.
 Это блажь.
 Это сонная женщина только что сладко проснулась.
 Посмотри за окно,
 это снег,
 это свет ещё белый,
 он наш;
 как по-детски на эти слова ты сейчас улыбнулась.

Будет утро и кофе,
 а прежде разбудит капель;
 и детишки услышат чуть раньше, чем мы, и проснутся.
 Нам бы тоже забыть,
 что там завтра...
 сегодня...
 теперь;
 ах, не важно совсем, чем там завтра деньки отзовутся.

И сегодня не будет,
 и завтра не будет,
 и впредь...
 Только снег и капель,
 жизнь бежит,
 и река берега покидает;
 может, эта вода не позволит в аду нам стореть,
 если мы ненароком не выгребем к берегу,
 к раю.

Борис Иванович ЛУКИН

— поэт, переводчик, член Союза писателей России, редактор отдела литературы “Литературной газеты”, многие годы был заместителем главного редактора газеты СП России “Российский писатель”.

Родился в 1964 году в Нижнем Новгороде (г. Горький). Окончил Литературный институт им. Горького (семинар Е. М. Винокурова). Автор трёх книг. В 2006 году участвовал в литературном проекте — книге “Самое-самое. Пять поэтов” (с А. Шороховым, А. Суворовым, Ф. Черепановым, А. Кувакиным). Печатается в российской периодике.

В “Ниве” выступает впервые.

Это просто весна.
Это доброе утро, малыш.
Это тайна земли рвёт запруды и места не знает.
Это счастье
потом ты когда-нибудь вспомнишь, а мы...
мы мечтали...

Ты поверь,
всё, что в этом краю полюбило, уже не умрёт.
И не канет;
а только растает,
растает...
Между ночью и днём,
между списками прошлых времён.
Ты зажмурься сильнее:
это солнце спит —
это тайна.

Колыбельная

Засыпает.
Поздно дом засыпает.
Забывает,
обо всём забывает.
Засыпает снегом
нас, засыпает.
Засыпаем,
а во сне всё бывает.

В первом детском этаже
сны такие,
что кричат от них порой
как большие,
им прижаться бы сейчас
к папе-маме,
и оставить это счастье
на память.

Во втором —
живут тревоги другие,
здесь нас любят,
как и мы бы любили,
здесь в подушку плачут
и забывают,
что так в жизни очень часто бывает.

Только в третьем —
свет не гаснет ночами,
на вопросы там
себе отвечают,
оттого который год сердце ноет...
Ну, конечно,
всё мечталось... иное...

А на верхнем,
там, где к небу поближе,
время медленно течёт
и всё тише,
снегом ляжет за окошком
и точно,
что во сне
всё,
как и в жизни, не очень.

Забываем.
Обо всём забываем.
Засыпает снегом
нас, засыпает.

Всё кончается,
кончаются ночи,
вот понять бы для чего всё —
и точка.

Родительское

Бабочка в окно влетела
Сквозь стекло, на нём же села.
Мама, как-то между делом,
Посмотрела.

Это мне сегодня снилось.
Папа. Мама. Все мы вместе.
Лето. Утро. Время сбилось
Или просто стало местным.

Бабочка в окно влетела.
На стекле остановилась.
Папа встал, два шага сделал,
А во мне сердечко билось...

Это время незаметно
Возвращало землю, небо...
Только вас давно здесь нету...
Как вы? Что вы? Где вы? С кем вы?..

Реквием

В. Н. Крутину

Нашим старым отцам
было в радость, что мы молодые.
Что ровесников наших отцы
им годятся в сыны.
Каждый год нашей жизни
для них как листы наградные —
за отвагу,
за храбрость,
за веру в бессмертье страны!

Это мы — за Россию...
Они — за сестрицу и брата,
за родительский дом,
за святой в три захода погост;
и дойдя до бессмертья,
вернуться сумели обратно —
на родимую землю
так сладко ступить
с облаков.

Возвращались любимые!
А теперь все уходят, уходят...
Да и век опрокинулся следом за горизонт.
Наше время пришло!
Значит
Богу
так было угодно,
нам остаться
один на один
в этом мире
со злом.

Русские

Упираясь головою в небеса,
Как в последний — затянули пояса
И воскликнули: “Доколе же терпеть!”,
А сильнейшие сказали: “Лучше смерть”.

И досталось — слабейшим умирать
Долго-долго; и в молитвах поминать
Сильных, славных... где отец и где там брат...
Именами их — детишек называть,
И к тому, что стало с нами — привыкать.

Видно, правда, что всему на свете срок,
даже смерти. Вторят дети: “С нами Бог!”
И тогда мы, в образа — глаза в глаза,
учим с детками, что надо бы сказать;
подпирая головою небеса
и потуже затянувши пояса...

Застольная

Это мы вернулись издалёка,
Где бывало чаще одиноко,
Чем, когда у Господа под боком,
На земле, где жили предки, потом,
Кровью вспоенной, слезой...
Мир как мир, не добрый и не злой;
Свет как свет, особенно весной,
Серый, грязный, но для жизни годный.

Это, если не было героев,
Победивших, с красною звездою,
Жизнь влачащих тихо за горою,
За кордоном, за бугром, за тем
Временем, где горе и потеха,
Где фонарь, и улица, аптека —
Да и не стихи, не безнадёга,
Дёготь ночи и кварталы стен.

Это мы прорвались издалёка,
Где порой бывало одиноко;
И за суетой не вспомнишь столько,
Сколько здесь случилось пережить.
Свет, как свет, и мир, как мир: не добрый
И не злой, во многом нам подобный.
В нём, хотя и говорим свободно,
Но живём, не смея полюбить.

Банька

Русский любит пар духмяный.
Ну а с милочкой — вдвойне.
Сам — как яблочко румяный,
А она-то, снится ль мне?
Тело пышет, глаз не знаешь
И на чём остановить.
Вспоминается — о рае,
Только скажешь о любви.
Не за эти ли проделки
Потеряли предки рай?
Веничек пробежкой мелкой
Поднимает кровь с нутра.
И пошла с двух рук работа —
Не глядят глаза от пота:
А, наверно, хороша!
Где тут тело, где душа?

У окна

По утрам белым-бело.
Молоком вскипает
Луговина за окном —
Тает, тает, тает...

Мир, разбуженной рекой,
Бродит берегами.
Близко — стало далеко.
Узнаю местами...

Скворчик выбрал свой шесток,
Прогоняя лихо.
Позовёт к окну сынок,
Спросит очень тихо:

— Папа, чёрные барашки
Топчут белые дуга.
Папа, а на небе страшно?
— Где, сынок, твоя рука?

... Речка воду наперёд
Черпает в глуши.
Так и я, который год,
По-за край души.

Осенние разговоры

“... На рыбалке был вчера”.
А с утра дожди.
Может быть, уже пора —
Времечко бежит.
Замечает детвора:
“Мама, что не спишь?
Кто там бродит до утра
Под окном?..”
Молчишь...
Осень душу запалит.
Возраст, что возьмёшь?
Не весной теперь болит,
А когда не ждёшь.
И томишься, и поёшь —
Всё так день-деньской.
Жизнь по капельке...
Но в дождь
Той реке тесно.

Ведьмин круг

Всё твержу на память
я твои слова.
Осень и не знает,
что творит она.
Долго плачет дождик,
шепчет в тон листва.
Милый мой, хороший,
я тебе верна.
Морем была,
ливнем —
Изойду слезой.
Будет осень длинной,
Прежде — мне везло.
И когда прощалась,
Словно навсегда,
И когда молчала —
Душу берегла.

Листиком опавшим
Всякий мил денёк,
Хорошо пропащим
Умирать у ног.
Затвердив осенние
Наизусть деньки,
Сладко пьётся зелие
Из твоей руки.

Вспять

Потому и бодем, что люди.
Словно осенью: стынь и дожди.
Память вспять опрокинет в простуде —
Вот и выдалось время пожить.

То ли бред, то ли сон эта небыль,
Загадевшись, нырнёшь с головой,
И не надо ни света, ни хлеба,
Если воля вокруг и покой.

Это — мама приносит лекарство.
Это я — улыбаюсь врачу
В том единственном, может быть, царстве,
Где подольше остаться хочу.

Поминальное

*Н. Дмитриеву, С. Викулову, В. Клыкову...
и всем-всем почившим во славу русскую*

Всё длиннее список поминальный.
... Николай, Сергей и Вячеслав...
Человек — трагически банальный —
Выбран полем битв добра и зла.

Словно отлистнули вы столетья,
Видите, в строю и стар и млад.
Эти — вместе с Угличем сгорели.
Эти — полегли за Ленинград.

Армия — смотри! — из раскулаченных,
Это — сонм погибших на фронтах, —
Соль Земли... Вы молитесь... и, значит,
Нам найдётся место у креста.

Может быть, последних православных
Новый век проводит ко Христу:
Николаи, Сергии, Иваны,
Александры, Алексеи, Вячеславы...
Дней последних всадники грядут.

То ли день прошёл в заботе,
То ли — год прошёл.
Умереть в рубахе потной —
Грех-то небольшой.
Но прожить хоть день без строчки...
Как без новенькой сорочки
К Господу пошёл!.

Читая письмо Н. Рубцова к Ст. Куняеву

Один из самых захолустных
Уголков вологодской страны...
Поэт, сокрывшись в эту пустынь,
Письмо строчит в миры ины.

Он пишет Стасику с Гапиной
Сквозь километры и века
О том, что печку затопили,
Что был забыл у камелька.

Что нет здесь искони покоя,
И одиночкой не прожить;
А даль в тумане за рекою
Таит иные рубежи.

Там спит погост... а лодки нету.
Душа томится от вины...
Что всё случится — по приметам,
Что здесь они всегда верны.

Он пишет... Я не разбираю
Порою слов... “Мне здесь... работ...”
А за селом гармонь по краю,
как будто движется слепой.

Всё выдал Бог на это время.
Не торопи! Не смей мешать!
Пусть лучше он с похмелья дремлет,
Пока весь мир живёт греша.

Вздохнёт... “Мне нет уединенья”...
И вслед посмотрит за окно —
Ещё одно стихотворенье
Уносит вечный почтальон.

г. Москва.

Дополнительный урок

Амантай КАКЕН

На литературном фронте

*Тебе, мой друг безвестный,
Все помыслы души
Я раскрываю в песне, —
Ты ж слушай, не дыши.
О, что душа без песни
И песня без души?!*

Сакен Сейфуллин

Глашатай новой эпохи

Важное, значимое отличие Сакена Сейфуллина в сравнении с находившимися рядом с ним сверстниками — общественными и государственными деятелями — заключалось в том, что он плюс ко всему оказался ещё и выдающимся поэтом. А существенным секретом любого стихотворца является его склонность к нововведению, реформаторству. Известно, что создание образа времени, в котором жил писатель, является главным руслом прогрессивной идеи. Поэтому, понятное дело, каждый беллетрист, каждый поэт стремится воссоздать картину своей эпохи. К сожалению, такое счастье выпадает не каждому.

И Сакен Сейфуллин в своих творческих исканиях отражает думы и чаяния родного народа, его менталитет: представление об обществе и человеке, любовь к родине и своему народу, мужество, трудолюбие, честность, доброту и другие качества. Поэт верен вековой системе, кодексу этики степняков, как говорится: “Родившись человеком, надо и умереть человеком” или “Герой рождается на счастье народу и умирает за народ”.

Вместе с тем, поэт выступает, как глашатай новой жизни и прогресса, со своим самобытным голосом. Тому примером служит создание автором героических образов своего времени и обычаев народа, почтительное отношение к старшим, уважение к семье, женщине, забота о молодом поколении, о детях. В его произведениях вырисовывается идеал человека, к которому должен стремиться каждый: это свободолюбие, равенство, благородство, благополучие нации и всех людей.

Дореволюционная поэзия Сейфуллина входила в общее русло казахской передовой литературы. Стремиться к знаниям, быть

наравне с другими, рассказать о беспросветной жизни униженного, оскорблённого народа — вот те постоянные вопросы, свойственные всем просветителям-демократам. Он откликнулся на все актуальные проблемы, которые внесла на повестку дня литература того времени. Молодой Сакен горячо поддержал демократическое направление в литературе, представленное именами известных казахских прозаиков и поэтов дооктябрьского периода — Султанмахмутом Торайгыровым, Мухамеджаном Сералиным, Сабитом Донентаевым, Гумаром Карашевым, Спандияром Кубеевым. Традиции родной реалистической литературы, основанной Ибраем Алтынсариним и Абаем Кунанбаевым, таким образом, стали близкими и дорогими для поэта.

В первом сборнике стихов “Минувшие дни”, вышедшем в издательстве “Матбухат Каримия” в Казани в 1914 году, затронуты различные стороны казахской жизни. Сакен Сейфуллин уже тогда задумывается над судьбой единокровцев, горько сетует на тяжёлую жизнь казахской бедноты, волнуется над важными социальными проблемами. Решение других социально-бытовых вопросов, призыв к знанию, размышления о том, как сделать жизнь народа более светлой и разумной, — этот круг тем даёт достаточно полное представление о настроениях Сейфуллина тех лет, наиболее чётко выраженных в таких стихах, как “Поэт”, “Сон”, “Кто поведёт мой народ?”, “Младшему братишке”.

К примеру, в стихотворении “Сон” заброшенный сад символизирует всё старое, отжившее. С надеждой обращает Сакен свои взоры на молодое поколение, которое может повести народ к светлому будущему:

*А нужно, чтобы лозы в нём росли,
День ото дня цвели бы без тоски.
Аллах, дай молодости в счастье жить!
Молюсь за неокрепшие ростки.*

Тоска по родной земле юноши, который уехал в город в поисках знаний, его любовь к степи хорошо показаны в стихотворениях “Перекочёвка на джайляу”, “Пьют кумыс на джайляу”, “Айт”, где воссоздаются первозданные картины природы, написанные яркими запоминающимися красками, закрепляются постепенно исчезающие детали кочевой жизни. Вместе с тем, здесь можно найти и пронзительные патриотические мотивы, и задушевные любовные стихи. И строки с чётко выраженной просветительской и дидактической направленностью.

Академик НАН РК, профессор Р. Нургали считает, что “Минувшие дни” со своей ясной социальной позицией, идеей народности, образным языком и высокой культурой стихосложения свидетельствовали о том, что в казахской литературе появился активный жизнестойкий талант — Сакен Сейфуллин.

Узнав о Февральской революции, круто изменившей и без того сложную, крайне драматичную ситуацию, обострившей социально-политическую обстановку в России, Сакен Сейфуллин ещё до наступления Октябрьского переворота осознал, предчувствовал приближение грядущих изменений не только в метрополии, в центре, но и на окраинах огромной империи, в том числе в казахской степи. Об этом свидетельствует его стихотворение “Мы спешно собрались в поход”, обозначенное подзаголовком “Встречая свободу” и написанное 9 марта 1917 года. Поэт в романтическом ключе воспекает наступление новой эпохи, одновременно создавая ярко окрашенные символические образы: “ночь гнетущая”, “предвкушение рассвета”, “ласкового солнца”, “багряной зари”, “скакунов крылатых”.

*В степях царила ночь гнетущая,
Ночь неизвестности и страхов,
О, эта ночь крыла простёршая
Над мирным племенем казахов!
О, это чувство ожидания,
О, предвкушение рассвета,
Несущего освобождение
От самовластия ночи этой.*

*Мы верили — придёт расплата,
Мы солнце ласковое встретим,
Красавцев скакунов крылатых
Растили мы к минутам этим.*

Сакен Сейфуллин был очень чуток к биению пульса жизни. Видимо, поэтому новаторские приёмы поэта, как всей литературы советского периода, объяснялись, прежде всего, его стремлением правдиво отразить революционные преобразования своего времени, бурлящей, кипящей жизни, духа той эпохи. И в этом заключается особое проявление в его произведениях высокого революционного пафоса, романтической вдохновлённости и возвышенного, торжественного порыва радости — как результат осуществляемой заветной мечты.

В стихотворении “А ну-ка, джигиты!” (1917) авторская позиция становится уже более реалистичной, теперь Сакен избегает символических картин и бросает открытый революционный лозунг казахской молодёжи: “Беднота, объединяйтесь!”. “Смело, дружно, Строить нужно Новый мир, иную жизнь!”. Так появилась первая казахская революционная песня.

В связи с этим невольно приходит на ум размышление Габита Мусрепова, который заявил: “Сакен был единственным основоположником, предводителем казахской литературы. Задачу, возложенную историей на него, никто из нас не исполнил. Нельзя извращать историю”.

“Сакен Сейфуллин не был представителем “чистой” литературы. Он не просто поэт, а поэт-революционер, поэт-коммунист”, — писал Сабит Муканов.

На самом деле так и есть. У истоков советской литературы стояли люди, тесно связавшие себя с революционной борьбой. В России — М. Горький, Д. Бедный, А. Серафимович, в Латвии — А. Упит, в Армении — А. Акопян, в Азербайджане — М. Ордубады, на Украине — В. Элдан-Блакитный, в Казахстане — С. Сейфуллин, в Осетии — С. Гадиев, Ц. Гадиев, в Дагестане — Г. Саидов, в Карелии — Я. Виртанен и другие.

Непосредственно в разработке теоретических и практических основ национальных литератур участвовали видные революционеры (А. Луначарский, В. Воровский, С. Шаумян, А. Мясников, Ф. Махарадзе, Н. Нариманов, В. Мичквичус-Капсукас, А. Арайс-Берце и др.); молодые писатели шли в литературу из среды рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции, из рядов Красной Армии.

Тем не менее, следует подчеркнуть особую роль и мощное влияние М. Горького на развитие всей советской литературы, определение общего направления и дальнейшей её ориентации. Он пришёл в литературу в тот момент, когда обозначился кризис старого критического реализма и начали изживать себя темы и сюжеты великой литературы XIX века. Трагическая нота, всегда присутствовавшая в произведениях русских классиков и придававшая их творчеству особый скорбный, страдальческий привкус, уже не пробуждала в обществе прежнего подъёма, а вызывала лишь пессимизм. Русскому (да и не только русскому)

читателю приелось переходящее со страниц одного произведения на страницы другого изображение Страдающего Человека, Униженного Человека, Человека, которого надо жалеть.

Ощущалась настоятельная потребность в качественно новом герое, и Горький был первым, кто откликнулся на неё — вывел на страницах своих рассказов, повестей, пьес Человека-Борца, Человека, способного одолеть зло мира. Его добрый, вселяющий надежду голос громко и уверенно зазвучал в спёртой, душевной атмосфере российского безвременья и скуки, где общую тональность определяли произведения вроде “Палаты № 6” Чехова или “Господ Головлёвых” Салтыкова-Щедрина.

В старом споре о Человеке и его месте в мире Горький выступил как горячий романтик. Никто в русской литературе до него не создавал такого страстного и возвышенного гимна во славу Человека. “Человек — это звучит гордо!”. Нравится нам или нет, но для всех поколений советских писателей Горький однозначно был образцом, примером в честном служении народу, в осуществлении принципов социалистического интернационализма, партийности и народности литературы, высокой идейности, художественного мастерства.

Наряду с этим, особенно в начале 20-х годов прошлого столетия, в литературе “сожительствовали” разные течения, организации, группы с чересчур усложнённой эстетической программой, склонные даже к аполитичности, поддерживающие обособленность литературы и не признающие между собой классических традиций. Некоторые писатели объединялись в коллективы, где проповедовали идею просвещения, повышения национального самосознания. Поддерживали интересы народных масс, проявляли приверженность своим корням (в России — “имажинизм”, “конструктивизм”, ОПОЯЗ — “общество изучения поэтического языка”, “Серрапионовы братья”, ЛЕФ — “левый фронт искусства”; на Украине — ВАПЛІТЕ; в Грузии — “Академическая группа”; в Казахстане — “Алка”).

Когда речь идёт о развитии национальной литературы, то следует признать существенное значение алашской просветительской ориентации в духовной жизни Казахстана. Следовательно, казахская советская литература появилась не на пустом месте, наоборот, она возникла на почве изящной алашской словесности, является естественным её продолжением. Правда, изначально она зародилась как течение, однако потом, начиная с середины двадцатых годов, по указке Москвы, превратилась в направление, имеющее чёткую программу. В это время в роли оппозиции — как противовеса большевистской культуре, поддерживаемой ВКП(б), выступили заинтересованные в будущем национальной литературы алашевцы, которые сосредоточились вокруг творческого объединения, именуемого “Алка”.

Как известно, долгие годы советскими историками факт существования “Алки” замалчивался, а если и упоминался, то лишь для иллюстрации борьбы “казахских националистов” против трудового народа. Между тем, исторические факты свидетельствуют, что она была сугубо творческой организацией начала XX века, деятельность которой направлялась на объединение писателей — истинных патриотов своего народа, опиравшихся на сохранение идей государственности, идущих с глубокой древности. В этом и заключается суть концепции сторонников этого направления в казахской литературе первой четверти XX века.

После Октябрьского переворота, руководствуясь ленинской установкой о том, что “партия должна организовать литературное дело, поставить его на службу народу”, Пролеткульт в центре и на национальных окраинах вёл беспощадную борьбу за создание новой, особой формы рабочей культуры, свободной от всяких мелкобуржуазных влияний. Как и следовало ожидать, эта затея со всеми её революционными заскоками бесславно провалилась.

18 июня 1925 года ЦК ВКП(б) принял постановление “О политике партии в области художественной литературы”, где, в частности, говорилось: “Гегемонии пролетарских писателей ещё нет, и партия должна помочь этим писателям заработать себе историческое право на эту гегемонию”, т. е. чтобы занять господствующее положение в литературе, единственным требованием для писателей было — соревноваться в изображении социалистического строительства.

Вслед за РАППом — Российской ассоциацией пролетарских писателей — возникла КазАПП. Председателем оргбюро в Кызылорде стал С. Сейфуллин, секретарём С. Муканов, членами — А. Байдильдин, Х. Жусупбеков, О. Беков. Писатели и поэты, сочувствующие свежайшему творческому объединению, сосредоточились, прежде всего, вокруг его руководителя. Указанная организация, не откладывая дело в долгий ящик, объявила свою платформу и вскоре превратилась в официальный орган.

Нахождение Сакена Сейфуллина во главе новаторской, революционной группы явилось закономерным явлением. Поэт, всей душой и сердцем поддерживавший новую власть, ощутивший, если так можно выразиться, на своей собственной шкуре бесчинства, грубое насилие, наглость царской охранки, вне всякого сомнения, не мог перейти на сторону алашордынцев, которые сотрудничали с Юго-Восточным союзом, атаманом Дутовым, воевавшим против Советской власти, Сибирским белогвардейским правительством и министрами колчаковской верхушки. В период революции поэт, видимо, не зря служил опорой большевиков, боролся за социальную справедливость, свободу и независимость, поскольку тогда считал, что только этим путём можно добиться вожденной свободы, независимости и равноправия для казахского народа.

Естественно, эти две группы — КазАПП и “Алка”, — имеющие определённые противоположные суждения по одному и тому же вопросу, не смогли, к великому сожалению, понять друг друга, создать спаянный, сплочённый, единый творческий коллектив под одним шаныраком, то есть под одной крышей. Этому также способствовало неприятие некоторой частью казахской интеллигенции переворота, названного Великой Октябрьской революцией. Так, по этому поводу Ахмет Байтурсинов в московском журнале “Жизнь национальностей” (3.08.1919) писал: “Насколько понятна была киргизам (казахам. — **А. К.**) февральская революция, настолько непонятной показалась им октябрьская (социальная революция). С какой радостью встретили они первую революцию, с таким же ужасом пришлось им встретить вторую. Такое отношение киргизов к той или другой революции весьма естественно и понятно тем, кто знаком с киргизским народом. Первая революция понятна и с радостью встречена киргизами потому, что, во-первых, она освободила их от гнёта и насилия царского правительства и, во-вторых, подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту — управляться самостоятельно. То, что вторая революция показалась киргизам непонятной, объясняется просто: у киргизов нет ни капитализма, ни классовой дифференциации; даже собственность у них не так резко разграничена, как у других народов: многие предметы потребления считаются у них общественным достоянием”.

Как при жизни, так и после смерти появлялись неуклюжие попытки облить грязью светлый образ Сакена Сейфуллина, принизить неувядающую силу его поэзии и немеркнущего таланта. Однако было бы не справедливым отрицать его достойный и огромный вклад в литературу, рождённую временем, во главе которой он и находился. Более того, как верный сын своего народа, он никогда не кривил душой, от чистого сердца, с самыми добрыми намерениями, с нелицемерными помыслами верил в дело коммунистической партии, советской власти,

принял его как жизнеутверждающую силу. Вместе с тем, когда вера начала рассеиваться, не прятался, не ушёл в кусты, не безмолвствовал.

Некоторые произведения поэта — “Голодный казах”, “Кызыл ат” (“Красный конь”), “Наша жизнь”, “В Мягком вагоне поезда”, “Думы советского мальчика”, “Азия” и др. — как раз и показывают честное, тонкое душевное состояние и позицию поэта, как вызов обманчивому курсу власти. Являясь крупным писателем-новатором, видным государственным и общественным деятелем, Сейфуллин всегда выступал за утверждение национальных ценностей — дальнейшее развитие и изучение родного языка, культуры, соблюдение традиций, обрядов казахского народа.

“Мы ни в коем случае не склонны называть С. Сейфуллина, пережившего эпоху социальных потрясений, автором идеи КазАПП, — считает профессор Дихан Камзабекулы в своей монографии “Алаш и литература”. — Если участие Сакена в указанной организации считается истиной, то истиной является также, что руководство этой организацией осуществлялось крайкомом партии. В результате прогрессивный писатель-новатор оказался жертвой междоусобицы”.

Несомненно, КазАПП допускала ошибки, недостатки: иногда организовывала бессмысленные, непродуктивные полемики, боролась с так называемыми групповщиной, буржуазным национализмом, увлеклась вульгарной критикой. Ложное, мнимое, фиктивное новаторство не всегда позволяли повысить качество произведений. Несмотря на все эти издержки, КазАПП смогла объединить талантливых писателей и поэтов, внесла достойную лепту в дальнейшее развитие отечественной художественной литературы.

Развивая молодую литературу в различных жанрах и темах, казахские мастера слова воспевали новый мир, раскрывали на казахской почве новые возможности в литературе. Особую роль сыграл в этом, несомненно, Сакен Сейфуллин. Он продолжил традиции демократической просветительской литературы, был новатором в поэзии и драматургии, творчески переработал поэтические традиции казахского народа, коренным образом обновил форму и содержание, ввёл в поэзию новые темы и образы, являлся преобразователем стихотворной строфики, ритмики, синтаксиса, интонации.

Непреходящую ценность составляет образная система писателя. Одна из главных причин долговечности поэзии Сейфуллина заключена в правдивом изображении характеров, то есть в их истинной народности. Они изображены объёмно, реалистично, человечно. Живой, естественный диалог помогает движению стиха, сюжет развивается живо и динамично. Выделяется голос певца в бескорыстии и чистоте. Его мысли афористичны и проникнуты любовью к родине, к простому человеку-труженику, созидателю земли. В его произведениях дивно контрастируют сумрачные краски казахской природы и яркая палитра, облюбованная поэтическим воображением — красный цвет, золотая степь, зелёный луг, взмах лебединого крыла, конь-тулпар в погоне, сункары-соколы в полёте, золотые волосы, белые руки.

Сейфуллин стал собирателем и организатором литературных сил республики. Поэт первым в Казахстане понял, что многожанровую, профессиональную, большую литературу одиночки, даже очень талантливые, не создадут: нужны дружные усилия писательского коллектива, творческой организации.

Степной буревестник благословлял, напутствовал, высказывал добрые пожелания, оказывал протекцию, проталкивая на почётное место духовной вселенной

ещё не совсем зрелые, “зелёнькие” труды юных поэтов и прозаиков, в том числе таких, как Беимбет Майлин, Сабит Муканов, Габит Мусрепов, ставших впоследствии корифеями отечественной культуры. Если Габит и Сабит месяцами занимали одну комнату его большой квартиры, то Беимбета, находящегося где-то в провинции, на отшибе, Сейфуллину пришлось чуть ли не силком вытаскивать, чтобы переехал в центр, занял должность ответственного секретаря республиканской газеты “Енбекши казах” (ныне — “Егемен Казахстан”).

В связи с этим небезынтересно обратиться к воспоминаниям популярного учёного-литературоведа, писателя, профессора Турсынбека Какишева, которого народный герой второй мировой войны, легендарный партизан Касым Кайсенов вполне заслуженно назвал “маршалом науки”, продолжительное время плодотворно и неустанно занимающегося изучением жизни и творчества Сакена Сейфуллина. Являясь автором десятков книг, монографий, статей, посвящённых только этой теме, Т. Какишев неоднократно встречался с родственниками, знакомыми, а также друзьями по перу, которые в своё время близко знали поэта, общались с ним. В числе респондентов был и видный казахский писатель Габит Мусрепов, поведавший неутомимому исследователю отдельные эпизоды из его личной жизни.

Осенью 1923 года, тогда ещё совсем молодой, никому не известный Габит прибывает в Оренбург — столицу Казахстана, чтобы поступить на рабфак, и узнаёт, что председатель Совнаркома наряду с многочисленными государственными проблемами постоянно интересуется и вникает в вопрос по обустройству рабочих и крестьян на учёбу. Он видел, как при личном вмешательстве Сакена Сейфуллина их распределяли, а затем все 30 человек, подавших заявления, поступили учиться в так называемую “опытно-показательную” десятилетнюю школу взрослых, на рабфак, в Казахский институт.

Тогда Сабит Муканов, будущий писатель-академик, уже обучавшийся на рабфаке, успевший близко познакомиться с поэтом, проживал у него на квартире по улице Деевская, 5. Примкнув к земляку, Габит также стал жить у Сейфуллина, находясь там, по его словам, до середины зимы.

На вопрос Какишева “Как Сакен лично Вас поддерживал?”, Мусрепов отвечал: “Во-первых, он помог мне поступить на рабфак. Во-вторых, когда в 1924 году я подавал заявление для поступления в ряды партии, дал рекомендацию. Когда понадобилось ходатайство партийца с дореволюционным стажем, познакомил с Алиби Джангильдиным, который согласился и выручил меня. Сейфуллин свёл меня с дореволюционным коммунистом Байменом Алмановым, ректором КазПИ, который также рекомендовал меня в ряды большевистской партии. Таким образом, из пяти необходимых рекомендаций, как тогда требовалось, в том числе двух со старым партийным стажем, три получил благодаря личной протекции поэта.

Так, председатель Совнаркома Сакен Сейфуллин лично помог малоизвестному парню из глухого казахского аула Габиту Мусрепову, впоследствии ставшему прославленным писателем, вступить в ряды коммунистической партии. Старшее поколение представляет, как важно быть членом ВКП(б) в Стране Советов, где все государственные, важные общественно-социальные вопросы исключительно решались монополично в недрах партийных органов.

Сакен Сейфуллин также оказывал должное внимание Г. Мустафину, А. Токмагамбетову, С. Шарипову, Ш. Иманбаевой, А. Тажибаеву, Е. Бекенову, М. Даулетбаеву, Ж. Сыздықову, К. Абдикаримову, А. Абишеву, которым помог с публикацией их первых книг, лично их редактировал и сопровождал предисловиями. Многие писатели прошли у Сакена прекрасную школу литературного мастерства, почувствовав

его влияние и поддержку: Х. Жумалиев, С. Камалов, М. Каратаев, У. Турманжанов, Б. Шалабаев, Е. Ысмаилов, К. Беккожин, Ж. Саин и многие другие.

Основоположник казахской советской литературы Сакен Сейфуллин был и создателем в 1934 году Союза писателей Казахстана и до конца жизни оставался одним из его руководителей.

Только ли Сакен восхвалял Ленина?

В истории казахской литературы Сакен Сейфуллин почти всегда занимал видное место. В советское время, являясь “красным соколом”, в угоду идеологической программе, его имя ассоциируется с рифмованными политическими лозунгами и штампами. Конечно, такого идеологизированного, “неполного”, “подчищенного” Сейфуллина изучать было легче, чем Сакена — лирика, автора поэм “Разлучённые лебеди”, “Песня о лашине”, “Кокшетау” и “Красный конь”, талантливого критика и публициста.

Вместе с тем, после реабилитации алашордынских лидеров, особенно после развала Советского Союза, на страницах казахоязычной прессы стали появляться голословные, беспочвенные критические статьи-обвинения по отношению к творческой деятельности знаменитого поэта. Суть этих суждений сводилась к тому, что Сакен Сейфуллин якобы суперинтернационалист, ярый поклонник коммунистических идей, воспевавший только Октябрьскую революцию, Советскую власть, Ленина, а посему чуть ли не изменник, предавший национальные интересы казахского народа.

Да, он посвящал стихи вождю пролетарской революции, писал поэмы о Советской власти. Однако эту тему, как тогда говорили, вечную, разрабатывал не только он. Это — истина. Истиной является и то, что советская литература, в том числе и казахская, являющаяся её неразрывной частью, представляла собой идейно-эстетическое единство динамически взаимодействующих национальных литератур, художественный опыт каждой из которых становится общим достоянием. Послереволюционной казахской литературе было свойственно романтическое восприятие действительности, источником которого была сама жизнь — великая революционная ломка, создавшая высокие представления о новом миропорядке, о подвиге во имя его окончательного торжества. И начали бурно развиваться лирические жанры. Ведь не зря В. Маяковский говорил, что “литература революции началась со стихов”. Тогда почему же необоснованным, неосновательным чаще всего, нет, в большинстве случаев главным объектом нападок выбирается именно Сейфуллин? Где же справедливость?

Попробуем рассмотреть глубже указанную проблему.

После Октябрьского переворота образ Ильича нашёл яркое и достойное отображение в литературе и искусстве всех народов бывшего Советского Союза. В сознании масс вождь мирового пролетариата стал символом революции, воплощением надежд, залогом победы в трудовой битве за новую жизнь, их братского единства. “Мы родные по Ильичу”, — писал татарский поэт Хасан Туфан. Через изображение величия дел Ленина происходило “приращение” к революционному движению, “великому чувству по имени класс” (Маяковский).

Главный пролетарский писатель Горький в своём очерке “В. И. Ленин” (1924) с большой художественной силой нарисовал образ вождя революции, открыл драгоценные качества Ленина, охарактеризовав его словами: “прост, как правда”. Поэмы Маяковского “Владимир Ильич Ленин” (1924) и “Хорошо!” (1927) утвердили традиции гражданской социальной поэзии, пронизанной лиризмом “личного” отношения поэта к избранной теме.

При жизни вождя были написаны стихи Д. Бедного “Привет рабочего”, поэма Н. Тихонова “Сама” (1921). В этих произведениях с высоким поэтическим вдохновением и искренним волнением выражена горячая любовь народа к своему вождю.

Революционный шаг восставшего народа запечатлён в стихах Маяковского (“Ода революции”, “Левый марш” и др.), в лирико-патетических поэмах А. Блока (“Двенадцать”, 1918), Д. Бедного (“Главная улица”, 1922), В. Хлебникова (“Ночь перед Советами”, 1921), В. Сосюры (“Босые на пожарище”, 1922), Л. Квитко (“Красная буря”, 1918), С. Кудашева (“Октябрь”, 1920) и др.

Рождённое Октябрём новое время, установление Советской власти, торжество ленинских идей также являлось основной темой казахских мастеров словесности.

Какен Сейфуллин стал первым казахским поэтом, создавшим произведения о Ленине, революции, большевистской власти. Его стихотворение “Ленин” было написано при жизни вождя и опубликовано в газете “Енбекши казах” (ныне — “Егемен Казахстан”) в 1923 году, создавая величественный образ Ленина, его человечность, справедливость, правдивость, его борьбу, принёсшую страдавшему от тяжёлой жизни, под гнётом власти эксплуататоров трудовому народу свободу и равенство:

*Символ счастья на планете
Отчей,
Высшей радости на свете
Зодчий,
Зодчий пламенного мира,
Ленин,
Клич замученных и сирых,
Ленин!*

*Справедливая дорога
К людям,
Твой завет хранить мы строго
Будем,
Клич великого сраженья,
Ленин!
Ты — Коран преображенья,
Ленин.*

Вся страна тяжело переживала смерть Ленина. Наряду со стихотворениями В. Маяковского, Д. Бедного, А. Безыменского, А. Жарова, В. Инбер, С. Есенина, А. Аюпова, С. Стальского, Г. Табидзе и других немало проникновенных строк написали казахские советские писатели и поэты И. Байзаков, Ы. Сандыбаев (Укили Ибрай), С. Жангабылов, А. Султанмуратов, К. Айнабеков, К. Есдаулетов, А. Нурлыбаев и другие.

В январе 1924 года Сейфуллин возглавлял делегацию Казахстана на похороны В. И. Ленина. Смерть вождя потрясла его, и он написал статью “Ленин и пробуждающийся Восток” (опубликована в центральной газете “Известия”. — **А. К.**), стихотворения “Скорбная весть”, “Траурный день”, полные грусти, печали, где, в частности, поэт отмечает:

*Вестью той был мир, как громом, поражён,
Как копьём, той вестью каждый был пронзён,
Но ещё тесней ряды свои сомкнули
Мы в те дни у славных ленинских знамён.*

Скорбное, печальное событие — смерть Ленина также глубоко взволновало замечательного казахского поэта Ильяс Джансугурова, друга Сакена. Потрясающая весть застала врасплох, привела его в крайнее замешательство: как же жить без Ленина, без капитана? Об этом автор искренне признаётся в стихотворении “Умер Ленин”:

*... Буду песню петь
Об одном корабле,
Что стремится
сквозь бури
к счастливой земле ...*

*Толпы волн,
И в глазах — только волны рябят,
И пронзительно, жалобно мачты скрипят,
Будто хнычут: “Идём ко дну ...
Капитана нашего
нет ...
Мы у бурь в безнадёжном плену...
Кто поможет?
Кто даст совет?”*

В то же время Ильяс верит в будущее, заявляя, что дело Ленина вечное, ведёт оно к светлому будущему. В стихотворении “Ленин жив!” поэт заявляет: “Бессмертные не знают смерти, а он бессмертен, значит — жив!”, “деянья Ленина — эпоха, и нам завещана она”. Далее автор восклицает:

*И мы железными шагами
Идём дорогой столбовой.
И Ленин неизменно с нами —
Неумирающий! Живой!*

И. Джансугуров в своём другом стихотворении “Мавзолей” отразил яркий путь Ленина, как говорили тогда, бессмертие его дела.

На смерть Ленина одним из первых среди казахских писателей отозвался стихотворением “Не рыдай, не плачь” (1924) и Б. Майлин. К образу вождя он обращается и позже (“Ленин”, 1925), призывая народ защищать завоевания пролетарской революции, продолжать дело Ленина, хранить верность его заветам. Поэта вдохновляет тема борьбы казахского народа за новую жизнь, за светлое будущее. Вершинами его гражданской лирики являются стихотворения “Кто злодей?”, “Бедняку”, “С праздником”, “Сегодня”, “Процветает аул — процветаем и мы”.

Представители устного народного творчества много сделали для создания образа великого вождя, использовали самые яркие краски, самые проникновенные слова, самые смелые образы, накопленные традицией, для того чтобы с наибольшей глубиной и силой выразить любовь и признательность казахского народа борцу за народное счастье. В славной истории казахского советского фольклора особое место принадлежит известным акынам Джамбулу Джабаеву и Нурпеису Байганину.

Так, высокоидейные, полные патриотизма творения Джамбула “Ленин”, “В мавзолею Ленина”, “Молодость вернулась”, “Родная моя страна”, “Богатырю Климу” и другие были опубликованы в центральной печати и распространялись по всей стране. Известные толгау (раздумья) Н. Байганина “Ленин”, “Ленин будет жить вечно” стали шедеврами народной сокровищницы художественного слова, вершинами в поэтическом изображении вождя.

Эта важная тема на всех этапах истории казахской литературы советского периода развивалась и углублялась. Вышли сборники произведений под названием “Сувенир поэтов” (1927), “Ленин” (1928), составленные из стихов, опубликованных в газетах, журналах, отдельных поэтических книгах.

Наряду с лирическими стихотворениями в казахской поэзии рождались первые поэмы, посвящённые этой теме. Сейфуллин опубликовал в 1933 году поэму “Альбатрос”, где впервые в казахской поэзии образ Ленина был создан вдохновенно, в эпическом стиле. По теме и её художественному решению “Альбатрос” заметно переключается с поэмой Маяковского “Хорошо!”, а главы о Ленине — с поэмой “Владимир Ильич Ленин”. В “Альбатросе” автор описал преобразования революционной эпохи, социалистическое строительство, показал неразрывное единство Ленина и партии, что характерно для всех советских поэтов, начиная с Маяковского.

Среди писателей, внёсших значительный вклад в развитие ленинианы, следует отметить Ж. Аймаутова, С. Муканова, Т. Жарокова, Г. Орманова, Ж. Сыздыкова, Д. Абилова, Ж. Саина, К. Аманжолова, Дж. Мулдагалиева, С. Мауленова, М. Алимбаева, К. Жармагамбетова и других.

Поэт У. Турманжанов в поэме “Образ Ленина в сердце моём” охарактеризовал идеи Ленина как солнечные лучи, освещающие все уголки земного шара. Посвятили Ленину свои баллады К. Жармагамбетов — “Баллада о зерне”, “Учитель”, циклы стихов — А. Тажибаев, С. Жиенбаев. О жизненном пути Ильича и значении его революционных идей слагали стихи Г. Каирбеков, А. Шамкенов, Н. Шакенов, Б. Аманшин, К. Мырзалиев, Т. Молдагалиев, Ш. Мухамеджанов, Т. Айбергенов, А. Дуйсенбиев, К. Баянбаев, О. Сулейменов, К. Ахметова и многие другие. В разные годы были написаны поэмы, посвящённые жизни и деятельности Ленина: “Наша поэма” (К. Аманжолов), “Алтайские перевалы” (Д. Абилов), “Гений” (К. Мырзалиев), “Ильич” (М. Макатаев), “Счастливый человек” (К. Мусрепов). Характерной чертой произведений Т. Бердиярова (“Есть такая партия”), М. Макатаева (“Большевики”), Т. Абдрахмановой (“Размышления о коммунисте”), А. Сарсенбаева (“Моя великая партия”), Н. Шакенова (“Коммунисты”) являются углубление, расширение образа Ленина при сохранении верности идейно-художественным традициям в его изображении, заложенными ещё Горьким и Маяковским.

В произведениях, созданных на основе исторических документов, воспоминаний, отражены факты, свидетельствующие о внимании и заботе вождя о всём советском, в том числе казахском, народе. К числу таких произведений относятся поэмы “Степной комиссар”, “Кремлёвский часовой”, “Легенда Иртыша” Х. Бекхожина, “Часовой” А. Токмагамбетова.

Указанная тема освещена не только в поэзии, но в прозе и драматургии. Так, в своей статье “Человек мира” М. Ауэзов писал: “Жизнь и личность Ленина — живой пример высокой ответственности сына перед своим народом-отцом, человека, воплотившего в себе ум, честь и совесть народа. Мы воспринимаем ленинское воспитание поколений как драгоценное наследие, ленинскую мораль — как мораль, неизвестную людям прежней истории”. Далее автор заявляет: “Мы знаем, что в каждом нашем серьёзном поступке, в наших поисках и творческих планах мы несём в своём сердце образ Ленина. Он учитель, связанный с нами нашей верой, нашей любовью”.

В документальной драме С. Жунусова “Противостояние” показана борьба Ленина за утверждение завоеваний Октября после гражданской войны: его забота о казахском народе. Образы Ленина и простого казаха-бедняка Ж. Тайшиева, встречавшегося с ним, как отмечали критики, стали значительным достижением казахской драматургии. Писатель Сакен Жунусов за пьесу “Противостояние” был удостоен Государственной премии Казахской ССР (1986).

Поэт-большевик Сакен Сейфуллин был у истоков казахской ленинианы, однако не только сверстники по писательскому цеху и представители устного народного творчества — акыны, жирау, а также его преемники, заботливо выращенные им, но и те прозаики и поэты, которые никогда не видели “красного сокола”, рождённые уже в годы репрессий, после неё, усердно, кровопотливо углубляли, расширяли указанную тематику, всегда возвышающуюся над всеми. Таким образом, в истории казахской литературы советского периода ленинская тема всегда занимала стержневое, ключевое место. Такова объективная реальность.

“Репрессированная” поэзия

Когда вся общественно-политическая атмосфера страны столкнулась с мощным ураганом политизированности, Сакен Сейфуллин выполнял требование времени, иногда даже был инициатором, организатором, поскольку являлся не только глашатаем, пропагандистом новой эпохи, но вместе с тем осознанно чувствовал, что время ему поручило быть вожаком масс и строить новую жизнь. О том, что по сравнению с другими проявлял в этом стремительность, порывистость, действовал более активно, напористо, старался всё выполнить искренно, вкладывая всю душу и энергию, написано довольно много. Но сейчас я хочу остановиться на том, как родная большевистская власть преследовала и травила Сакена Сейфуллина и его удивительную, чудесную, прекрасную поэзию.

Искусство и литература, являясь важным видом общественного сознания, вынуждены были служить и быть главной опорой господствующей государственной идеологии. Не говоря о простом народе, все большие и малые деятели высказывали мнения, суждения в одном русле, только с классовых позиций. В это время появилась теория социалистического реализма, и вся творческая жизнь стала регламентироваться, строиться по единой колодке, единой форме, единому образцу. Вначале эта художественная концепция встретила понимание и получила поддержку в творческой среде, однако постепенно теория социалистического реализма стала вытеснять другие творческие направления, превращаться в догму, в своеобразный дамоклов меч. Кто же воспротивился этому бесцеремонному давлению литературных держиморд, тот пострадал, жестоко поплатился за своё “инакомыслие”, а остальным ничего не оставалось, как смириться, “наступить на горло собственной песне”.

Поскольку Сакен постоянно варился в этом идеологическом котле, он не издали, а вочию увидел и почувствовал сердцем как положительные, так и отрицательные стороны противоречивой действительности. Впервые в казахской литературе он высоко поднял революционное знамя и с романтическим порывом “спешно собрался в поход”, осуществив “побег из тюрьмы”. Не расставаясь с неутомимым тулпаром, бросил клич в казахскую степь. Как революционный гимн в темпе марша зазвучали его “Марсельеза казахской молодёжи”, “Товарищи”. Учитывая веление времени, пересел на “чёрного жеребца” — поезд, экспресс. Увлёкся их сверхмощной силой, призвал строить “Социалистан”. А когда почувствовал расхождение слов с делом и “Из окна паровоза” увидел, что многое делается не так, как задумывалось, начал создавать “Таинственный ларец”, “В мягком вагоне”, “Разлучённые лебеди”, “Песня о лашине”, “Кокшетау”, “Красный конь” и другие произведения.

Всё это показывает, что Сейфуллин никогда не был дубинкой в руках власти, всегда проявлял верность идеалам революции, надеясь на их воплощение, сохранив чистоту помыслов. Он ставил выше всего интересы трудового народа и происходящие изменения в обществе соизмерял в соответствии с его желаниями и чаяниями. И на этом пути проявлял настойчивость и упорство.

Пройдя через царские тюрьмы, испытав на себе преследования и гонения, революционер-большевик Какен Сейфуллин рано обрёл зрелость. Время было такое. В 28 лет — председатель Совнаркома Казахской республики, одновременно редактирует газету “Енбекши казах”. Организаторскую работу руководителя правительства активно совмещал с писательской, журналистской деятельностью — писал стихи, рассказы, публицистические статьи на злобу дня. Следует отметить, что он не стремился быть большим начальником — в жизни не гонялся за портфелями, за должностью. Категорически отказывался быть председателем Совнаркома, заявив первому секретарю областного комитета РКП(б) Г. Коростелёву: “Не делайте этого. Я не хозяйственник, а поэт. Моё призвание творчество, писательский труд”. Но не прислушались. Партийный долг превыше всего. Заставили.

В 1925 году, когда Голощёкин приехал в Казахстан и стал руководить республикой, С. Сейфуллин уже не работал председателем Совнаркома. Тем не менее, как свидетельствует писатель Сабит Муканов в своих воспоминаниях, оставаясь одной из влиятельных фигур в среде творческой интеллигенции, никогда не просился на приём, даже уклонялся от личных встреч с Голощёкиным за весь период его пребывания в Казахстане.

Какен искренне писал:

*Какое обвиненье, брат, ещё ты возведёшь?
И ты стыдишь меня, мой друг, твердишь одно и то ж.
Всё, что ни делал я, — ничто мне совесть не чернит,
Моей подругой никогда не становилась ложь!*

Поэтому не нужно приписывать поэту излишнюю лозунговость, он никогда не был горлопаном и крикуном и не всегда говорил только “Да здравствует Советская власть!”. Когда стало ясно, что опыт строительства социализма не совсем стыкуется с революционными идеалами, Какен остро переживал неудачи, его сердце обливалось кровью, он не отмалчивался, своё мнение всегда высказывал прямо и открыто. Действовал по принципу: “Как бы ни хотела задержаться ночь — заря её рассеет; как бы ни пряталась ложь — правда её отыщет”.

Однако правда не всегда сладка. Она, конечно, не всем нравится, особенно большому руководству. Обратимся ещё раз к воспоминаниям С. Муканова. Оказывается, У. Исаев, председатель Совнаркома, проявлял недовольство Какеном Сейфуллиным и Ильясом Джансугуровым, что в период политической кампании — конфискации имущества баев, названной Голощёкиным “Малым Октябрём”, они, видите ли, не проявляли особой активности в поддержке линии партии. Какен ограничился “Чёрной арбой”, а Ильяс “Конфискацией” — жиденькими поэмами, не совсем соответствующими директивным установкам властей.

Какен всегда открыто выступал против перегибов в политике во времена Голощёкина. Зная об этом, партийный вождь стал злобствовать, свирепствовать. Злоупотребляя высоким служебным положением, организовал в печати материалы, компрометирующие поэта, проводил партийную чистку. Начали преследовать, травить, создавать вокруг него отрицательное общественное мнение: якобы организовал группу, т. н. “сейфуллинщину”, в своей левацкой деятельности допускал ошибки, совершил правый уклон, сочинял пессимистические стихи.

В связи с этим рассмотрим некоторые произведения Какена Сейфуллина, в которых, по мнению властей, он тоскует по прошлому, пропагандирует религию, извращает советский образ жизни и пишет труды против коммунистической идеологии, послужившие основанием для его официального преследования сначала по линии общественности, потом уже через НКВД. Впрочем, первая

волна огульных нападок обрушилась на поэта ещё раньше, до Голощёкина, а при нём эта кампания то затухала на время, то вновь набирала обороты.

“Айт”. У казахов, как во всём мусульманском мире, айт всегда был священным днём. Это торжество, национальный праздник, веселье для казахов является как бы превозвышением здорового образа жизни. В сознании казахов день айта ассоциируется с призывом каждого к духовной чистоте, святости общечеловеческих ценностей — взаимного согласия и единства, дружбы и милосердия. Здравомыслия и совестливости, порядочности и доброжелательности. Именно эти постулаты явились лейтмотивом в стихотворении Сакена Сейфуллина “Айт”, написанном ещё на заре XX столетия.

Автор передаёт атмосферу праздника в казахском ауле. Его обитатели, с нетерпением ожидавшие наступления дня айта, не разделяясь на хороших и плохих, молодых и старых, своих и чужих, дружно приготовились принять угощение у разостланной скатерти — праздничного дастархана в каждой юрте. Готовясь к национальным спортивным играм, собравшиеся вместе разодетые джигиты верхом, припустив коней, объезжают соседние аулы. Девушки и молодые женщины, общаясь между собой, шумят, галдят, выравнивая свои ряды, словно возвращающиеся гуси. К ним присоединяются маленькие девчушки, на головных уборах покачиваются при движении красивые султанчики из перьев филина, на косах и шеях мелодично позванивают серебряные подвески.

Как видно, в этом лирическом стихотворении и “не пахнет политикой”, однако власти упорно искали в нём зацепку для обвинения автора. И нашли! Поэтическое описание казахского национального праздника преподнесли как восхваление религии, что несовместимо с марксистско-ленинской идеологией. Религия же — опиум. Яд. Отрава! Тем не менее поэт-коммунист восторженно пишет о старых буржуазных пережитках — обычаях, обрядах, нравственных ценностях. Отклоняется от принципов коммунистической морали.

Таким образом, на III краевой партийной конференции, проходившей в Оренбурге в 1923 году, дореволюционное стихотворение “Айт” было положено в основу (!) официального “разоблачения” Сакена Сейфуллина как националиста. Между тем, как потом выяснилось, по признанию самого автора, указанное произведение о мусульманском празднике Сакен сочинил ещё мальчиком, обучаясь в акмолинском приходском училище, когда “мы о марксизме даже и не могли слышать”.

“Азия”. Сакену Сейфуллину в особенности досталось за “пропаганду националистической идеологии” в балладе “Азия”. Она впервые появилась в июле 1922 года в газете “Енбекши казах” и 7-8 номерах журнала “Кызыл Казахстан”. Затем в сентябре-октябре её перепечатали алма-атинская газета “Тилши” и журнал “Шолпан”, издающийся в Ташкенте.

В начале 1923 года казахский журнал “Темирказык” (г. Москва) опубликовал рецензию на книгу С. Сейфуллина “Асау тулпар” (“Неукротимый скакун”), где вышеупомянутая баллада попала под недоброжелательный критический обстрел. Тогда мало кто обратил на это внимание. Однако последующие серьёзные критические нападки не заставили себя долго ждать.

Будучи председателем Совнаркома, С. Сейфуллин без санкции партийных органов 28 февраля 1923 года провёл не только официальное чествование 50-летнего юбилея главного алашордынца Ахмета Байтурсунова, да ещё написал статью, заявив, что “Ахмет был единственным, кто в эпоху самодержавия поднимал национальное самосознание народа, терпящего гнёт и рабство. Он

заботился об интересах народа и всего себя посвятил служению народу. Ахмет Байтурсунов истинный патриот, искренне любящий свой народ”.

Через две недели в республиканской газете “Енбекши казах” появилась острая полемическая корреспонденция С. Сейфуллина “Исправим ошибку, назовём казах — казахом”. По мнению автора, умышленно искажённое, пренебрежительное название “киргиз”, унаследованное от царского режима и относящееся к совершенно другой, самостоятельной нации, необходимо исправить на исконное имя — “казах” в целях самоиндефикации народа, проживающего на своей древней казахской земле. Следовательно, республику, официально названную “Киргизстаном”, переименовать в “Казахстан” (Казахскую АССР). Не было большим секретом, что большинство консервативно настроенных, говоря современным языком, чиновников недоумевало по поводу поступка человека, только недавно — в декабре 1922 года избранного председателем Совнаркома, а некоторые усматривали в этом происки буржуазного национализма и стараясь одёрнуть Сакена, поставили на место, подливали масла в огонь.

Как раз в этой обстановке 17 марта 1923 года в Оренбурге начала работу III краевая партийная конференция, на которой с докладом выступил представитель ЦК РКП(б) Е. Ярославский. Партийный вожак, прибывший из Москвы, в своей речи обращал внимание присутствующих на то, что в республиках слишком большое значение придаётся национальному вопросу. Далее он отметил: “с целью показать этот уклон, видимо, вы не осудите меня, если познакомлю вас с некоторыми произведениями местных товарищей. Возьмём стихотворение “Азия — Европе”. Здесь классовая борьба осталась в тени национальной борьбы. Конечно, от поэта не потребуешь, как от политика. Но всё же здесь усматривается недопонимание, хладнокровное, безразличное отношение к вопросу классовой идеологии. Это не борьба классов, а борьба нации. С одной стороны, ответственность Европы за совершённые несправедливости, аферы, с другой — “чистенькая Азия”, давшая Моисея и других пророков. Это понимание вопроса не по-марксистски”.

В связи с этим указанное произведение, казалось бы, не имеющее прямого отношения к большой политике, стало предметом конкретного обсуждения на столь важном официальном форуме, как конференция краевой партийной организации.

Баллада “Азия” начинается с обращения Азии к Европе:

*Коварная Европа — страна насилия, эксплуатации и жестокостей,
Много раз я направляла тебя на путь правды,
Много умных голов посылала тебе...
Горе, горе Европе, если она не послушается
Голоса справедливости, голоса Азии.*

Далее поэт описывает отвратительные, омерзительные нравы, как тогда называли, империалистов Европы. Острыми пронзительными взглядами оглядывая всё вокруг, ваши дети как подлые, отвратительные змеи начали шипеть, издавая глухие звуки, ужасный жуткий свист, жалели друг друга, начали стрелять, сражаться меж собой. В общем, славно повеселились — прикончили единомерцев, родных, а потом примирились, как ни в чём не бывало.

В этой довольно пространной балладе “Азия” Ярославскому особенно не понравились следующие строки:

*Я посылала от семитов Моисея, Израиля, Давыда и Исайю,
Я посылала тебе пророков
И, наконец, послала Магомета.*

*Чтобы очистить мир от грязи,
Чтобы смягчить его бездушно-каменное сердце,
Ещё много потомков семитов
Посылала с Карлом Марксом во главе...
Если не будешь слушать этих умоляющих слов,
Гордясь, не считая меня равной тебе,
Словами "учи её силою"
Пошлю монгола своего с раскосыми глазами.*

Беспричинное нападение на "Азию" продолжалось и после Ярославского. Так, А. Лекеров заявил: "Товарищ С. Сейфуллин, противопоставляя Восток Западу, считает, что освободителем вселенной является Восток. Отказывается от партии классовой борьбы, пропагандирует теорию расизма. Из приведённого отрывка чётко усматривается расизм, пантюркизм, национализм".

Ни больше, ни меньше!

Другой видный деятель казахской элиты Н. Тюрякулов подчеркнул: "Революция движется своим чередом, Сакен идёт своим путём. Даже не оглядывается".

"Голодный казах". Сакен Сейфуллин, с огромной радостью воспринявший Октябрьскую революцию, энергично, страстно воспевавший новую эру, в то же время с гневом и возмущением писал о существенных недостатках в строительстве социализма, допущенных в начальный период установления советской власти и причинивших столько горя казахскому народу. Это голод 1921-1922 годов, о котором замалчивалось в художественной литературе и истории не только в период коммунистического правления, но даже сегодня мы обладаем лишь дозированной информацией, о чём мало известно широкой общественности страны.

Переход к новой экономической политике в Казахстане был сопряжён с огромными трудностями. Значительную часть территории республики летом 1921 г. поразила засуха. Ей предшествовал сильный джуг, что привело местами к гибели до 80 процентов скота. Число голодающих составило треть населения, в ноябре 1921 г. было 1 млн. 508 тысяч, а в марте 1922 г. — 2 млн. 303200 человек, только в мае-июне это количество голодающих стало заметно уменьшаться.

Сакен Сейфуллин, будучи членом КазЦИКа и занимаясь организацией сбора и доставки скота, зерна, семян пострадавшим от засухи районам, видел, как заметно пустеют аулы в результате массовой гибели людей от голода и болезней. Печальные и трагические картины побуждают его к написанию стихотворения "Голодный казах", где повествуется о юноше, бредущем по безводной и голодной степи Бетпақдала.

В пожаре солнца, в степи Бетпақдала идёт казах. Изнемогая от жары, едва стоит на ногах. Он молод был, как майский вьюн, беспечен, весёл и юн. Теперь же он немощен, тощ, в безмолвии плетётся дюн. Словно немощный старик: иль призрак, из могилы вставший, иль труп усохший, вовсе сник.

*Он долго шёл и вдруг упал.
Голодный призрак не вставал
И корчился, пытаясь встать.
И долго так он пролежал.*

*Собравшись с силами, поднял
Главу, но сам с трудом стоял.
А Тенгри, к парню безучастный,
Его всё больше истязал.*

Подобным образом в стихотворении “Голодный казах”, написанном ещё в 1922 году, поэт нарисовал истинную картину одного из бедствий советского времени. С. Сейфуллин одним из первых поэтов минувшей эпохи скорбит, ищет причины, приведшие казахов к массовому голоду. Автор в недоумении:

*О, братья добрые, благие,
Где ж вы, казахи дорогие?
Где ж ваши тучные стада?
Иль кто ограбил вас, родные?*

Какен Сейфуллин, описывая трагическую судьбу юноши, “отданного в безжалостные руки коварного врага”, задаёт прямой вопрос: кто виноват?

*В пожаре солнца степь Бетпак.
А в тех губительных песках
Изнемогая от жары,
Один остался наш казах.*

*В слезах остался одинок.
Подумай же, в ответе кто
Пред поколением грядущим
За этот всенародный стон?*

Видимо, понятно, что имел в виду поэт.

“Кызылат” (“Красный конь”). После XIV съезда ВКП(б) повсеместно развернулась беспорядочная “вахханальная” (по выражению Н. Ясного) индустриализация, подчиняющаяся бесконечным импровизациям, погрузившая страну в перманентное состояние всеобщей, как на войне, мобилизации и напряжения, потому что планы, как правило, были невыполнимыми. По основным производствам план первой пятилетки был сорван, хотя по сравнению с 1928 годом результаты были впечатляющие. Тем не менее, Сталин объявил её выполненной за 4 года и 3 месяца.

В этот период одновременно проводилась принудительная, сплошная коллективизация сельского хозяйства. Излюбленным средством наиболее рьяных “коллективизаторов” было огульное зачисление колеблющихся в так называемые подкулачники. В их разряд были отнесены тысячи зажиточных и середняцких хозяйств, что, естественно, вызвало возмущение со стороны сельчан, доходившее повсеместно до вооружённых восстаний.

Вот что об этом пишут учёные-историки М. К. Козыбаев, И. М. Козыбаев.

За период 1929-1933 гг. “тройкой” полномочного представителя Объединённого государственного политического управления по Казахстану (ПП ОГПУ) рассмотрено 9805 дел и принято решение в отношении 22933 лиц, из них к высшей мере наказания — расстрелу были приговорены 3386 человек, заключению в концлагеря на срок от 3 до 10 лет — 13151 человек. За 1933 год органы ОГПУ арестовали свыше 21 тысячи человек. Протоколы “тройки” рассматривались на закрытом заседании Казкрайкома партии и подписывались одним из секретарей: Ф. Голощёкиным или И. Курамысовым, а с 9 марта 1930 г. — представителем Казкрайкома ВКП(б) Г. Рошалем.

Подвергались репрессиям целые семьи и роды.

О широком масштабе репрессий в республике свидетельствует тот факт, что по ходатайству ОГПУ правительством республики 19 мая 1930 г. в Акмолинском и Карагандинском округах для организации новых лагерей было отведено 110000 гектаров земельных массивов в бессрочное и безвозмездное пользование.

Тем самым идея создания строя цивилизованных кооператоров была серьёзно дискредитирована. К февралю 1932 г. в Казахстане 87% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились своего скота.

В 1930-1932 годы разразился небывалый голод.

Только в 1930 году от голода погибло более 313 тыс. человек, в 1931 году смертность достигла 755 тысяч. В 1932 году погибло и ушло в откочёвку более 769 тыс. человек. Прямые потери от голода, эпидемий и других лишений составили по далеко неполным данным 1750 тыс. казахов или 40 процентов жителей аула.

Тотальные репрессии и голод вызвали массовый отток населения с насиженных мест. Только с января 1930 года по июнь 1931 года снялось более 280 тыс. хозяйств — около 1 миллиона 70 тысяч человек.

Такова была общественно-политическая обстановка в республике в конце двадцатых и начале тридцатых годов прошлого столетия. В связи с этим возникает закономерный вопрос: о чём же в этот период писали казахские поэты и прозаики? Ведь главная задача литературы, как отмечалось в партийных документах, «укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение социалистической действительности, вдохновенное и яркое раскрытие нового, передового и страстное обличие всего, что мешает движению общества вперёд». Так ли было на самом деле? Перечислим основные произведения.

В эти годы вышли в свет стихотворения Беимбета Майлина «Даю клятву и рапортовую» (1930), «Выполняй» (1933), «Наша молодёжь» (1933), Ильяса Джансугурова «Шаги Октября» (1931), «Новая жизнь» (1931), «Социалистический Казахстан» (1932), Сабита Муканова «Салем Маю» (1931) и другие, посвящённые, как тогда писали, созидательному труду советских людей в годы первых пятилеток. Значителен вклад в развитие социально-политической агитации поэзии Аскара Токмагамбетова: широко известны его стихотворения «На стыке Турксиба» (1930), «Песнь о соколе» (1934). Видное место в казахской поэзии этого периода занимает Т. Жароков, яркое дарование которого проявилось в книгах «Свет звёзд» (1932), «Нефтьстан» (1933), «Солнце заговорило» (1934), «Ледяной плен» (1934). Тогда же с первыми поэтическими сборниками «Новые ритмы» (1933), «Прорыв» (1934) выступил Абдильда Тажибаев.

В этой тихой, мирной, благодушной обстановке, созданной в писательской среде, вдруг появляется поэма «Красный конь», вызвав переполох, шарахание из стороны в сторону, почти не оставляя никого равнодушным. Сейчас стало известно, что кроме Сакена Сейфуллина тогда ни один казахский писатель, поэт не смог открыто выступить в защиту униженного и оскорблённого народа, терпящего презрение, насилие, издевательство властей в результате проводимой сплошной коллективизации, угрожающей своими пагубными последствиями. Желая быстрее приобщить население к новой форме хозяйствования, ретивые вожди забрали весь скот и обрекли людей на голодную смерть. При всемогуществе репрессивных органов не так-то просто было выступить против этих кощунственных, античеловеческих кампаний. Сакен Сейфуллин первым во весь голос заговорил о плачевном положении народа. С присущей ему страстью он обрушился на виновников обнищания села в эти годы.

Правда, в это же время, если точнее, то чуть раньше, поэт написал сатирический роман «Наша жизнь» («Биздин турмыс»), посвящённый интеллигенции и опубликованный в журнале «Адебиет майданы» («Литературный фронт») с некоторыми перерывами, начиная с 8-го номера 1932 года по 10-й номер 1934 года. Роман не издан отдельной книгой, к тому же указанное сочинение является незаконченным

произведением, видимо, поэтому в истории казахской литературы о нём почти не пишут и, можно сказать, оно осталось до сего времени читателями не замеченным. В нём рассказывается о негативных сторонах быта и служебной деятельности казахской интеллектуальной элиты, особенно писателей и поэтов, не сумевших противостоять трудностям и лишениям 30-х годов и донести свои мысли и чаяния до руководства республики, оставаясь на обочине общественной жизни.

Сердцевина и идейная направленность романа связаны с поэмой “Кызыл ат”, усматривается в нём также присутствие автобиографических деталей. Хотя роман не закончен, не совсем создан полнокровный образ Аяна Айназарова, главного героя, всё же видим, войдя в русло живого осуществлённого труда, что у него начали рассеиваться мрачные мысли, возникшие в результате объективных трудностей, и, надо полагать, финал произведения мог бы оказаться вполне оптимистичным. Нельзя забывать о том, что картина, отображающая реалии той эпохи, а также мысли, высказанные в романе, относятся к самому тяжёлому периоду истории казахского народа.

Вместе с тем в среде казахской общественности, привыкшей к поэзии, появление отрывков сначала в газете “Лениншил жас”, затем полностью в журнале “Адебиет майданы” (№ 4, 1933), поэма “Кызыл ат” произвела эффект внезапно разорвавшейся бомбы. Для критиков, кормящихся за счёт политических спекуляций, её появление стало удобным поводом для организованного шельмования строптивого поэта.

Казахстан к этому времени пережил гражданскую войну, голод, унёсший миллионы человеческих жизней, насильственную коллективизацию, разорение национально-специфического быта и утрату национальной формы бытования, в эти же годы начался карательный поход властей против интеллигенции, зримо проявились итоги массовой эмиграции.

В то же время, как в былые годы молодости, у поэта один друг — верный конь — “всех прекрасней на белом свете — Кызыл ат”. Казахи не зря говорят: “конь — крылья молодца”. В фольклорных сказаниях, былинах рядом с прославленным воином, батыром, акыном всегда находится любимый конь. У Кобланды — Тайбуырыл, Алпамыса — Байшубар, Камбара — Карий конь с белой отметиной на лбу, Исатая — Актабан, Амангельды — Шалкаска, Акана-серё — Кулагер, Сакена — Кызыл ат. И Сакен посвящает ему свои вдохновенные слова, идущие от всего сердца, советуется, обращается к нему:

*Поэму эту завершить я к сроку — очень рад,
Её тебе я посвятил, мой старый друг Кызыл ат.
Твой круп лоснится, словно шёлк, красна, красавец, масть.
Ты посвященья моего вполне достоин, брат!*

Поэма имеет диалогическую форму. Разговор искренний, нелицеприятный ведут... конь и человек! Олицетворением всего живого, загубленного, но не покрившегося предстаёт перед нами Кызыл ат. И конь, символизирующий образ народа, спрашивает:

*Скажи: тому ли учит вас родная власть?
Даст ли право воровать? Даст ли грабить власть?
Поэту в небеса смотреть, про землю забыв?
Лжецам и жуликам она даст ли право красть?*

Таким образом, конь, с одной стороны, сообщает о трагедии народа: печали, сострадании, позоре, унижении и одновременно разоблачает необдуманные, ошибочные поступки — коварство, подлость в действиях властей.

Перед собой мы видим облик Красного коня, который вследствие тягот, невзгод судьбы начал уставать, выбиваться из сил, однако не поддался унынию, не отчаялся от выпавших трудностей.

Неутешная печаль, безграничное горе. Подавленное, встревоженное настроение. Отчего? Почему? Кто разбазарил народное добро? Лирический герой раскрывает эту тайну. Автор критикует лжеактивистов, вредителей, злоумышленников в лице бестолковых чинуш, верхоглядов, шалопаев. Послушаем самого Кызыл ата. В отношении вредителя он сообщает:

*Сам предколхоза жулик был. К тому же и наглец!
При помощи дружков колхоз он разорил вконец.
Народ боялся, как огня, приспешников его,
Народ безмолвный походил, робея, на овец.*

Красный конь возмущается также действиями лжеактивистов:

*Лишь заикнись об их делах, они начнут плести
Интриги, уж они найдут тогда к тебе пути!
И говоря тебе о них, от страха я сказал,
Что это, дескать, не враги, а вроде бы, почти...*

Как поработали члены правления колхоза, изображается следующим образом:

*Нет, невозможно перечесть все грязные дела:
Их шайка наше всё добро по ветру растрясла.
Я без волнения не могу об этом рассказать,
В те дни так много было бед, так много было зла.*

Много вопросов возникает у Кызыл ата по поводу престарелого секретаря райкома партии. В колхозах он бывал, скажи? На поле бросил взгляд? На нас в течение многих лет он даже не глядел. Чиновник. Бюрократ. Неужели до сих пор работает?

*Он до сих пор ещё сидит. И это неспроста.
Он заявление подал, сославшись на лета?
Ну что ж, он, право, доказал, на что способен он:
Теперь ему уже пора всё же уйти с поста.*

Это сочинение, написанное в виде жанра устного народного творчества — айтыса, как песенного состязания акынов в импровизации, является, можно сказать, самой острой социальной сатирой в казахской поэзии. Поэт-патриот подвергает сокрушительной критике действия политически незрелых лжеактивистов, без обиняков сообщает о гибели людей из-за голода в некоторых районах. В поэме “Кызыл ат” Сакен Сейфуллин для прямого информирования о трагических противоречиях жизни, точного изображения возможностей её будущего развития использовал разные художественные формы, условные приёмы.

Страшные последствия коллективизации, которые довели степняков до ужасных бедствий, обычно увязываются с голощёкинским правлением, называются перегибом. Да, по истечении времени, с высоты сегодняшнего дня легко говорить “так было, не так”, просто рассуждать о причинах несчастья, катастрофы. Но в то смутное, туманное время, когда вся огромная страна была мобилизована для работы под лозунгом “Коллективизация — генеральная линия партии!”, кто первым эту опасную политическую проблему поднял в художественной литературе? Конечно же, Сакен Сейфуллин!

Юрий ТОЛОЧКО

“А мир лежал у наших ног...”

Ворон-лебедь

Е. Фурсовой

Целовала. Целовал. Целовались.
 Разрывала узы брачные ревность.
 Обвенчались. Согрешили на древность.
 Спали губы и надрезанный палец.

Я не чёрный обезглавленный ворон.
 Ты не белая бескрылая лебедь.
 Собирайся же на бражный молебен,
 Собирайся, босоногая свора.

Будем в лохмах, где кишачие волки,
 Холить в лохмах полевых лики мака.
 Будет каждому из нас своя маска,
 Своя мера хмеля пагубной воли.

Я невесте подарю своей брашны,
 Подарю ей Вифлеемские свечи,
 Чтобы брашнами величилось вече,
 Чтобы чары свеч хранили одр брачный.

Укрепляя небывалую веру,
 Вытравляя из сердец гнев со спесью,
 Мы объятями споём нашу песню.
 И отдам тебя навеки я ветру.

Юрий ТОЛОЧКО

родился 9 января 1985 года на Украине (Луганская область, город Рубежное), с 1991 года проживает в Республике Казахстан, в 2004 году окончил II ступень Казахской национальной академии музыки по классу “баян”, — получил специальность “артист ансамбля и оркестра”, — в настоящее время обучается на III ступени театрального факультета Казахской национальной академии музыки (режиссура).

Юрий Толочко — лауреат VII международного фестиваля творческой молодежи “Шабыт” (номинация “Лучшее литературное произведение”), автор двух сборников стихов — “Стихотворения” (2000 г.), “Бордель” (2005 г.).

Город

Ложится лунный лоск на водяное око.
По каменным рукам влюблённые бредут.
В полынных волосах, в рябиновом бреду
Всё время тешится садовник одинокий.

На свадьбе бабочек горит фонарный локоть.
Несёт прохожий люд то счастье, то беду.
Новорождённую дыханье зрит звезду
И пеленает лик её в прохладный локон.

Но утром воцарит автомобильный глас.
Из тьмы воспрянет глаз, что временно погас.
И груди обнажат дневному свету горы.

Рабочие начнут творить свой скорбный труд.
И, вместо неги грёз, одеждами на город
Роскошные дворцы и нищета падут.

Африканская девочка

Африканская девочка умирает,
Умирает в кулаке пустыни.
И песенку родного края
Поёт ей туземец синий.

Африканская девочка просит сказку,
Просит кувшин, в котором — счастье.
И дарит ей солнце горячую ласку
И ожерелье из поцелуев страстных.

Африканская девочка хочет видеть
Родную маму и родного брата,
Который в детстве стал инвалидом,
Выпав из рук негритянки горбатой.

Африканская девочка кусает свой пальчик.
И в гости являются к ней миражи.
Африканская девочка явственно плачет.
Африканская девочка хочет жить.

Африканская девочка, от солнца слепая,
Уже не плачет, а тихо смеётся.
Африканская девочка засыпает.
Африканская девочка не проснётся.

Не гаси своей лампы, мне светло с тобой.
Вижу в небе молитвы, зову тебя.
Я хочу подарить тебе меч золотой
И серебряный щит воителя.

Я хочу на закате омывать вином
Наше ложе из лилий, из горечи,
Целовать твоё сердце — всю женственность в нём —
И горячие трогать голени.

Расплети свои косы из тигриных стрел
И роняй их на плечи гвоздиками,
Потому что не зря на тебя я смотрел —
Разорвут тебя губы дикие.

Видишь белую арфу, ты на ней играй
И шафрановой песней лови меня.
Я хочу на руках унести тебя в рай
И в раю прошептать “любимая”.

Подарю тебе бусы из ночных цветов,
Заколдую запястья черешнями.
И в долину безвременья — птицами снов —
Улетят наши жизни грешные.

Млеет пламя в ладонях, что нежнее льна,
И светлее нет в мире красавицы.
Нас сусалит в алмазном хитоне луна.
Ныне ангелы наши славятся.

Ты не плачь на рассвете, когда я уйду,
Не томи голубыми светилами.
Когда новая ночь нарисует звезду,
Я приду к тебе снова, милая.

Корова

Под крышей старого сарая, Где сети стелет паутина, Стояла в стойле — вся сырая И в мухах — дряхлая скотина.	Смотрела в мусорные стены Из камня, глины и доски. Жевала бежевое сено. Порой мычала от тоски.
--	---

Ругался рой автомобилей На свёртках каменных дорог. И мы на улицах тревог Друг друга взорами любили, А мир лежал у наших ног.	Мы зрили лунные часы, Считали звёздные пунктиры, А город тихо засыпал.
Заглись вечерние квартиры. И в небе замерли Весы.	И я, приняв от ночи Лиру, В тени прохладных покрывал Твои ладони целовал.

Птица

Е. Фурсовой

Я птица. Мне грустно. Я в клетке.
Немецкие губы сжаты.
И кольца огня — на скелете.
На коже — куражная жатва.

Ты птица. Ты в клетке. Ты дышишь.
Еврейские губы покорны.
И в клумбу бамбуковой вишни
Врастает женьшеневый корень.

Мы птицы. Мы в клетке из пальцев,
Из рук, из объятий резких.
На ложе терновом — ветвь пальмы.
Немецкое слито с еврейским.

Он птица. Он Бог. Он не в клетке.
Он слышит. Он видит. Он знает.
Мы спим, как больные креветки.
Он тоже лежит рядом с нами.
Он птица. Он Бог. Он всё знает.

Когда у ног моих созреет злак,
Когда змеиные задремлют звери
На лепестках купав, и вещей знак —
Протяжным зовом — пропоют свирели,

Я вырву сердце из своей груди.
И на костре сожгут лохмотья плоти
Жрецы. И эльфы, сердце наградив
Крылами, пируэт его в полёте

Увидят. Там — где с неба на заре
Колосья хлеба падают и манна,
Где делят дети в чуде Назарет,
Чтоб удалиться в сон обетованный —

Там сердце бирюзовою водой
Русалки охладят в святых купальнях.
И дети в чуде удалятся в сон сей.
И над землёй — ещё не грешной, молодой —
Родится молодое солнце.

Если птица не взмахнёт крылом,
Небо станет пустынным.
Если ты не прольёшь поцелуй
Из кувшина своих губ
На цветы моих глаз,
Мир разрушится.

Кругом одни зеркала.
В них много тебя и меня:
Толстых, длинных, скрюченных —
Разных.
Если кинуть в них камень —
Мы исчезнем.

Посмотри:
Зеркала, зеркала, зеркала —

Если ты не прольёшь поцелуй,
Мир разрушится.

Илья ШУХОВ

Послесловие к юбилею

(Окончание. Начало в № 8 за 2007 г.)

Вечер был ещё не поздний. Как бы его скоротать? Позвонил Володе Шестерикову — надеялся, что завтра поедем вместе. Но друг меня огорчил: много дел в редакции, да и самочувствие не ахти, а путь неблизкий. Договорились, что я постараюсь заглянуть в редакцию перед отъездом.

Да, время... С Володей мы ровесники. Возраст, конечно, не совсем уж закатный, но всё же. А ведь когда-то и поздние часы не были для нас помехой. Собирались — или в гостинице, или дома — толковали о чём придётся, спорили, читали стихи. И про рюмочку тоже не забывали...

Тьма за окнами сгустилась, зажглись фонари. Задёрнул шторы и лёг. Казалось бы, устал ведь за день и ничего тебе не мешает — спи себе, а утром тебя разбудят. Нет, сон никак не приходил, и, промаявшись часа полтора, я устроился в кресле у журнального столика. Полистал брошюры, что дали в библиотеке. Заметил — такой уж я пристрастный читатель, — что в перечне отцовских произведений нет романа “Действующая армия”. Мелочь? Да как сказать: роман ведь не рассказ и не очерк. И что спрашивать с кого-то, раз уж сами работники “храма книги”...

Кстати, дошёл до меня слух: заседал оргкомитет по подготовке к юбилею. Вызвали библиотекарей и спросили, какие книги написал Шухов. А те вспоминали- вспоминали, да смогли назвать лишь “Пресновские страницы”. Всё равно что из книг Михаила Шолохова знать только “Донские рассказы”! Потому, верно, и сидели на сегодняшнем “мероприятии” с такими лицами, словно отбывали тяжкую трудовую повинность.

Просмотрел кое-какие свои записи и собрался было прилечь, как заметил на одной из тумбочек забытую кем-то газету. Это оказался недавний — за четырнадцатое июля — номер “Северного Казахстана”. Раскрыл и увидел фото отца, а над ним заголовок “Искусство рисовать словом”. Под статьёй — незнакомая подпись: Татьяна Расули. В зачине статьи, набранном крупным шрифтом, прочёл строки, которые и обрадовали, и разбредили душу. “Однажды на Петропавловском автовокзале довелось наблюдать такую картину. К посадочной площадке подошёл междугородный автобус. Одна из ожидающих пассажирок спрашивает другую: “Это не наш автобус?” — “Нет, — отвечает та, прочитав надпись на лобовом стекле. — Этот автобус в Шуховское». Услышав такой разговор, подумала: “Оказывается, у нас в области есть село, названное в честь И. П. Шухова”.

Как это замечательно! Писатель заслужил, по моему мнению, такое право, чтобы его именем был назван населённый пункт, а быть может, район... Однако потом, проходя мимо того самого автобуса, я тоже обратила внимание на маршрутную табличку, и там было написано: “Шаховское”.

Долго потом ещё не мог я успокоиться и забылся сном далеко за полночь...

В девять ноль-ноль — деликатный стук в дверь: пунктуальный Валерий Николаевич.

Завтракать отправились не вниз, а в ресторан гостиницы “Кзыл-жар” — той самой, у которой высадил меня добродушный любитель поезда по грибы и ягоды.

В банкетном зале, за длинным столом, накрытым белой скатертью, восседала небольшая компания. Некоторые оказались мне знакомы, других увидел впервые. Конечно, первым делом обнялись с Володией Гундаревым. Он лишь накануне вечером приехал из Астаны автобусом — на поезд билетов не было. Поздоровались с его спутником, поэтом Кайратом Жумагалиевым, с алматинцами Сатимжаном Санбаевым, Любой Шашковой.

Познакомились с двумя участниками утренней трапезы и прониклись взаимной симпатией. Один из них, назвавшийся Ериком Есимовичем, замом акима по экономике, стал оживлённо рассказывать мне, что мой отец в конце сороковых приезжал в колхоз “Оргалык”, о котором собирал материал для очерка, и гостил у них дома. “Правда, меня тогда ещё не было на свете, — улыбнулся Ерик. — Но об этом я с детства слышал от своих родителей. И у меня есть книга Ивана Петровича “Облик дня” с очерком о нашем ауле».

Я сказал, что этот очерк напечатан в отцовском собрании сочинений, чему Ерик, показалось, искренне обрадовался.

Другой незнакомец, подсевший ко мне, представился, пожимая руку: Жоламан Кайменович Турсунбаев, композитор, заслуженный деятель искусств Казахстана. И поведал, что в шестидесятых годах он учился в Петропавловском педагогическом училище, и там английский язык им преподавала моя сестра.

— Передайте Наталье Ивановне большой привет. Скажите — Жоламан всегда с благодарностью вспоминает о ней. Живу я в Астане. Жаль, нет визитки.

И он на листке записал свои координаты.

Трапеза была по-деловому непродолжительной: подходило время выезжать в Пресновку. Я предложил Гундареву поехать вместе: может, в пути удастся поговорить. Последний раз мы виделись бог знает когда, а переговаривались только по межгороду — в связи с моей публикацией в “Ниве”.

Начало в Пресновке намечалось на три часа. Но мне хотелось не мчаться стрелой, как в девяносто шестом, когда придорожные берёзовые колки проносились мимо сплошной пёстро-зелёной стеной и мелькали ближние и дальние озёра, а может, где-нибудь остановиться, послушать шорох камышей, вдохнуть вольного, настоящего на травах степного ветра. Так что лучше отправляться пораньше.

Утро ясное, свежее — погода словно по заказу. И вот, переехав ажурный мост через Ишим, врываемся на нужную нам загородную трассу.

Сколько раз с давних, послевоенных времён доводилось мне — в детстве с отцом, позднее одному — ездить по этой дороге, некогда ухабистой, грейдерной, мгновенно раскисавшей даже в небольшое ненастье, а теперь покрытой асфальтом, ровной, поблескивающей на солнце лентой, протянувшейся от Петропавловска через степи, вдоль линии тех самых “жемчужных озёр и светлых берёзовых перелесков”, о которых так поэтично писал отец, до Пресновки и дальше, в сторону совсем уже близкой российской границы.

Акиматовская иномарка, ведомая немногословным, улыбчивым водителем Сабьром, бойко набирает ход, и мелькают дорожные указатели со знакомыми, греющими душу названиями станиц и деревенок. И — тянутся,

тянутся по обе стороны зелёной прерывистой стеной знаменитые белоствольные, “продувные” — по удивительному выражению отца — берёзовые колки. В таких вот колках бродил я мальчишкой с сельскими своими дружками, собирая грибы, дикую вишню и костянку.

Каковы-то эти колки сейчас? И я прошу Валерия Николаевича где-нибудь остановиться. “Хорошо, как раз скоро — зона отдыха”, — слышится в ответ. “И здесь зона?” — мелькает в голове. И действительно, у кромки придорожного леса виднеется беседка с притоптанной вокруг травой. “Зона отдыха” — значит на притбитой к беседке фанерной табличке.

Останавливаемся. Сабыр с моим опекуном идут к беседке, а мы с Володей отправляемся по тропинке в глубь пролеска. Но тут Копытин, спохватившись, окликает нас: “Пожалуйста, будьте осторожны — в лесу есть клещи, их укусы очень опасны”.

Когда-то, в один из первых приездов в Пресновку, мне, совсем ещё малому, однажды клещ впился чуть ниже затылка. Я нащупал его, ощутив какое-то жжение, и домашним с большим трудом удалось его извлечь. Потом очень долго на месте укуса белело незарастающее пятнышко. Но этим тогда всё и обошлось.

После копытинского уведомления прогуляться расхотелось, и я вернулся к машине. А Володя всё же скрылся в березняке, и нам пришлось громко звать его. Наконец он выбрался из чащи, протянул мне веточку с красными бусинками перезревшей костянки и грустновато пошутил: “Это тебе вместо гонорара. Искал-искал — едва нашёл». Какому же редактору станет весело, когда хотелось бы развернуться, да не позволяют цепкие финансовые тиски...

И мы снова помчались вперёд. Вон слева, поодаль от дороги, заблестело продолговатое озеро с выстроившимися вдоль него избами Новорыбинки — “ревнивой соседки Пресновки”, как называл её отец в своих мемуарных повестях. А спустя ещё несколько минут оказываемся у большого придорожного щита. Крупным красным шрифтом на нём выведено: “Пресновка” и цифра “1752” — год основания древней казачьей станицы. Здесь же изображена и карта Жамбылского района.

Щит, помнится, стоял на этом же самом месте и в мой давний последний приезд, но район именовался тогда Пресновским, а новое название получил всего несколько лет назад, в бытность очередного, недолго правившего областного акима. Вскоре после переименования он получил новое назначение, и с него теперь, как говорится, и взятки гладки. А ведь местные жители — “население”, как обычно говорят чиновники, были против, писали коллективные обращения — и в область, и повыше. Писать-писали, да толку-то что!

Но Пресновка, слава богу, остаётся Пресновкой. И по-прежнему шумят тут старые клёны и тополя у дома на озёрном берегу, где когда-то так хорошо, так вольно жилось и работалось отцу.

К Дому-музею едем по свежеасфальтированным улицам. Дороги обрамлены, как в городе, бетонными бордюрами. Когда раньше видано было в селе такое? Но недаром ведь вот — столетие!

Выйдя из машины на загруженном людьми и транспортом перекрёстке возле музейной усадьбы, я слегка растерялся, попав под перекрёстный огонь телевизионных и фотокамер, и не успевал отвечать на раздававшиеся со всех сторон вопросы репортёров. Валерий Николаевич не без труда вырвал меня из окружения и подвёл к главе области, стоявшему у

накрытого покрывалом монумента. Предстоял самый — для меня, думаю, особенно — волнующий момент. Вместе с Таиром Мансуровым мы должны были открыть гранитный бюст, установленный на высоком, тоже из гранита, постаменте.

Мы разом сдёрнули занавес, раздались аплодисменты, и подножие памятника люди устлали букетами цветов. До меня донеслись одобрительные голоса из толпы: “Похож, похож!”.

Мансуров взял микрофон и начал речь на госязыке, а затем произнёс тот же текст по-русски. Здесь, на жамбылской земле, сказал он, родились, жили и творили выдающиеся казахстанские писатели Габит Мусрепов, Сабит Муканов и Иван Шухов. Напомнил об их дружбе и творческом сотрудничестве и призвал хранить дружбу и согласие как основу стабильности и процветания независимого Казахстана. “И вот по нашей инициативе в честь столетия Ивана Петровича Шухова мы сегодня открыли этот памятник. А в Москве — также по нашей инициативе — вышла книга воспоминаний современников и земляков о его жизни и творчестве”, — и аким под аплодисменты продемонстрировал её, подняв высоко над головой.

Мне предстояло выступить следом, и слушал я в каком-то нервном напряжении. “Всё хорошо, но почему же — на жамбылской земле? Жамбылской она стала совсем недавно, в девяносто седьмом — год спустя после отцовского девяностолетия. А искони, два с половиной века, земля эта была пресновской. И, не будь её, возможно, не появились бы, между прочим, и уникальные, лирические “Пресновские страницы”...”

Аким передал мне микрофон, и репортёрская братия навела на меня объективы телекамер, ослепила фотовспышками. Давно не приходилось мне говорить при таком многолюдье. Да и оратор-то из меня... Просил ведь Мансуров продумать выступление, да и про регламент намекал не забывать. Я не продумывал — пошёл на поводу эмоций. Ещё бы! Бюст отца должны были установить здесь ещё много лет назад — обязывал к тому пункт правительственного постановления об увековечении его памяти. Но — вместо бюста додумались соорудить тут перед домом постамент с гипсовым вазоном. Что должно было символизировать сие нелепое творение, никто не брался внятно объяснить. А тут, как в сказке, — за два месяца! И главное — памятник удачный!

Стал было говорить — вот, мол, ощущение такое, будто — через столько лет! — хозяин вернулся в свой дом, на родную землю. И от этих, не придуманных заранее, само собой только что пришедших слов, горьким комом перехватило горло...

Сказал и про автора бюста, тоже приехавшего на торжество. Мансуров жестом пригласил Казбека на подиум, а я — может, это показалось несколько картинным — обнял его, как брата. Потом я излишне подробно — догадываюсь, что подумал обо мне аким! — рассказывал про коллегу Казбека — скульптора-гранильщика Жаната и про водителя Галыма, который целым и невредимым, без единой царапины доставил памятник через весь Казахстан на своём большегрузном “КамаЗе”...

И в конце своего спича я допустил-таки оплошку: выражая благодарность акиму Мансурову, неверно произнёс его отчество. Вот уж истинно, как говаривал один отцовский персонаж: вёл-вёл, да и брякнул! И этот мой огрех увековечился непрерывной видеосъёмкой. Сам я обнаружил досадную оговорку после, когда, подгоняемые жёстким регламентом, хозяева и гости — кстати, на ходу я познакомился с Саматом Ескендириным,

молодым районным акимом, — переместились на новую, просторную, выложенную светлой брусчаткой станичную площадь, до отказа заполненную народом.

Через эту площадь мы с Мансуровым и его миловидной супругой прошествовали к высокой крытой сцене, перед которой стояли длинные ряды стульев, и заняли места в центре первого ряда. Справа моим соседом был Володя Гундарев.

И — началось большое литературно-художественное действо, перемежаемое выступлениями хозяев и гостей.

Ведущий — крупный, зычноголосый мужчина в строгом костюме — торжественно, выдерживая паузы, объявил:

— Аким Северо-Казахстанской области Таир Аймухаметович Мансуров!

Глава области, задавая тон, снова сделал акцент на необходимости крепить дружбу и межнациональное согласие, на что направлена государственная политика президента Нурсултана Абишевича Назарбаева. Сказал аким о щедрой на таланты североказахстанской земле, о дружбе Ивана Шухова с Габитом Мусреповым и Сабитом Мукановым. О том, что “Пресновские страницы” наконец переведут и выпустят на казахском языке. И в заключение объявил, что здесь, в Пресновке, в день рождения Ивана Петровича, будут ежегодно проводиться Шуховские чтения.

После акима слово предоставили мне, назвав меня — “писатель, поэт, публицист”. Нет бы сказать просто — сын.

Сказал какие-то банальности — про солнце, которое будто радуется вместе с нами (хотя, предзакатное, оно светило так, что зрителям трудно было разглядеть тех, кто выступал на сцене). О ветре, освежающем душу, ещё что-то в таком же роде, поблагодарил всех собравшихся.

Были потом выступления Владимира Гундарева, одного местного аксакала: “Мы, братья-казахи, всегда будем помнить и чтить великих сынов нашей земли — Габита Мусрепова, Сабита Муканова и Ивана Петровича Шухова».

Приехали и российские гости. Заместитель председателя Курганской областной думы Лариса Артемьева зачитала приветствие губернатора соседней Курганской области Олега Богомолова. Меня тронули слова об отце, как замечательном русском писателе, творчество которого принадлежит и Казахстану, и России.

Речи ораторов перемежались концертными номерами. Местные артисты разыграли сценку из “Пресновских страниц” — встречу в ауле маленького Вани и его станичных друзей Пашки и Троньки со своими сверстниками Сабитом и Габитом, встречу, которая едва не закончилась потасовкой.

Удивительно: эту же сценку выбрали однажды для инсценировки ученики алматинской школы, той самой, которая несколько лет носила имя Ивана Шухова, а потом имя это под шумок с вывески бесследно исчезло. Я передал в своё время в дар школьной библиотеке отцовский пятитомник, книгу воспоминаний, монографию о его творчестве. И по старой памяти ученики пригласили меня на шуховский вечер. Жаль, что наши дружеские связи ни с того ни с сего оборвались...

Вспомнилось попутно. А сценка встречи с аульными ребятишками — будущими знаменитыми писателями — зрителям очень понравилась и тогда, и теперь, в Пресновке.

В завершение полуторачасовой композиции зычногосый ведущий — а декламацию его чуть не до громовой мощности усиливали динамики — стал с пафосом читать начальные строки отцовского “Колокола”.

“О, как ярко — словно это было вчера — вижу я и поныне тот бесконечно на самом деле теперь от меня уже далёкий знойный августовский полдень в станице Пресновской. Как и сейчас, слышу забубённый гул перекатного, пропитанного полынкой горечью горячего ветра”.

Это — подлинный отцовский текст, хотя он, конечно, вовсе не рассчитан на громкогласное, трибунное чтение. А следом декламатор выкрикнул: “Земля моя! Возьми моё слово!”. И ещё пару таких же трескучих фраз, которых у отца не найти. Правда, вряд ли кто-нибудь, кроме меня, заметил эту отсебятину. Гром победы раздавайся — на то он и праздник!

Грянули из динамиков бравурные звуки государственного гимна. Все встали, многие, во главе с акимом, замерли, приложив ладонь к сердцу.

И какой же праздник без тоя! После официальной части приглашённые направились с площади к новому торговому центру с рестораном. Расстояние небольшое, шли пешком, сопровождаемые местным акимом. Он показал огромный, явно не сельских масштабов, каркас здания в центре столь же огромного пространства, обнесённого металлическим забором, и пояснил, что здесь будет школа-интернат на тысячу мест и обучение будет вестись на государственном языке.

На асфальтированной площадке возле двухэтажного корпуса с надписью по всему фронтоу: “Салтанат” состоялась небольшая церемония. Таир Мансуров сказал, что открытие объекта приурочено к юбилею, разрезал голубую ленточку перед входом и кусочек её вручил мне на память. И, проследовав по проходу между богато сервированными столами, мы заняли места для самых почётных гостей на невысоком подиуме, откуда хорошо был виден весь зал. В правом от входа углу расположились музыканты — скрипка, гитара, виолончель, — их негромкие, вопреки обыкновению, мелодии не раздражали слух.

Почти все столы — а их было несколько десятков — оказались заняты. Чести сидеть рядом с акимом и его супругой удостоились ещё областной прокурор, Владимир Гундарев и обаятельная Лариса Артемьева. За ближайшими к нам столиками я узнал её земляка — писателя Виктора Потанина. Впервые я увидел его во время представления на площади, когда Гундарев со сцены сказал о нём как о великолепном русском прозаике и предложил поприветствовать гостя. По другую сторону сидела компания казахстанцев: Кашина, Сатимжан Санбаев, Любовь Шашкова, бывший алматинец, ныне житель Астаны поэт Кайрат Жумагалиев...

Вёл застолье Таир Мансуров. Провозгласил тост в честь юбилея, а потом представлял слово гостям. Спичи произнесли жизнерадостная Лариса Артемьева, Кайрат Жумагалиев — даже в стихах. Негромко говорил что-то — я не разобрал — как всегда малоулыбчивый Сатимжан Санбаев...

Постепенно, как водится, публика разогрелась, и в зале стало шумновато. Акиму даже пришлось время от времени позвякивать ложкой о бокал.

Когда поднялся для тоста Потанин, я напряг слух, но, к сожалению, почти ничего не уловил. Зато, когда выходили из зала, Виктор Фёдорович подошёл ко мне и подарил книги — свой сборник “Золотой ковчег” и, как он сказал, его друга Виктора Лихоносова. В “Золотом ковчеге” я увидел лаконичную дарственную надпись: “Дорогому Илье Ивановичу Шухову —

с волнением! Виктор Потанин. Август 2006 г.". Жаль, что и встреча наша оказалась мимолётной: курганским гостям этим же вечером нужно было возвращаться домой.

Начинало смеркаться, и, не дожидаясь фейерверка, мы тоже покинули Пресновку. Володе завтра нужно было уезжать в Астану, ждали неотложные редакторские дела. Он рассказал кое-что о своей "Ниве": сам вычитывает все материалы и за всё время не знает ни выходных, ни отпусков. И тут уж не до собственного творчества. Зато и журнал при скромненьком — тысяча экземпляров — тираже заметили даже в дальнем зарубежье. В 2004 году, по приглашению организации "Дирекция деловых инициатив" летал — на спонсорские средства — в Лондон: получал международный приз — "Платиновую звезду качества". И на днях снова пришло приглашение — в сентябре, на этот раз в Париже, должны вручить самую высокую награду — "Бриллиантовую звезду". "Не знаю, — удастся ли поехать, — грустновато добавил Володя. — Всё упирается в финансы. Надежда опять — только на доброхотов».

Вот тебе и международное признание!

Распрощались — сначала с Володей, а после с Казбеком возле гостиниц, где они остановились. Как всегда, Валерий Николаевич сопровождал прямо до места. В номере мы на минутку присели — обговорить ближайшие планы. День завтра воскресный, а улетаю послезавтра, седьмого. И тут мне пришла идея — снова съездить в Пресновку, только без всякого сопровождения. Ведь нынче, в суматошной круговерти, не было никакой возможности сосредоточиться. Как тогда, в девяносто шестом, зажатый в тесных комнатах отцовского дома, не смог ничего рассмотреть, обмолвиться с кем-нибудь словом. Вот завтра и восполню: постою в тишине у памятника, зайду в музей, похожу по саду, поищу следы старых аллей. Спущусь к озеру, без которого в далёком-далёком детстве мы с моими станичными друзьями Генкой и Вовкой не могли, кажется, прожить и дня...

Валерий Николаевич задумку одобрил, но на просьбу никого в Пресновке не извещать внятно не ответил. Пожелал спокойной ночи и сказал, что Сабыр подъедет к гостинице в десять.

После всех сегодняшних децибел — фанфар, гимнов, приветствий, речей и тостов — гостиничная тишина просто оглушила. В голове — сумбур: быстро уснуть опять вряд ли удастся.

Снова устроился в кресле, стал мысленно прокручивать увиденное и услышанное за несколько предельно спрессованных часов в Пресновке.

Вспомнилось выступление Володи Гундарева: как он проснулся сегодня утром, перед выездом на шуховскую родину, и в ушах у него зазвучала песня "Позарастали стёжки-дорожки", слова которой написал Иван Петрович. Необыкновенной истории этой песни мне довелось коснуться в "Годах без отца...". О ней рассказывает в фильме "Сын степного простора" учёный-музыковед, преподаватель Павлодарского университета Наум Григорьевич Шафер. Жаль, что ему не удалось приехать на столетие! Годом раньше, загоревшись идеей разыскать следы песни из "Вражьих троп" — фильма по роману "Ненависть", Наум Григорьевич ездил в Москву, обращался с запросом в архив Госфильмофонда. Но — безуспешно. Долгие годы лента хранится в искорёженном виде: несколько её частей были изъяты и бесследно исчезли. Однако Шафер не оставляет надежды дойти до истины. Собирается снова поехать в Москву: может быть, удастся разыскать кого-то из наследников автора музыки к "Вражьим тропам" — композитора Дмитрия Покрасса.

У Наума Григорьевича прекрасный литературный дар. Недавно, приехав по делам на один день, он позвонил мне и сказал, что хотел бы подарить свою публикацию о Шолохове. Мы встретились у меня впервые — до этого связывались только по телефону, — часа три увлечённо проговорили и прямо от меня гость отправился на вокзал.

На моём столе осталась ксерокопия страниц журнала “Нива” за две тысячи пятый год. Здесь, в шестом номере, под рубрикой “100-летию М. А. Шолохова” напечатаны воспоминания Шафера под неожиданным заголовком: “Если мудрый подаст тебе яду...” — о том, как осенью 1954 года автор “Тихого Дона” приезжал в Алма-Ату на съезд писателей Казахстана. Этот великолепный мемуарный очерк-эссе я, не отрываясь, прочёл в один присест, и он так захватил меня, что после не хотелось читать ничего другого. Представляю, как захватывающе, увлекательно смог бы описать Наум Григорьевич и загадочную, по сути трагичную историю поиска следов чудесной песни, которая давно уже считается народной. Дай-то бог ему успехов!

Даря мне ксерокопию, Наум Григорьевич сокрушённо, как бы прося извинения, объяснил, что не сумел раздобыть журнального экземпляра: не нашлось лишнего даже в самой редакции. Но он снял ксерокопию с обложки “Нивы” и на обороте написал: “Дорогой Илья Иванович! Если Шухов — это казахстанский Шолохов, то Шолохов — это безусловно российский Шухов. С глубоким уважением преподношу Вам свой мемуарный очерк».

... Вспомнились и слова Мансурова о Шуховских чтениях. Для непосвящённых это, конечно, открытие, хотя, по сути, речь идёт не об учреждении чего-то нового, а о возрождении того, что было раньше. Ведь музею в Пресновке уже двадцать лет, и Шуховские чтения проводились там каждый год. Другое дело, что постепенно они превратились в малозаметное, дежурное “мероприятие” с участием узкого кружка местных “служителей муз”, а потом и вовсе заглохла. Не получилось бы так и теперь...

Или вот — о переводе “Пресновских страниц”. Идея здравая, тем более что одна из повестей — “Отмерцавшие марева” — ещё в советское время была переведена на украинский язык и вышла в свет в киевском издательстве “Днипро”. Пора и казахскому читателю ознакомиться с повестями на родном языке. Но — спешка в таком деле, как художественный перевод, недопустима. Известно: чем талантливее произведение, чем своеобразней язык и творческий почерк писателя, тем труднее донести это до иноязычного читателя. А своеобразие шуховской художественной манеры общепризнанно.

Вот — как равноценно, без утраты языкового колорита перевести такой, скажем, фрагмент из “Травы в чистом поле” — разговор маленького Вани и георгиевского кавалера дяди Егора, вспоминающего о былых боевых походах?

— Страшно было?! — спрашивал я упавшим голосом.

— Страшновато теперь — вспоминать... А в тот час — не до страху! Я, к примеру, летел за Скобелевым — как на крыльях. Ни коня, ни седла, ни стрёмён под ногами — ничего не чуял... И вот когда чёрное небо — среди белого божьего дня — мне показалось с овчинку!..

— А текинцы?

— Дрались, как звери! И наездники — любо поглядеть. Хоть и без сёдел — жейдаком. Босиками...

— И как только ты это, кум, уцелел после такой страсти?! — восклицала в таких случаях с непритворным, по-детски наивным изумлением мама.

— Бог пронёс, стало быть. А то што — как жа?!”.

Или — такой эпизод из той же повести.

“Не успел я ещё толком обыгаться от разморившей меня в лодке дремоты, как тотчас же получил первое трудовое поручение от старшего из братьев — Ивана.

— А ну-ка, Ивашка — серы ушки, марш в колодец за свежей водичкой — пора и чай греть! — подал полушутливую команду Иван, протягивая мне жестяной бакырок.

Приняв бакырок, я с радостной готовностью ринулся сломя голову врпирпрыжку к знакомому мне по прошлогоднему лету колодцу...

Примостившись на предпоследней земляной приступке, я отсиживался в знойную пору в этом колодце, наслаждаясь прохладой и вкрадчивым ароматом его удивительных, пахнущих снегом пышных и влажных цветов.

Но особенно завораживало меня в такие минуты полудрёмное, робкое лепетанье подспудного, бьющего из тёмных земных глубин родничка, то напоминавшее мне вечернюю перепелиную перекличку, то отдалённый рассеянный сумный шелест шлейных бубенчиков пролётной ямщицкой тройки...”.

Нет, такое с налёта едва ли переведёшь без потерь. Тут нужен поистине тонкий мастер, искуснейший стилист. Говоря фигурально — казахский Юрий Казаков...

... Утром звонит Копытин:

— Илья Иванович, тут вот Казбек тоже хочет поехать в Пресновку, у него там какие-то дела. Не возражаете взять его с собой?

Я, естественно, не возражал.

— Ну, счастливого вам пути!

Снова — та же серая лента дороги и пёстрая стена придорожных колков, в просветах — пятна озёр и неоглядный — во все стороны горизонта простор с кочующими в вышине причудливыми, ослепительно белыми или отороченными тёмно-лиловой каймой облаками.

В середине пути встретили колонну из нескольких грузовиков. В кузовах, огороженных высокими барьерами, попарно стояли кони с развевающимися на ветру гривами.

— С байги везут, — сказал наш водитель Сабыр.

А за ними шли несколько машин, нагруженных, как нетрудно было догадаться, разобранными частями той самой просторной сцены, где вчера проходило главное праздничное действо. Окончен бал — погасли свечи...

В Пресновку въехали ровно в полдень. На улицах было совершенно пустынно. Хорошо, видать, погуляло вчера “население”, да и день нынче воскресный. Всего-то и заметили одного мужичка, который поднял было руку, но тут же раздумал и побрёл, пошатываясь, в другую сторону.

С Казбеком мы расстались возле акимата. Условились встретиться здесь же через три часа, и я по безлюдной улице пошагал к отцовской усадьбе. Здесь тоже было пустынно. В грустной тишине постоял у памятника, над которым склоняются кленовые ветви.

Я взял с собой фотоаппарат и сделал несколько снимков. Тут на крыльце появился охранник — молодой бравый парень в фуражке с кокардой на высоко вздёрнутой тулье. Объяснил ему, кто я такой: хочу осмотреть музей — вчера было некогда. Да и с директором Ниной Васильевной надо бы поговорить — среди вчерашней суматохи мы даже не увиделись.

— Минутку, сейчас доложу.

Охранник позвонил начальнице домой, сообщил о моём визите и некоторое время слушал молча. Потом сказал: Нина Васильевна нездорова и подойти не сможет.

В этот момент появились три женщины. Они искренне обрадовались неожиданной встрече и довольно бурно приветствовали меня. Все они были здесь вчера, хотели поговорить, сфотографироваться на память и жалели, узнав, что я уехал в Петропавловск. И вдруг — такой сюрприз! Две моих восторженных собеседницы, назвавшиеся Натальей и Татьяной, оказались коренными пресновчанками, а третья, Марина, тоже родилась в Пресновке, но уже несколько лет как переехала в Германию. Она передала мне привет от Лены Штиер, бывшего директора отцовского Дома-музея, которая тоже теперь живёт в Германии. Марина сказала, что приехала на родину специально на юбилей Ивана Петровича. Когда вернётся, расскажет всем бывшим пресновчанам — а их там несколько семей — о том, как прошёл праздник. И мы тут же сфотографировались. А Наталья поведала, что у неё летом гостили брат с женой, которые живут аж в Австралии. Были они тут в музее, оставили запись в книге. «Так что про музей Шухова знают теперь, почитай, по всему миру».

Всё это замечательно. Но — неужели и сегодня не суждено мне встретиться с Ниной Васильевной? А время-то не ждёт. И одна из новых моих знакомых, Наталья, вызвалась поехать к директрисе домой. Если гора не идёт к Магомету...

Сабыр подвёз нас к дому на углу одного из проулков. Наталья попросила подождать, а сама отворила калитку и скрылась за высоким забором. Минут через десять она появилась и сказала — Нина Васильевна выйти не может.

Так, несолоно хлебавши, мы вернулись в музей. И тут меня ждал ещё один сюрприз: возле памятника стоял Самат Сапарбекович с двумя своими помощниками. Надо же! Значит, сверхзаботливый мой опекун презрел мою просьбу и сообщил-таки о приезде местным властям. Власти же сделали вид, будто оказались здесь как бы мимоходом. Тут к нам подошёл Казбек, и аким предложил пройтись до знакомого уже нам ресторана пообедать.

Деваться некуда — пошли. В пустом зале нас ждал сервированный, накрытый белой скатертью стол.

Пообедали быстро, обменялись разными вежливыми фразами и вышли на улицу. В этот момент к нам подъехала машина, и шофёр вручил акиму какой-то пакет. В нём оказалась кипа красочных, альбомного формата буклетов.

— Вот, Илья Иванович, только-только привезли из города. Это вам на память.

На глянцевой обложке — небольшое светлое озерцо, в нём, словно в зеркале, отражается зелёная кайма берёз. Озеро — не Питерово ли? И не фамильный ли это Шуховский колок — он так и назывался у пресновчан? Тот самый, что, по словам отца, «славился изобилием дикой вишни, шиповника, груздей, костянки — любимой моей ягоды...».

Понизу обложки красными буквами надпись: «Жамбылский район». А дополняет её снимок в левом верхнем углу: бюст Жамбыла, или Джамбула, как принято было называть акына в советское время. Бюст установлен в Пресновке следом за переименованием района. Словно угадав мои мысли, аким сказал:

— Ну теперь, Илья Иванович, мы поместим на обложке и памятник Ивану Петровичу. Видите, как раз справа сверху — свободное место. Так вам завтра домой? Желаю счастливого пути. Приезжайте к нам ещё.

Я поблагодарил за добрые слова. О более чем странном поведении директрисы Нины Васильевны мы оба дипломатично умолчали.

Здесь, у ресторана, и расстались. Аким с помощниками сели в машину. А мы с Казбеком договорились встретиться через два часа у отцовского музея. И я, не мешкая, направился туда — хотя бы бегло осмотреть комнаты, снять своей “мыльницей” в доме и вокруг.

На сей раз мне повезло: никого, кроме охранника, тут не было. Первым делом пошёл в квадратную угловую комнату с окнами на улицу и на озеро, служившую отцу кабинетом. На столе — пишущая машинка “Комбина”, очки. На тумбочке — приёмник “Иртыш” — подарок Ивану Петровичу от дирекции Петропавловского радиозавода. На диване — балалайка с красными розанами на корпусе. Откуда она взялась? Сколько помню, балалайки у отца в Пресновке не было. Самую простую, без всяких украшений, он когда-то подарил мне в Алма-Ате и научил нехитрым наигрышам: “Во саду ли в огороде”, “Полька — бабочка”, “Ой, полным-полна моя коробушка”. Сам же он играл великолепно, по слуху, не зная нот — и не только на балалайке, но и на аккордеоне и пианино.

Но — полное недоумение вызвали у меня книги, выставленные здесь в застеклённом шкафу и на этажерке в углу комнаты. Впечатление такое, будто впопыхах сюда насовали всё, что только попало под руку. Одна из полок в шкафу занята собранием сочинений Ленина. Почему? С какой стати? Могу клятвенно заверить: этих бесчисленных томов, да и вообще политической литературы, никогда у отца не водилось! А этажерка — и того хлеще — забита какой-то отраслевой макулатурой: брошюрами по агротехнике и ещё кто его знает чем.

А ведь кабинет — это, высоким слогом говоря, — святая святых писателя. Отец не держал тут книг случайных — каждая была ему дорога и душевно близка.

Очень покоробил меня своей вопиющей — иначе не скажешь — неуместностью шаржированный графический портрет отца неизвестно чьей работы, зачем-то выставленный на самом видном месте. Или вот — беспорядочно нагромождённые в маленькой проходной комнатке так называемые атрибуты казачьего быта: прялка, чугульки, вышитые полотенца и тому подобное. Всё это лишь отвлекает внимание и усиливает впечатление поспешности и сумбура. Правда, у гостей не было возможности вникать в детали среди вчерашней юбилейной сутолоки и круговерти. Хотя — вряд ли это может служить утешением.

Да и сама усадьба... Мало что осталось от милого с детства моему взору и душе вида. Нет деревянной баньки, исчезли аллеи между клёнов и тополей. Зато в центре среди старых, доживающих свой век деревьев высится нелепое деревянное сооружение — не то часовня, не то сторожевая вышка.

Вон сквозь решетчатую ограду в закатных лучах поблёскивает станичное озеро. Надо бы спуститься, подойти, послушать в тишине всплески набегавшей на прибрежную кромку волны. Но вместо этого я стал бродить вокруг дома со своей “мыльницей”, выбирая разные ракурсы и щёлкая затвором, чтобы непременно заснять всю плёнку, хотя фотограф-то из меня аховый. Досадовал на себя, но, будто заговорённый, щёлкал и щёлкал.

Прервало моё малополезное занятие появление Казбека. Я глянул на часы: пора уезжать. Ну вот и — до свиданья, Пресновка. Прости меня, озеро, за спешку, за суетливость. Это и ты, и окрестные леса навеяли мне когда-то строки:

*Всё те же здесь
берёзовые колки.
Озёра те
и те же небеса.
Вот только —
сердцу отчего-то колко.
Вот только —
Дымкой застятя глаза...*

В гостиницу вернулся уже затемно. Осталось — переночевать, и завтра — домой. Только открыл дверь в номер — телефонный звонок. Конечно же — любезный Валерий Николаевич. Спросил, как съездил, всё ли в порядке, и сообщил: завтра в двенадцать ноль-ноль меня должен принять аким Мансуров.

... Утром, по обыкновению, позавтракали с опекуном. До аудиенции ещё было время, и я попросил Валерия Николаевича завезти меня в редакцию областной газеты. Не мог же я уехать, не повидавшись с Володей Шестериковым.

Здесь, в бывшем “Ленинском знамени”, а ныне “Северном Казахстане” Володя работает уже без малого полвека.

Он встретил меня в тесноватом редакционном кабинете — как всегда, неспешный, сдержанный в проявлении эмоций. Кроме газетной работы, редактирует литературно-художественный журнал “Провинция”. Володя обрадовал — сказал, что ближайший номер журнала почти целиком посвящён отцовскому столетию. Там будут и Володины воспоминания о встречах с Иваном Петровичем, о последнем приезде отца в родные края.

Хотелось мне о многом поговорить, многое вспомнить, но время опять поджимало, и мы распрощались...

Без четверти двенадцать мы с Валерием Николаевичем вошли в уже знакомую приёмную. Церемония в точности повторила предыдущую. Так же, выйдя из-за стола, пожал мне руку Мансуров, за ним — его зам. Хозяин кабинета вручил мне компакт-диск с записью фильма “Любим и помним”. На художественно оформленном диске — портрет отца. На тыльной стороне — надпись: “Фильм создан при поддержке акима Северо-Казахстанской области Т. А. Мансурова».

Сидевший напротив меня заместитель подвинул ко мне по столу какую-то бумажку. Я прочёл два слова: “Таир Аймухаметович”. Значит, запомнил он тот мой огрех в Пресновке и, на всякий случай, решил упредить.

Аким опять заговорил о “Пресновских страницах”: надо найти хорошего переводчика.

Между тем я положил перед собой ту самую газету со статьёй об отце — ждал подходящего момента. Мои собеседники поглядывали на неё: видно, о чём-то догадывались. Медлить уже было нельзя. Я раскрыл номер на нужной странице:

— Знаете, вчера только случайно прочёл тут недавнюю статью к столетию...

— Наверное, за подписью Расули? — спросил Таир Аймухаметович.

— Да, — опередил меня зам.

Возникла напряжённая тишина.

— Это сложный вопрос, — задумчиво проговорил Мансуров. — Президент не приветствует переименования.

Выдержал паузу и, должно быть, чтобы не завершать на миноре, добавил, затеплив огонёк надежды:

— Но мы подумаем.

С этими словами он вышел из-за стола и пожал мне руку.

Я стал за всё акима благодарить и — неожиданно для себя — даже приобнял его за плечи.

Малик Кенесбаевич проводил меня до приёмной и сдал Копытину. А спустя час мы с Валерием Николаевичем распрощались в аэропорту — прямо у трапа...

... После кратковременного, можно сказать, одномоментного пресновского “бума” юбилейная волна так же круто пошла на спад. У нас, в южной столице, по-прежнему никаких отголосков. В осенние месяцы в Союзе писателей Казахстана и Национальной библиотеке проходили всевозможные встречи, вечера, выставки, презентации... Только о вековом шуховском юбилее ни в СП, ни в главном “храме книги” никто так и не вспомнил.

Чтобы хоть как-то вывести чествование в Пресновке за узколокальные рамки, написал небольшую статью и решил послать в “Литературную газету”. А подтолкнуло к тому вот что. В теленовостях показали открытие в Пекине международной книжной ярмарки. В Китае — большой интерес к русской литературе, и на стенде были выставлены в переводе на китайский язык произведения русских классиков. Так вот — рядом с книгами Михаила Шолохова и Бориса Пастернака можно было увидеть шуховский однотомник. Событие, что ни говори! И “творчество, востребованное временем” — не пустые слова.

Статью направил в отдел литературы “ЛГ” новому сотруднику Александру Неверову. С ним мы заочно познакомились четыре года назад. Тогда он работал в газете “Труд” и напечатал моё письмо в редакцию о фильме “Вражьи тропы” и песне на слова отца “Позарастали стёжки-дорожки”.

Неверов получил статью и известил, что будет готовить её в ближайший номер. Этот номер пришёл, и стало понятно, почему на моё “спасибо” Неверов ответил: “Пока не за что”. Там, где, по идее, могла бы появиться моя публикация, увидел заметку за подписью пресс-центра Международного сообщества писательских союзов, МСПС, о презентации в Москве книги Абдижамила Нурпеисова “Последний долг” — со всеми подробностями. И рядом ещё одну — о пятилетнем юбилее книги Туркменбаши “Рухнама”. А что до Ивана Шухова — так, как всегда, может и подождать, даром что русский классик.

Кстати, заметка “Последний долг” Нурпеисова” напечатана в разделе: “Зарубежье “ЛГ”. А Иван Шухов — тоже зарубежье? Совсем запутались с размежеванием!

И примечательно: на той же полосе помещён отрывок из статьи Максима Горького под новой рубрикой: “Перечитываем классиков”. Как тут не скажешь: почаще бы заглядывали в святцы!

Статья моя появилась позже — в номере за 27 сентября — 2 октября. Напечатали её с фотографией Ивана Петровича внизу полосы под своим литгазетовским заголовком: “Автору “Пресновских страниц”. Под публикацией значилось: “Соб. инф. Пресновка, Северный Казахстан”.

Опубликовали текст без единой поправки. Однако сняли фразу о том, что Иван Петрович одиннадцать лет редактировал журнал “Простор”, завоевавший при нём всесоюзную известность наравне с “Новым миром” Александра Твардовского.

Чем же не устроила “Литгазету” эта фраза? Я позвонил Неверову, поблагодарил за публикацию. Сказал ещё, что сожалею об исчезнувших словах о шуховском “Просторе”.

— Ну, это уже другая тема, — услышал в ответ.

Позвонил в Петропавловск Шестерикову — узнать его мнение. “Ну ничего, — сказал Володя. — Только заголовок дали какой-то узкий: “Автору “Пресновских страниц”. Шухов всё же прежде всего романами своими знаменит».

Что тут добавить? Воистину!

Любопытно: тот же, что и в “Литературке”, портрет отца, взятый, видимо, из Интернета, встретился и в “Литературной России”. По случайному совпадению здесь, одновременно с “ЛГ”, вышла статья “Пресновские контрасты”. Написал её Евгений Асташкин из Омска. Странное оставила она впечатление. Никаких контрастов я не увидел. А вот всяких выдумок и небылиц набуровлено, как говаривал отец, хоть отбавляй. Ну правда, человек приехал из интереса, по своей воле, хотя от Омска — не ближний свет: полтысячи километров в один конец. И приехал всего лишь на день. А что можно увидеть и понять за такой короткий срок? Вот и пришлось гостю малость пофантазировать. О личной секретарше, например, которая якобы печатала шуховские рукописи. Если была таковая, то не “личная”, а сотрудница пресновской районки “Ударник”, которую отец редактировал в войну. А печатал он всегда сам: в послевоенные годы была у него портативная машинка “Москва” с мелким шрифтом “колибри”. Позже он завёл итальянскую “Комбину”. На ней и напечатаны его последние повести — “Колокол”, “Трава в чистом поле” и “Отмерцавшие марева”. Эта машинка и стоит сейчас в пресновском музее.

Кроме того, омский гость потешил такой байкой. Будто во времена, когда первого секретаря райкома партии ещё возил кучер на лошади, Шухов разъезжал на собственной “Победе”. Не смех ли! Сам свидетель: когда у отца в пятидесятых годах действительно была “Победа”, секретарь райкома ездил на “газике”, в народе его называют “козлом”. Хорошо помню и райкомовского шофёра Караганова — отец звал его Сашей. Представляю, как тот бедный секретарь тащился бы в город целую неделю на кляче по невылазной грязи!

И ещё одна выдумка немало позабавила меня. Поинтересовался гость у одной пресновчанки, помнит ли она Шухова. А та: “Я тогда ещё была малой. Дружила с его дочкой Наташкой. Мы вместе бегали по её саду, а Шухов обычно лежал в гамаке и что-то записывал в тетрадь».

Этакая идиллическая картинка: лежит себе Шухов в гамаке, птичек слушает и пописывает свои эпические — в тридцать-сорок печатных листов — романы...

Насчёт гамака отрицать не буду: его и вправду подвешивали в саду между двумя клёнами. Но это для нашей ребячьей забавы. Отец же работал — он так и говорил: “работаю”, а не “пишу”, — только уединяясь в своём маленьком кабинете, и сердился, если кто-нибудь из домашних ненароком его отвлекал. И мог не отрываться от машинки по восемнадцать часов

в сутки. Недаром Юрий Казаков писал отцу: “Вы можете смело сказать каждому — попробуй-ка с моё!”.

Работа захватывала его целиком. Неспроста в грибоедовском “Горе от ума” он подчеркнул близкие его натуре строки: “Когда в делах, я от веселый прячусь...”.

А что до отдыха... Вставал отец очень рано, на заре, шёл купаться на пустынное в эту пору озеро. Иногда, среди долгого светлого дня, он мог прикорнуть где-нибудь в укромном уголке, прямо на тёплой земле, подстелив халат, который подарили ему в Ташкенте во время какой-то литературной декады...

Да, совсем нечасто встретишь в прессе о Шухове. Зато порой сочинят такое! Недаром — пусть и по другому поводу — сказано: “Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь».

За год до столетия, в августе две тысячи пятого, “Литературная газета” напечатала статью с очень примечательным названием: “Свой среди своих или свой среди “чужих”?” Рубрика к статье — “Родная речь” и длинный, косноязычный подзаголовок: “Размышления о творчестве писателей не русских, но пишущих на русском языке, и русских писателях, создававших свои произведения вне своей исторической родины». Написана статья не дилетантами: под ней — подписи Магомета Исаева, Улданай Бахтикиреевой и Нины Рыжовой из Российского университета дружбы народов.

Центральная часть статьи посвящена творчеству И. П. Шухова. Прощу извинить за цитаты, но ради наглядности приведу несколько выдержек, без которых не обойтись.

“Приведём в качестве примера малоизвестное как российским, так и другим русскоязычным читателям имя — Иван Петрович Шухов, о котором с глубоким уважением пишет казахский писатель С. Санбаев. В Казахстане его называют “классиком отечественной литературы”, “выдающимся казахстанским русским писателем... Среди наиболее значительных произведений отмечают романы “Горькая линия”, “Поединок” и “Ненависть”, которые в 20-е годы прошлого столетия были высоко оценены М. Горьким. По мнению исследователей, эти романы написаны на богатом и чарующе-образном (русском) языке...”.

И ещё: “Вершиной творчества И. П. Шухова считают повесть “Отмерцавшие марева”. Если обратить внимание только на заглавие произведений этого писателя — “Трава в чистом поле”, “Колокол”, “Отмерцавшие марева” и др., то мы уже наполнены внутренним осознанием особого содержания этих текстов и подходим к их чтению иным образом, нежели к текстам русских писателей о русской жизни».

Господи, что за бред! По-моему, перед нами типичный образец уклончивого, уводящего от истины постсоветского литературоведения, в котором всё смешалось, как в доме Облонских.

Авторы нагородили такой частокोल кавычек, что невозможно разобраться, где текст Санбаева, на который они делают ссылки, а где их собственный. А главное — сколько здесь фактических неточностей, нелепостей, сколько взятого просто с потолка. И это пишут учёные!

Начать с того, что Горький высоко оценил шуховские романы не в двадцатые, а в тридцатые годы. А чего стоит фраза: “По мнению исследователей, эти романы написаны на богатом и чарующе-образном (русском) языке...”. Выходит, господа, вы сами-то Шухова не читали? И, не попадись вам

на глаза статья Санбаева, вы о нём и слыхом не слыхивали? На каком же, по вашему мнению, языке, кроме русского, он, потомственный сибирский казак, должен был писать? Он, кто видел своё призвание в служении великой русской Литературе! И Максим Горький, оценивая романы Шолохова, Шухова и Панфёрова, исходил именно из таких критериев, а не из вашей ущербной идеи деления писателей на “своих” и “чужих”.

А тезис о том, что вершиной шуховского творчества считают, якобы, повесть “Отмерцавшие марева”. Позвольте спросить — кто так считает и почему? Ведь эта повесть — вместе с не менее замечательными: “Колоколом” и “Травой в чистом поле” — составляет трилогию “Пресновские страницы”. Потому правомерно говорить именно об этой трилогии в целом, как об одном из вершинных достижений писателя.

И последнее. Почему это упомянутые названия повестей “заставляют подходить к их чтению иным образом, нежели к текстам русских писателей...”? Какая чепуха! Силились выстроить некую искусственную концепцию о “своих” и “чужих”, да и заблудились в трёх соснах.

По горячим следам написал я протестующее письмо в “Литгазету”, но оно осталось без отклика: редакции теперь на письма не отвечают.

Посылал в “ЛГ” и критику пасквилянтской статьи И. Кондакова в московской энциклопедии “Русские писатели 20 века”, да тоже бестолку.

Кстати, если говорить о российских энциклопедических изданиях последних лет. Раньше, в “Советском энциклопедическом словаре” статья об Иване Шухове была. Оставалась она поначалу и в “Большом энциклопедическом...”. А вот в его последних выпусках — исчезла. Почему? Опять оказался для кого-то чужим?

“Везёт” же Ивану Петровичу: то его позабудут, то вспомнят, да всё искажат. В две тысячи пятом году в Москве вышел третий том словаря “Русская литература XX века”. Такого мне ещё не встречалось: в подробной обзорной статье роман “Горькая линия” неоднократно переименовывается в “Горячую линию”, и это вводит читателя в полнейшее заблуждение. Чего стоит хотя бы такой пассаж: “Путь от “Горячей линии” к “Ненависти” — путь роста мировоззрения автора — констатировал М. Овчинников». Этим искажением названия первого шуховского романа энциклопедическая статья наносит ущерб и писателю, и критику, на чьё мнение ссылается. Ведь никакой “Горячей линии” среди произведений Шухова не существует. Так же, как нет у него романа “Сороковые годы”, публицистической книги “Дыхание Адриатики”, которые приписала ему автор статьи Т. В. Савинкова.

Как тут не вспомнить: всё врут календари. Но это было в грибоедовские времена, а в наши дни не стесняются врать даже научно-энциклопедические издания.

... В середине октября позвонила из Павлодара неутомимая Любовь Степановна. Как всегда, без долгих предисловий, поставила задачу — поблагодарить через газету директора Павлодарского филиала “Темирбанка” К. Ш. Киякбаеву за финансовую поддержку фильма об отце. Оно и понятно: обращалась с просьбой в десятки адресов, а откликнулась только Кадиша Шайдуллиновна. И если бы не она...

Ладно, дело благородное. Написал статью “Фильм об Иване Шухове” и даже эпиграф в стихах сочинил:

*Талант — как хлеб:
Он сам себя несёт
И от забвения творца спасёт,
Не думавшего
О посмертной славе...*

Но одно дело написать, а другое — напечатать. Газет сейчас — пруд пруди, да надо бы выбрать какую повесомее. Пришла на ум “Казахстанская правда”. Начинать день с её просмотра всегда считает своим долгом бывшая и нынешняя разноуровневая номенклатура.

Отпечатал текст на машинке, подписал псевдонимом и отправился по адресу, указанному в газете. Корпункт размещается в аккуратном двухэтажном особняке за Пугасовым мостом. При входе — постовой: “Куда? К кому? А вы созванивались? Нет? Созвонитесь, тогда приходите”.

Вот так — граница на замке. Не зря служивый зарплату получает. Прошли те времена, когда в любую редакцию — газеты ли, журнала — можно было запросто, по делу и без, зайти любому желающему. Случалось, пользовались этим и несознательные граждане — прихватывали порой в кабинетах что плохо лежит (или висит). Ну а вообще-то — чем можно было разжиться у бедного журналиста? Разве что ручку стащить или ещё что по мелочи. А теперь — мобильники, компьютеры, принтеры, ксероксы, факсы: гляди в оба! Конечно, не только поэтому редакции отгораживаются от посетителей: самодеятельное творчество “трудящихся” теперь не в чести. Раньше — написал заметку от руки, принёс сам или послал по почте — и жди публикации. А не опубликуют — ответят, почему. Теперь никто тебе отвечать не обязан. Посему — как в лотерее: могут напечатать, а могут и нет, и тогда не взыщи.

Созвонился я с казправдинской барышней: так, мол, и так — фильм вот сняли об Иване Шухове... Не успел продолжить — барышня: “На этой неделе не смогу. Позвоните на следующей”.

Говорю — статья готова, мне бы только вам передать.

— Хорошо, принесите дискету.

— Да статья-то короткая, всего две страницы на машинке.

— Ну, хорошо, принесите. Как ваша фамилия? Сообщу охране. И не забудьте удостоверение личности.

Открыв дверь в комнату на втором этаже, увидел двух тружениц пера, вернее, компьютера: брюнетку и блондинку. Представился. Услышав мою фамилию, сидевшая ко мне спиной блондинка полуобернулась на вертящемся кресле и сердито зыркнула: ходят, мол, тут всякие!

Брюнетка, с которой мы говорили по телефону, взяла мои страницы, бегло просмотрела и пообещала передать в головной офис в Астане.

Стал покупать “Казправду”, чего, признаться, давненько не делал. И дня через четыре в многостраничном номере увидел знакомое: “Талант — как хлеб...”. Это была первая строка эпиграфа, превращённая в заголовок. Сам же эпиграф сочли лишним. Заголовок напомнил те, из разряда дубовых, что придумывал в семидесятых годах, в бытность сотрудником отдела литературы и искусства: “Хлеб и песня”, “Музы в рабочей спецовке”, “В одном строю с хлеборобами”, — которые украшали казправдинские полосы.

А чем не понравился, думаю, мой заголовок? Так в нём ведь прямо назван Иван Шухов, а его, на всякий случай, лучше лишний раз на вид не выставлять. Мало невзрачного заголовка — ещё и упрятали среди других

статей так, что не сразу отыщешь. Позвонил Кашиной: Смотрите, мол, в таком-то номере, на такой-то странице. Похоже, на Шухова в “Казправде” такой же лимит, как на генерала в армейской дивизионке: можно упоминать не чаще раза в год. А тут — пришлось упомянуть аж трижды!

В ноябре две тысячи пятого североказахстанский собкор пытался этак позавлекательнее сказать о пресновском музее и его директоре Нине Васильевне — она и на фото красуется, — да только песню испортил. Правда, заголовок нашёл удачный — “Под сенью клёнов вековых”, а вот сама статья... В первых же строках в главную заслугу Нине Васильевне (кстати, бывшему почтовому работнику) ставятся её краеведческие поиски. Одну небольшую комнату она заполнила предметами старого казачьего быта. Скольких усилий, пишет собкор, стоило ей собственноручно, через всю станицу, доставить сюда старинное пушечное ядро! Но я этот пафос разделять не стал бы. Ведь место таким экспонатам — в областном краеведческом музее. Там их, кстати, полный набор. А в Пресновке-то музей литературный! Так хотя бы словом обмолвился журналист о шуховских изданиях — на русском и других языках. Нет — всё заслонили ядра, крынки да прялки...

Но особенно поразило суждение Нины Васильевны — собкор с нею солидарен — о “постаменте с барельефом Шухова, увенчанном чашей и яйцеобразной сферой”, который стоял тогда перед домом. “Кое-кто, говорит Нина Васильевна, символикой недоволен, предлагает заменить аллегория бюстом писателя». Она с этим не согласна. Пожалуй, и впрямь такое “новшество” сильно будет отдавать “лобовым морализаторством...”.

В “Годах без отца...” мне уже приходилось писать об этом “аллегорическом”, нелепейшем, на мой взгляд, сооружении. Думаю, не у одного меня вызывало оно полное неприятие. Благо, что наконец-то на его месте установили теперь хороший памятник. И при чём здесь лобовое морализаторство?

Если уж говорить о таковом... Когда-то в своих заметках я приводил краткую выписку из энциклопедии “Казахская ССР”, изданной в конце восьмидесятых в Алма-Ате. Там указано, что в Пресновке есть памятник В. И. Ленину и русскому советскому писателю Н. А. Островскому. Во время “перестройки” монумент вождю революции исчез, и в энциклопедии “Северо-Казахстанская область” 2004 года упоминается только памятник Н. А. Островскому.

Примечательно: в обеих энциклопедиях назван пресновчанин — русский учёный и путешественник Григорий Николаевич Потанин. Ещё в 1954 году Иван Петрович писал: “Старожилы нашей станицы ревниво хранят память о знаменитом своём земляке. Около года тому назад сельские депутаты на одной из сессий Пресновского сельисполкома подняли вопрос о сооружении в станице бронзового бюста Г. Н. Потанина. Но хорошая эта инициатива станичных патриотов, не встретив поддержки у руководителей района, не получила практического разрешения. Больше того, единственный портрет Потанина, нарисованный местным художником, учителем А. Гагиным, валяется где-то за книжными шкапами в учительской комнате Пресновской средней школы!” (“В далёкой нашей станице...”).

Так вот, с тех прошло больше полувека, а потанинского бюста в Пресновке как не было, так и нет. Зато памятник Николаю Островскому — налицо. С какой же стати? Здесь-то, пользуясь собкоровскими словами, и

отдаёт “лобовым морализаторством”. Хотя история эта сама по себе поистине курьёзна. Легендарный автор романа “Как закалялась сталь” оказался причастным к ней совершенно случайно. Дело в том, что с 1961 по 1996 год в соседнем с районным центром селе Островке существовал совхоз “Островский” — по названию села, — а его центральная усадьба находилась в Пресновке. Вот в брежневскую эпоху какому-то очередному райкомовскому деятелю и пришла вдруг идея поставить памятник писателю, который в здешних краях даже близко не бывал. Сказано — сделано, и это случайное гипсовое сооружение с тех пор фигурирует в справочниках в числе пресновских достопримечательностей...

В двадцатых числах сентября позвонили из алматинского издательства: “Будем печатать “Пресновские страницы”. Привезите книгу для набора».

Повёз, не откладывая, “Избранное”, вышедшее там же в девяносто шестом году. Техред сказала — надо всего десять печатных листов, ни на один больше: таков стандарт серии. Какой, спрашиваю, серии? — “Литература народов Казахстана”. Она подошла к полке, уставленной книгами-близнецами. Одна была на русском языке. “Вот, — техред протянула её мне, — недавно вышла». На обложке я увидел имя одного местного журналиста. А на обороте титула прочёл: “Издание осуществлено по программе Министерства культуры и информации Республики Казахстан”.

Так что — отцовское столетие оказалось ни при чём. Просто — конвейерная “программа”, и очередь — после журналиста — дошла, наконец, и до Шухова. Впору удивиться: ах-ах, спасибо, благодетели! А что — с виду всё чинно-благородно. И министерским чиновникам всегда можно сослаться и даже — в актив себе занести: вот, мол, издали же!

Высказал я, что думал: зачем издавать в обычной серии? Ведь — столетний юбилей. На что получил ответ: издание утверждено министерством, и никаких корректировок быть не может.

Загорелось же господам из министерства наклеить на Ивана Шухова провинциальный ярлык!

Техред просмотрела “Избранное”, сказала, что текст бледный и его придётся не сканировать, а набирать заново. И, поскольку корректоров теперь в издательстве не держат, вычитывать вёрстку надо будет самому. Что же, с удовольствием — мне не привыкать. Попутно сообщила: книгу выпустят в ноябре тиражом две тысячи экземпляров.

Текст набрали скоро. Правда, оттиск дали совсем бледный, и, сверяя набор с оригиналом, пришлось очень напрягать зрение. Но прочёл так же быстро, чтоб не нарушать график. Опечаток оказалось полно — едва ли не на каждой странице. Отдал правленую корректуру и неделю спустя получил вёрстку для последней, окончательной сверки.

И вот звонок: пришёл сигнальный экземпляр. Пролистал — вроде всё в порядке. Заглянул в выходные данные — и вижу: тираж одна тысяча. На мой недоуменный вопрос техред сказала: это техническая ошибка, на самом деле цифра вдвое больше. И заверила, что ошибку исправят. И вообще, дескать, не стоит особо волноваться — ведь тираж отправят только по библиотекам.

Такое вот утешение!

Несмотря на обещание, цифра “1000” так и осталась — я увидел её на маркировке готовых к отправке пачек. Порывался было зайти к директору, но ни разу на месте его не застал...

Послал я книгу в Петропавловск Володе Шестерикову. Потом звоню: — Ну как? А он: — Да так — ничего... Снимок на обложке хороший. И добавил: — А вообще, знаешь, это нас так можно издавать. Ивана Петровича посолдней надо было бы.

Что я мог сказать на это другу?..

Беспокойный год близился к завершению. Двадцатого декабря позвонил из Пресновки заместитель акима Серик Кабдулович. Сообщил: в связи с пятнадцатилетием независимости республики директор Дома-музея Нина Васильевна награждена медалью “Шапагат”.

А в последние декабрьские дни Владислав Владимиров сговорил передать “Пресновские страницы” и книгу воспоминаний в дар Национальной библиотеке. “Ну как же, — убеждал он, — надо: внесут в компьютерную базу данных».

Я подписал обе книги, но, честно скажу, без особого энтузиазма. Зачем? Ведь там за целый год даже элементарной книжной выставки к юбилею не смогли провести!

Подписывая “Пресновские страницы”, вспомнил: по иронии судьбы, на обратной стороне типографских листов, которые я вычитывал, был текст ещё чьей-то вёрстки. Заголовок гласил: “Собрание сочинений Нурлана Оразалина в 3 томах”.

Всё.

На этом — ставлю точку.

Февраль-март 2007.

г. Алматы.

Валерий МИХАЙЛОВ

Крестный путь Юрия Кузнецова

(Вольные заметки)

Провалявшись по издательствам три года после смерти поэта, книга стихов Юрия Кузнецова, составленная им незадолго до кончины, наконец вышла.

Обещанного три года ждут. Всё по поговорке. Русская телега верна себе, и дураки с бездорожьём никуда-то, родимые, не делись.

Это Маяковского советская власть внедряла, как картошку при Петре; это Бродского опослясоветские правители внедряли, как чипсы при Ельцине; — Кузнецов же власть предрержащим не нужен. И слава Богу! Ведь, несмотря на постановления партии и правительства, не растёт кукуруза в тундре и погибает на суглинках. Земля не та. (Вот пословицы: “рожь кормит сплошь, а пшеница по выбору”, “на дороге грязь, так овёс князь”, “Бог с рожью, а чёрт с костром”, “овёс сквозь лапоть прорастёт” — и ни слова про кукурузу).

Однако что ж не расстарались издать Кузнецова свои? Хотя бы — толком — после смерти? Вконец коммерсантами заделались? “Непустишь душу в ад, не будешь богат”.

О И. Бродском, из разговора с Ю. Кузнецовым. В общем-то имя в беседе возникло случайно, даже не помню по какому поводу. Возникло — и тут же пропало. Будто исчерпало себя.

Кузнецов, отстранённо-ворчливо, невнятно, словно нехотя:

— Вот, в Литинституте... слушатели на занятиях... всё: Бродский, Бродский... надо же что-то отвечать... ну, взял книгу, стал читать... — и уже внятно, твёрдо, несколько озадаченно:

— ... Не одолел!

... Да и как издали Кузнецова. Сама-то по себе книга вроде хороша, смотрится, и шрифт приятный. Но! “Содержания” нет. А главное заголовок. На обложке — “Крестный ход”. Однако сам Кузнецов так не называл свою книгу.

Вдова Юрия Поликарповича, Батима Каукенова, напечатала на ротаторе брошюрку о нескольких листах. И раздаёт её знакомым как дополнение к книге. Там и “Содержание”, и список замеченных опечаток.

Открываются “Опечатки” словами: “Авторское название книги не “Крестный ход”, а “Крестный ПУТЬ””.

Я спросил у Батимы:

— А вы говорили издателям?

— И просила, и требовала.

— Ну и как?

— Ни в какую. Одно в ответ: только с таким заголовком, иначе книга не выйдет.

Стало быть, это не опечатка. Это сознательное искажение смысла. Нарушение воли поэта. Сдавал он рукопись при жизни, а пока тянули с изданием — умер. Воля стала — посмертной. Но и с ней не посчитались.

Почему?!

Что за цензура?

Или, может, просто не понимают разницы между одним и другим?...

Для вас, господа из литературно-издательского агентства “Сова”:

“Крестный ход — так называется торжественное шествие (процессия) из храма священнослужителей в священных облачениях и сопровождающего их народа, при чём впереди священнослужителей, певчих и народа предносятся св. кресты, иконы и св. евангелие. Шествие это совершается или вокруг храма (в селениях), или от храма к рекам, колодцам, озёрам и пр. для совершения водоосвящения”. (Полный церковно-славянский словарь).

Крестный же путь...

Ну, вспомните для начала, чем было для Кузнецова слово. Он же мыслит символами, мифами. А после откройте словари, Евангелие.

“Бог по силе крест налагает”.

“Тяжёл крест, да надо несть”. (Словарь Даля).

“Путь — дорога; подвиг”. (Полный церковно-славянский словарь).

“Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня”. (Мф 10,37-38).

“Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною,

ибо кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретёт её;

какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?” (Мф 16,24-26).

“Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня”. (Ин, 14,16).

“И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа...” (Ин 19, 16).

Теперь вам понятнее?..

Если не до конца, откройте, господа, вами же изданную книгу Ю. Кузнецова на стр. 377. Там стихотворение, по которому он и назвал свою последнюю книгу. (А вот стихотворения под названием “Крестный ход” у него никогда не было).

Крестный путь

*Я иду по ту сторону
Вдоль заветных крестов.
Иногда даже ворону
Я поверить готов.*

*Даже старому ворону —
Он кричит неспроста:
— Не гляди на ту сторону
Мирового креста.*

*Ты идёшь через пропасти,
Обезумев почти.
Сохрани тебя Господи,
Боль веков отпусти...*

*А на той на сторонушке
Что-то брезжит вдали...
Хоть на каменной горушке,
Крестный путь, не пыли!*

*Дальней каменной горушке
Снится сон во Христе,
Что с обратной сторонушки
Я распят на кресте.*

1998

За пять лет до смерти...

Да, заглавия книг..

Для поэта они — куски жизни, судьбы, с живой сочащейся кровью.
Этапы пути.

У кого — и крестного...

Вот как назывались книги Ю.Кузнецова:

“Гроза”, 1966 (25 лет, предчувствие себя).

“Во мне и рядом — даль”, 1974 (33 года, безмерность пространства).

“Край света — за первым углом”, 1976 (пространство жизни).

“Выходя на дорогу, душа оглянулась”, 1978 (что видит? Что, кого же-
лает зреть?)

“Отпущу свою душу на волю”, 1981 (40 лет, безоглядность).

“Русский узел”, 1983 (Россия, с древности и донныне).

“Ни рано, ни поздно”, 1985 (необходимость себя).

“Душа верна неведомым пределам”, 1986 (даль преодолена неведо-
мым).

“Золотая гора”, 1989 (поэзия, Парнас).

“После вечного боя”, 1989.

“Ожидание небесного знака”, 1992 (Чуете, что ему открывается?!)

“До свиданья! Встретимся в тюрьме”, 1999 (Россия ельцинская).

“Русский зигзаг”, 1999 (кривой путь России).

“Путь Христа”. Поэма, 2001 (Небо — открылось).

“До последнего края”, 2001 (высшая решимость, да и последний переход).

Вот этот ряд и завершал “Крестный путь” — его вершина, где впервые
— полностью — напечатан цикл его поэм о Христе, включающий в себя и
“Сошествие в ад”, и незаконченный “Рай”.

Даже заголовками своих книг Кузнецов всё нам сказал о себе, о своей
поэзии, о своём пути.

Предчувствие конца земной жизни уже томило его. Он не говорил об этом никому, но от стихов ничего не скроешь.

*Не ужасную Медузу,
Не любовь-змею,
Не рыдающую Музу —
Вижу смерть мою.*

*Хороша она собою
И души милей,
Только выглядит слепую...
Не мигнуть ли ей?*

(“Автопортрет”, 2001)

*Я лежу, усыпанный цветами,
Запах розы издали ловлю:
Он сулит мне скорое свиданье
С той, кого, не ведая, люблю.*

*Придите на цветы взглянуть,
Всего одна минута!
Положит розу мне на грудь
Та самая Анюта.*

(“Анюта”, 2001)

*Отговорила моя золотая поэма.
Всё остальное — и слепо, и глухо, и немо.
Боже! Я плачу и смерть отгоняю рукой.
Дай мне высокую старость и мудрый покой.*

(“Путь Христа”, 2001)

Этими же стихами он заканчивает и последнюю поэму “Сошествие в ад”, написанную незадолго до кончины. Только старости уже просит не “высокой”, а “смирненной”.

Поэт говорил, что на поэмы о Христе и на “Сошествие в ад” бросил все свои силы. Теперь понятно: не только потому, что этого требовала тема. Время жизни таяло, уходило...

Он понимал, что смерть уже рядом. И спешил завершить своё самое заветное, почти не оставляя времени на лирику. Всё, что не поэмы, Кузнецова, видимо, раздражало. Он отказывался от поездок по стране, от встреч, от выступлений и считал службу в Литинституте и в журнале (два дня в неделю) — потерянным временем. Наверное, опасался, что жизни может не достать...

То есть, называя рукопись “Крестный путь”, Юрий Кузнецов давал не просто заголовок очередной книги — он определял весь свой жизненный путь и всё своё творчество. Он подводил итог.

Что же вы извратили его слово, господа издательские СовЫ?..

Ну да ладно. Всё минется, одна правда останется.

Но вернёмся к стихотворению “Крестный путь”. Конечно, это о себе, о своём пути. Образ так называемого лирического героя в стихах Кузнецов

не признавал. Видно, не терпел условностей и натяжек за их лживость. И об этом говорил прямо. Вот ответ Геннадию Красникову (интервью в “Независимой газете” от 27.10.1998): “Термин “лирический герой” — фикция, он придуман критиками для литературного удобства. На самом деле поэт пишет только себя. Не принимайте по ошибке чувство собственного достоинства за какое-то несносное высокомерие... Открою один секрет любовной лирики (их несколько). В ней бывает то, чего в жизни не было, но могло быть...”.

Последнее, думаю, касается не только лирики любовной...

Всю жизнь он шёл путём поэта, считая и заявляя, что поэзия превышает всего. (Об этом подробнее чуть позже.) Но вот в стихотворении “Крестный путь” появляется другое понимание:

*Я иду на ту сторону
Вдоль заветных крестов...*

Та сторона — это уже не Поэзия. И она отнюдь не родная сторона.

*А на той на сторонушке
Что-то брезжит вдали...
Хоть на каменной горушке,
Крестный путь, не пыли!*

К поэту приходит понимание истинного направления своего пути. И “на каменной горушке” — на своём Лобном месте — он строго одёргивает себя, свой крестный путь:

— Не пыли!

И чудится ему: Голгофе настоящей — “дальней каменной горушке”

*... Снится сон во Христе,
Что с обратной сторонушки
Я распят на кресте.*

Вот где настоящее. Не “Золотой горе” — Парнасу, где уверенно и безоглядно пировал с избранными 30-летний поэт, а дальней святой горушке снится о нём вещий сон.

Вот истинная цель пути и смысл судьбы.

Но что это за “обратная сторонушка”? Почему ворон кричит, чтобы не глядел “на ту сторону Мирового креста”?

Всякий взявший свой крест и понёсший его до конца распинается со Христом.

Возможно, поэт, с его стереоскопическим взглядом на жизнь и на смыслы, увидел пустую — незанятую — сторону того Мирового креста на Голгофе. Она ведь незаметна для стороннего взгляда. Кто в миру видит, как распинается со Христом тот или иной человек? Кто же заглядывает туда, по обратную сторону креста? Да и сам человек, знает ли, что судьба распинает его на кресте? Видит ли он себя?.. Готов ли он к такому знанию? Не возгордится ли, узнав высокую о себе правду?

Нет, неспроста кричит старый ворон.

И поэт сторонится утверждений, смиренно отдавая истину вещему сну “дальней каменной горушки”.

Как это по-русски о Голгофе — *горушка!*

“Только в русском (точнее, первоначально, конечно, в церковно-славянском) слово “крещение”, одно из главных понятий христианского мировоззрения, происходит непосредственно от слова “Крест”. В других языках термины, обозначающие крещение, происходят от греческого “Баттизма” (“купание”, “окунание”), то есть в семантике всегда первичным остаётся воспоминание о погружении в воду, что соответствует древнему, от восточных омовений заимствованному, обряду водного крещения. Для русского сознания крещение есть “погружение” в Крест, добровольное пригвождение себя к Кресту Господню. Не удивительно, что только русский народ — до 1917 года 95 % русского населения — называл себя “крестьянами”, то есть в буквальном смысле — “народом Креста”. (Н. Лисовой “Православие византийское, русское, вселенское”).

В том же 1998 году он написал, по-моему, самое светлое произведение — поэму “Красный сад” (до неё, родственное по духу стихотворение “Узоры”). Сколько там духовной высоты, радости, чистоты, света! Поэму можно читать бесконечно, снова и снова — и всё она остаётся свежа, как только что распутившаяся роза или лилия.

*В середине сада пышут розы,
Равные по свежести и неге,
Разные по запаху и цвету,
Многолюдно пахнут и мерцают.
В белых розах белая девица,
Белый день стоит на Беловодье
И катает белое ячико,
А в яичке горлица воркует,
И плывут серебряные звоны.
В красных розах красная девица,
Красный день стоит на Красной Горке,
И катает красное ячико,
А в яйце малиновка играет,
И плывут малиновые звоны.
В жёлтых розах жёлтая девица,
Жёлтая заря в янтарном море
И катает жёлтое ячико,
А в яйце золотая канарейка
Распевает про золотые горы,
А ещё про вечную разлуку,
И плывут оранжевые звоны.
В чёрных розах смуглая девица,
Чёрный день стоит на белом свете
И катает чёрное ячико,
А в яичке чёрный лебедь кружит,
Он зовёт пропавшую подругу
И рыдает на затмение солнца,
На слепое чёрное блистанье...*

И ещё из “Красного сада”:

*Боголюбно лилия сияет
Среди роз таинственных и разных.
Белый столп сияния восходит*

Прямо в купол вечного сиянья
 И сливается с дыханьем Божьим.
 Всё сияет: ангелы и звёзды,
 И деревья, и кусты, и травы,
 Все цветы, как ангелы, сияют,
 И сиянье это несказанно!
 Всё благоухает: близость Бога
 И тепло Его прикосновений,
 И благоуханье несказанно!
 Всё поёт: и небеса, и бездны,
 И следы святых прикосновений,
 Всё певуче — и неизречённо!
 Ибо все земные озаренья —
 Мрак перед сиянием небесным,
 Ибо все земные ароматы —
 Смерд перед дыханием небесным,
 Ибо все земные благогласья —
 Скрип зубов перед небесным хором.
 Всё на свете — тёмное подобье
 Или наше слабое бессмертье.
 “Это так!” — промолвил светлый ангел,
 Что явился мне во сне наутро.
 Я проснулся в самом сердце сада
 Среди роз таинственных и разных,
 Разбудила росяная капля,
 Что упала с самой белой розы,
 Самой нежной, как душа девицы.
 Если это счастье, я сверканье!
 Вот цветы, а вот сиянье Бога,
 А меж ними ангелы летают,
 Или это всё мне только снится?..

Помню наш короткий разговор после того, как было напечатано “Сшествие в ад”. Я спросил Юрия Поликарповича, какой будет “Рай”.

- По объёму такой же, как “Ад”, — ответил он.
- Но как передать рай?..
- Помнишь “Красный сад”? Это и есть рай.

Ни “тёмное подобье” истинной жизни, ни “слабое бессмертье” человеческой славы его уже не устраивало. Всё это душой было изжито...

Крестный путь...

Что мы знаем о том или ином человеке? Даже если были знакомы с ним, виделись, разговаривали... Даже если — с напряжённой душой и мыслью — вчитывались в его заветные сроки, пытались понять и восчувствовать их суть?..

Увы, мы знаем лишь то, что нам кажется. А это отчасти призрак, сон. Сходится ли наше знание с истиной? Бог знает!.. (Да, вот Он-то, Единственный, и знает. Ибо только Ему вполне известно всё — и наша душа, и душа того, кого мы пытаемся постичь и кто сам, быть может — да и наверняка — не знал себя вполне). Все мы — лишь то или иное воплощение

замысла Бога о нас, и не дано нам знать наверное, как исполнено то, что Им было задумано. Очень уж высок Божественный помысл, вряд ли среди смертных хоть кому-нибудь, кроме Его святых, удалось исполнить в жизни своё назначение...

В одном можно не сомневаться: каждый, кто жил по-настоящему, на пределе всех своих сил, всё же приблизился к тому, что — с его рождением — Бог помыслил о нём и предназначил ему осуществить на земле.

Сама наша жизнь — по неведению нашему прошлого и будущего, по приблизительности познания настоящего, людей, даже самого себя, по краткости и прерывистости впечатлений — тоже больше напоминает сон. Явь же, в целокупности и полноте, в понимании сути всего происшедшего, происходящего и того, что произойдёт, дана лишь Высшему, Который и назван Вседержителем...

Словом, я вовсе не притязаю на то, что вполне постигаю личность Юрия Поликарповича Кузнецова и его поэтическое творчество. Эти заметки — только попытка приблизиться к пониманию его. (Как, впрочем, и заметки любого другого человека, кто писал о поэте или напишет).

“В минуту рождения каждый имя своё себе в сладостный дар получает”, — широким дыханием поёт Гюмер во второй песне “Одиссеи” о наречении младенца. У имени своя духовная сущность, своя философия. По убеждению о. Павла Флоренского, имя действительно направляет жизнь личности по известному руслу и не даёт потоку жизненных процессов протекать где попало. “Но в этом русле сама личность должна определить своё нравственное содержание”, — полагает философ. “Имя предопределяет личность и намечает идеальные границы её жизни. Но это не значит, что, именем определённая, личность не свободна в своём имени — в его пределах. И прежде всего: каждое данное имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей. Верхний полюс имени — чистый индивидуальный луч божественного света, первообраз совершенства, мерцающий в святом данного имени. Нижний полюс того же имени уходит в геенну, как полное извращение божественной истины данного имени...” (“Имена”).

То есть речь идёт об ответственности человека, с самого раннего его возраста, перед своей судьбой, перед своим именем. Недаром в песнопениях святому поётся: “Достоиню имени еси пожил, Георгие...”.

Юрий Кузнецов родился 11 февраля 1941 года.

Батюшки на Руси, когда крестят младенца, обычно дают ему имя по святым — по имени одного из святых, кого поминает Церковь в день рождения дитяти или в один из ближайших дней. 17 февраля Православная Церковь чтит память благоверного князя Георгия (Юрия) Владимирского. Потому, наверное, мальчик и получил имя Юрий.

Святой этого имени — великомученик Георгий Победоносец. Это был римский военачальник — христианин, погибший в 303 году во время одного из самых жестоких гонений на христиан при императоре Диоклетиане.

Св. Георгий был покровителем великих строителей русского государства. Имя Георгий (Юрий) получил при крещении Ярослав Мудрый. Вспомним основателя Москвы Юрия Долгорукого, владимирского князя Юрия Всеволодовича, который в 1238 году возглавил борьбу с татаро-монголами. Святой Георгий считается небесным покровителем Москвы. Его изображение — всадник, поражающий змия. Это герб российской столицы.

Мраморный столп со святым Георгием Победоносцем недавно установлен на Трубной площади. В нескольких минутах хода — редакция журнала “Наш современник”, где в последние годы жизни Юрий Поликарпович заведовал отделом поэзии. Там, в тесных комнатухах (сначала одной, потом другой), которые служили ему кабинетами, и происходили большей частью наши встречи...

... Кузнецов был для меня не просто поэт, не просто человек, а — *не что*. По крайней мере чудился таким. Сейчас не знаю, не уверен... но довольно долгое время. Это труднообъяснимо, но это так. Никто из современников, очных и заочных (а видел я многих), больше таковым не казался. Да и вряд ли уже покажется.

Личное наше знакомство было недолгим и, пожалуй, незначительным — и я теперь очень рад этому. Зачем слишком приближаться к поэту, разве недостаточно его стихов? Стихи — его душа, там — всё, а приблизишься или вдруг, не дай Господь, сделаешься приятелем — и быт заслонит душу. “Кузнецов” делается “Юрой”... (Как это и получилось у довольно многих его знакомых, коих воспоминания и рассказы я прочёл или услышал по его кончине).

Нечто... облако. Или лучше по-старинному — *облак*. Облак света и дыма. Дым в облаке — туман, влажная мгла. Свет и вода — жизнь. Но облако парит над родной землёй, и в нём ещё — дым Отечества. Дым — это и отстранённость. Ото всех, ото всего. Что-то, куда как важнее всего на свете и всех на свете, — совершается в нём, внутри, на глубине, — может, и сам не знает что. Но тем более надо прислушаться, чтобы не упустить, понять это глубинное, таинственное. А все — мешают, и всё — мешает, отвлекает. Вот и отстранённость. (Поэт, собственно, прежде всего *странник* в самом себе, в своих глубинах. Пойди туда, не знаю куда; найди то, не знаю что; — вот его суть, его постоянное состояние. Загадал Бог загадку, а ты разгадывай).

Таким, постоянно отстранённым, Кузнецов и запомнился мне. Отстранённым — то есть сосредоточенным на главном для себя. Конечно же, это не значит, что так было всегда. Скорее всего, это было не так. Но тень всегдашней, въевшейся в его облик отстранённости уже никуда не исчезала. Да впрочем, думаю, это изначально было ему дано, с рождения, — только в последние годы жизни проступило уже, обозначилось в неистребимой определённости... А повседневность, поведение, так сказать, в быту, наверняка кому-то странное и непонятное, и определялось уже этой отстранённостью. И угрюмостью своей, и рассеянностью, и молчаливостью, и сигаретным дымом, и водкой — он отгораживался от суеты, от людей. Чтобы не мешали — услышать, осознать, почувствовать в себе тот продвиг, росток, звук Слова. Той же природы и его упрямая неразговорчивость, ворчливость, немногословность — чтобы не растратить душу, не расплыться, не потревожить происходящего в ней.

Что это было? Волевая заданность себе, своему поведению? Или это получалось стихийно, по естеству его духовной сути, чему невольно подчинялась и душевность?..

*Я душу спасаю от шума и глума,
Летящих по краю.
Я думаю думу, о чём моя дума —
И сам я не знаю.*

Да и как знать? Будто бы ни о чём — но обо всём. Обо всём сразу. Это — инстинктивное движение интуитивного проникновения в суть жизни, в

её смысл. Это — подслушивание слова. (“Я думу свою потихоньку подслушаю...” — как просто, да не о простом написал Твардовский, умудрённый уже всей своей жизнью). Слово определяет думу. Оно как бы нащупывает затаённый в пространстве смысл, сгущает в образ или символ растворённое в воздухе загадочное нечто — прообраз, предмысл. И эта ловля ускользающего, потустороннего миру ветра исподволь становится существом поэта — и он видится людям, миру непонятным, странным человеком. Вроде бы здесь, рядом, вроде бы участвует в общении, разговоре — а где-то там. Где же? Никто не узнает и не поймёт, да и сам поэт, скажи он откровенно, как на духу, ничего путного не объяснит. Потому что не знает: что это? откуда это? В истинном своём состоянии, условно — в состоянии творческом, поэт не принадлежит себе. И никому. Он проводник, восчувствователь, сказатель Слова. Жизнь — внутри, в душе; снаружи — существование, со всеми его прелестями (как в ироническом, так в прямом и — выше — в религиозном смысле).

О. Павел Флоренский не завершил своё интереснейшее исследование “Имена”. В подготовительных заметках остался набросок к статье “Георгий”. Вот его мысли об этом имени.

“(Георгий)

1919. III. 6. Сергиев Посад.

Георгий. В этом имени, в звуках его, есть что-то твёрдое, но не железно-твёрдое, а скорее деревянное, не устойчивость духовной деятельности, а устройчивость довольно случайно и не глубинно определившейся воли, — не устойчивость, а упорство, которое, впрочем, не настолько мелко, чтобы быть отождествлено с капризом.

Георгий упорен, но это не неуклонность вожделеющей воли, в которой открывается тёмная первооснова бытия (*Павел*) и не простое бессилие, выражающееся в капризности и причудливых переменах решений (*Константин*), а большой упор хочу и решил, в котором довольно много *усилия* и напряжения. *Георгий* в этом “хочу” довольно односторонен, он не видит других сторон дела, или, скорее, не хочет видеть в данный момент, ибо чувствует, что у него не хватит мощи преодолеть их, вобрать в себя и подчинить себе эти другие стороны, а не раствориться самому в них и не подчиниться им. *Георгий* не блестящ и в особенности не талантлив; но он умён, и умом, хитростью и настойчивостью добивается своего. *Георгий* не из тех, кому даётся всё легко; но тем не менее, *даётся*, ибо он вынуждает, вымогает из недр творческих природы то, чего хочет. Он воистину есть земледел, ибо он, натужившись, выпахивает почву действительности и, учтя коварство и причуды её, хитростью и приёмами, в которых однако больше привычки и эмпирически найденного метода, нежели вдохновения и умозрения, выращивает плоды, которых ждёт. *Георгий* не вдохновенен и не парит; но он и не погружён в корыстные расчёты: его практика имеет нечто космическое, более широкое, нежели простая корысть, как его мысль, никогда не огненная, не чистая, не самодовлеющая, не бывает вне практических задач и намерений”.

Что-то в этом есть, в этих — при всей их приблизительности — прозрениях...

“Устройчивость... воли”, “большой упор хочу и решил”, “ум и настойчивость”, “земледел” (так переводится на русский имя Георгий), “натужившись,

выпахивает почву действительности”, “выращивает плоды, которых ждёт”, “его практика имеет нечто космическое” и пр. — всё это, кажется, весьма подходит к Ю. Кузнецову.

Вот его собственное воспоминание:

“Я недолго увлекался метафорой и круто повернул к многозначному символу. С помощью символов стал строить свою поэтическую Вселенную”. (“Рождённый в феврале, под Водолеем...”, предисловие к “Избранному”, М., 1990).

... В этом признании, помнится, мой слух резануло слово “строить”. Когда я стал доискиваться причины, то понял, что оно, в принципе, в одном ряду с ремесленным постулатом Маяковского о *делании* стихов (“Как делать стихи”). Хотя у Кузнецова речь идёт о созидании поэтической Вселенной, а не о написании стихов, “строить” никуда не денешь. Я же считал и считаю, что поэзия в родстве с высокими стихиями души и интуиции, посредством которых, собственно, и познаётся своя поэтическая Вселенная; что же касается “строительства”, то бишь некоего плана, то волевая и умственная (головная) заданность может только нарушить то, что уже — где-то — есть, что нам дано Самим Творцом в его замысле о нас.

В “Воззрении” — вступительной статье к своей последней книге “Крестный путь” — Юрий Кузнецов, по сути, отказался от прежних слов. Он пишет уже отнюдь не о “строительстве” своей поэтической Вселенной:

“В 1967 году у меня, наконец, прорезалось мифическое сознание “в чистом виде”. Я написал свой первый миф: стул в пиджаке сдвинулся с места сам и стал ходить, и даже говорить по телефону.

*Стул в моём пиджаке подойдёт к телефону,
Скажет: — Вышел. Весь вышел!
Не знаю, когда и придёт.*

Так я открыл свою поэтическую вселенную”.

“Открыл”. Это уже истина, и она дана поэту незадолго до скончания его земного века.

Но всё-таки не думаю, что сказанное двумя десятками лет раньше было простой оговоркой либо неточностью. Кузнецов всегда выражался откровенно и прямо. Скорее всего, тогда слова о том, что он “начал строить свою поэтическую Вселенную”, и определяли его творческую работу. То есть он осознавал себя — творцом. Не понимал, что по высшей сути Творец — Один. Даёт — Бог, а мы только находим или же не находим данное Им. “Устройчивость...” же воли, “эмпирически найденный метод” и “практика, имеющая нечто космическое” — это всё лишь помогает или не помогает *найти*. И не более того...

... По мне, самая потрясающая фотография Кузнецова — детская, почти младенческая. Там он рядом с матерью, родными. Вообще в глазах ребёнка лучше всего видна данная ему душа. Мальчику на том снимке два-три года. Его взор глубок, суров и пытлив. Что он вопрошает у мира? Какая сила рвётся наружу? Какие трагедии и бездны открывает в жизни и в душе этот резкий, сосредоточенный, упорный взгляд? Бог весть!

Тут уместно привести его собственное воспоминание:

“Будучи взрослым, я спросил свою мать, каким я был ребёнком.

— Как все дети, — сказала она, — только слишком задумчивый.

Увы, ответ похож на вопрос. Хотя мне никогда не узнать, что думал тот задумчивый мальчик, но, конечно же, в нём таилось всё, что я осознал потом”.

Поэт верил, что его появление на свет напорочила в 1917 году астраханская гадалка, когда предсказала пятилетней девочке, его будущей матери, что в её жизни случится *невероятное*.

“Свой первый символ я увидел воочию, и ему обязан первым воспоминанием. Мне было с небольшим два года. Помню, как долго открывал тяжёлую калитку с высоким кольцом... Выйдя на улицу, увидел сырой, мглистый, с серебряной поволокой воздух. Ни улицы, ни забора, ни людей, а только этот воздушный сгусток, лишённый очертаний. Конечно, такое воспоминание не случайно. Это было то самое туманное дремлющее семя, из которого выросло ощущение единого пространства души и природы. Возможно, оттуда идёт загадка “космической туманности” многих моих строк о мире и человеческой душе”.

Ему было три года, когда на войне погиб отец. “В моём детстве образовалась брешь. Это была сосущая загадочная пустота отцовского отсутствия, которую я мог заполнить только словом... Свои первые стихи написал в девять лет. И долго писал просто так, не задумываясь, что это такое, и не заметил, когда стихи стали для меня всем: и матерью и отцом, и родиной и войной, и другом и подругой, и светом и тьмой”. (“Рождённый в феврале, под Водолеем...”, предисловие к “Избранному”, М., 1990).

Поэзия — вот крест, данный ему Богом и судьбой.

И он понёс по жизни свой крест, всё тяжелеющий с годами, под конец уже никому неподъёмный, понёс не ропща и не отступаясь — к той *дальней горушке*, уготованной на краю дороги, где уже начинается Небо.

Понятие “поэт” включало в себя для Кузнецова всё самое святое, заветное, сущностное, необходимое в жизни. Её смысл и оправдание, её ткань и красоту. Это был для него единственно возможный способ существования и осуществления себя в мире. “Сосущая загадочная пустота отцовского отсутствия”, которую он мог “заполнить только словом”, лишь открыла ему то, перед какими безднами, с рождения до кончины человека, томится в нём его душа. С течением лет это “заполнение словом” душевных, мировых и вселенских бездн становилось всё напряжённее. Кузнецов только наращивал свою поэтическую мощь. Он и в шестьдесят лет, когда многие утрачивают былой творческий жар, отнюдь не исписался, а наоборот — брал новые поэтические высоты. И взял их. Без сомнения, он достиг бы и последней своей вершины — однако смерть не позволила ему закончить поэму “Рай”. Впрочем, и так видно, какое колоссальное творение он задумал и осуществил в цикле своих поэм о Христе. Это был его творческий и духовный подвиг.

Кто измерит глубину того ручья, что течёт в наших жилах? Нету таких удалцов и не будет. Даже формула таинственной влаги, отнюдь не водички, им не по зубам. Это лишь кажется, что её поток движется по кругу. На самом деле он идёт через нас, путём души, из прошлого в будущее и, путём духа, от земли в Небо. Кровь омывается волнами обновлений, но ничего не забывает из того, что было; более того, как непреходящее вещество, она, конечно же, знает и то, что будет.

Поэт — народная кровинка. Самая яркая, самая чувствующая и живая. Потому он больше других обладает изначальным знанием и особым пронизающим чутьём. Поэт глубинно видит свои древние, как хаос и как мир, истоки, он остро различает *своё, родное* в непроницаемой для слабой

интуиции реке времён и, отдаваясь её могучему стремлению, всей разумеющей силой своего естества понимает прошлое, настоящее и провидит будущее. Одновременно с предназначенным ему в жизни испытанием души он совершает духовное восхождение и, насколько ему даровано, постигает Бога, смысл извечной борьбы Света и Тьмы, Божий промысл о судьбе своего народа и человека на Земле. Таков, в высшем проявлении, удел русского поэта, и Юрию Кузнецову он был отпущен сполна.

Кузнецов, не таясь, считал, что поэт — мерило всего сущего, средоточие жизни, её самый чуткий нерв, центр мироздания, точка отсчёта всего происходящего на свете. Поэзия для него — самый точный нравственный и духовный ориентир на земле. Он верил в безусловную правоту поэтического прозрения, на разных этапах жизни заявляя своё неизменное: “Поэт всегда прав — эту истину я знал давно”. Ничему и никому он не был так предан, как поэзии. Звание *поэт* заключало для него все начала и концы. (Недаром он как-то заметил, что сами эти слова “начало” и “конец” — одного корня и раньше были одним словом, цельным представлением). Вся его жизнь подчинялась только поэзии, а быт — бытию.

Разумеется, всё это он напрямую относил к себе, за что и устаивался всю жизнь упрёков в самолюбовании и гордыне. Однако это вовсе не эгоцентризм, как думают многие его критики и недоброжелатели, а — *поэтоцентризм*.

Характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях поэт Евгений Чеканов.

В 1995 году, дома у Кузнецова, они, как водится, выпили, разговорились.

— Юрий Поликарпович, семья ваша бедствует, судьба ваших детей непонятна... Так что главное — поэзия? Или всё-таки, как Розанов говорил, наши дети, “с их тёмным и милым будущим”?

— Поэзия.

— А как же дети?

Он, в страшном гневе, выпучив глаза:

— Да что ты говоришь? Что ты говоришь?!” (“Русский путь на рубеже веков”, Ярославль, 2004, № 2).

Юрий Кузнецов понимал поэзию как высшее служение — и оттого был вполне, если не чересчур, серьёзен в своих стихах.

Множество его произведений буквально пронизаны — если не прямо, то косвенно — живой энергией творчества, гальваническим током поэзии, её нарастающей силой.

Меня несёт на берег высота.

Последний взлёт!..

Перед своим паденьем

Так мощно медлит гребень!..

И чиста

Душа перед своим перерожденьем.

(“Волна”, 1965)

Поэт

Спор держу ли в родимом краю,

С верной женщиной жизнь вспоминаю

Или думаю думу свою —

Слышу свист, а откуда — не знаю.

*Соловей ли разбойник свистит,
Щель меж звёзд иль продрогший бродяга?
На столе у меня шелестит,
Поднимается дыбом бумага.*

*Одинокий в столетье родном,
Я зову в собеседники время.
Свист свистит всё сильнее за окном —
Вот уж буря ломает деревья.*

*И с тех пор я не помню себя:
Это он, это дух с небосклона!
Ночью вытащил я изо лба
Золотую стрелу Аполлона.*

1969

Постепенно эта молодая дерзкая энергия наполняется горечью познания:

*Он видел больше, чем его глаза,
Он тронул глубже зримого покрова,
Он понял то, чего сказать нельзя
И, уходя, не проронил ни слова...*

(“Он видел больше, чем его глаза...”, 1971)

Но стихия творчества неподвластна ничему и никому, даже самому поэту:

*Её изначальная сила
Пришла не от мира сего,
Поэта, как бездну, раскрыла
И вечною болью пронзила
Свободное слово его.*

(“Стихия”, 1979)

*Он поток. Он ломает хребты
И летящих камней не боится.
Он зажмёт им оружие рты,
Он обточит их грубые лица.
Он шумит про своё и ничьё
И уходит в открытое море...*

(“Что тебе до семейных измен...”, 1980)

Поэт, по тогдашнему Кузнецову, явление стихии, сама её мощь; он наделён вольною душой и свободным словом, и творит по своему произволу. Но происхождение этой стихийной силы всё-таки туманно — “не от мира сего”. Не от мира сего — и Ангелы и бесы. Откуда же родом та вольнолюбивая сила? Кузнецова, в конце 80-х, это ещё никак не занимает, он понимает поэта как *стихию вообще*, не давая ей духовных и нравственных знаков отличия. Стихия, сама по себе, представляется им как высшая сила. Но так ли это? Ведь в конце концов не поэтов же называл Христос *солью земли...* (Правда, время, когда родился Кузнецов, обходилось как-то без Иисуса Христа, поколения на Руси уже выросли в безбожии. Не потому ли то сочинители, то актёры, то учёные, то политики, то — как в нынешние

времена — (пardon!) бизнесмены себя любимых считают *первыми, солью земли*, — а публика, что с неё возьмёшь, охотно этому верит?)

О крестном пути в те годы Кузнецов, похоже, ещё не думал. Нет и ясного осознания его. Не крест автор ощущает на своих плечах, но — романтический плащ поэта. Однако и тяжесть этого плаща уже мало кому под силу:

*Плащ поэта бросаю — ловите!
Он согнёт вас до самой земли...*

(“Отповедь”, 1985)

Но вот в тяжёлых сумерках катастроф *плащ поэта* вдруг исчезает, как романтический морок.

*Устал я жить и говорить некстати,
Пускать на ветер лучшие слова!..
От женских слёз, признаний и проклятий
На памяти осталась трын-трава.*

*... Когда я смолк, душа открылась Богу
И в тишине произнесла: — Люблю!*

(“Слово”, 1994)

Не только о земной любви тут речь... Слово-то — поэта!
И вот настает уже у него голимое одиночество, куда от него денешься?

*Жизнь улеглась... Чего мне ждать?
Конца надежде или миру?
В другие руки передать
Пора классическую лиру.*

*Увы! Куда ни погляжу,
Очарованье и тревога.
Я никого не нахожу,
А кто и есть, то не от Бога.*

(“Классическая лира”, 1997)

В 1998 году написано стихотворение “Крестный путь” — трагическое осознание своего предназначения, жизни и судьбы. Потом открылись ещё более горькие истины:

*В толпе утрат меж прошлым и грядущим
Иду один, мне даже невдомёк,
Что здесь никто не думает о сущем,
Никто не знает, как я одинок.*

(“Дымок”, 2000)

Впереди ещё собственный Апокалипсис, свой Страшный Суд — в том числе и над литературой (поэма “Сошествие в ад”).

Путь подходил к концу.

И в последних строках в последней статье “Воззрение” к последней своей книге “Крестный путь” Юрий Кузнецов с полным правом пишет:

“В моих стихах много чего есть: философия, история, собственная биография, но главное — русский миф, и этот миф — поэт. Остальное легенда”.

“Воззрение”...

По сути, это даже не вступительное слово к книге стихов, а крупная теоретическая работа о поэзии. Заглавие перекликается с любимым в молодости Кузнецовым трудом Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу”. В статье же — воззрение поэта Кузнецова на поэзию и на свой путь в русской поэзии. Итоговые размышления. Как всегда предельно скупые на слова, но на редкость глубокие и весомые.

Возможно, как это ни странно прозвучит, я некоторым — косвенным — образом причастен к появлению этой статьи, написанной Юрием Поликарповичем специально для книги “Крестный путь”. А дело было так...

Осенью 2001 года я попросил Кузнецова дать подборку стихов в казахстанский литературный журнал “Нива”, издающийся в Астане (я там жил тогда). Он обещал. И сдержал обещание — прислал новые стихи. Они вышли в февральском номере “Нивы” за 2002 год. Я написал к ним небольшую врезку. И хоть было в ней совсем немного слов, повозиться пришлось полдня: не просто писать о Кузнецове.

Прошу прощения за цитирование себя, но без этого не обойтись для дальнейшего рассказа:

“В его поэзии клубятся русские мифы, а теперь в ней явственно проступает душа-христианка. До него никто с такой мощью не захватывал русскую душу в её целокупности — от преисподней, языческой и земной глубины до высочайших, небесных проявлений духа. И свыше данную нам судьбу он прозрел сердцем и словом пророка.

Теперь уже очевидно, что Кузнецов — великий русский поэт. Его имя в первом ряду русской и мировой поэзии. Его голос перекликается с Гомером, Данте, Пушкиным, Лермонтовым...

Великое всегда тайна. Она непостижима и, вероятнее всего, остаётся навсегда неразгаданной и для призванного ею. Поставим вопрос прямо: зачем нашему лукавому и страшному веку дан поэт столь невиданной силы? Ответ может быть только один: затем чтобы выразить тот неумолимо совершающийся в мире *переход*, который святыми отцами Церкви назван *последними временами*. Дешёвый политиканский оклик начала XX века: “С кем вы, мастера культуры?” давно уже сменился сущностным вопросом: “С кем ты, человек? С Христом или с антихристом? С Богом или с дьяволом?”. И Кузнецов своей поэзией и судьбою даёт русский ответ”.

Я отослал Юрию Поликарповичу журнал, а через несколько месяцев приехал в Москву. Договорились встретиться у гостиницы казахстанского посольства на Чистых Прудах.

Он только вернулся с Колымы и, усталый после дальнего перелёта, ворчал на разбитые тамошние дороги и плохую водку. Зашли ко мне в номер. На столе со вчерашнего стояла початая бутылка виски, и я предложил выпить. Пренебрежительно и с сомнением покосился Поликарпыч на этот заморский продукт и нехотя поднял стопку.

— Ну, не из лихости, а для поправки, — сказал он в напутствие.

Я было кинулся к холодильнику за закуской, но Кузнецов остановил меня. Взял со вчерашней же тарелки подвявшую дольку болгарского перца.

— Этого достаточно.

Выпили ещё по полстопки, и он засобирался по делам.

В зале у проходной неожиданно увлёк меня в сторону, тяжело, словно бы недовольно буркнул:

— Поговорить надо.

Далее последовала продолжительная пауза.

— Я прочитал твою заметку... — тем же тоном начал Кузнецов. — Даже её ксерокопировал (тут мне стало смешно — так забавно было услышать из уст Кузнецова это нелепое импортное слово)... Не потому, — проворчал он, — что ты меня там великим назвал (он поморщился)... Мысли там глубокие. Ты вот что... я книгу готовлю, самую полную, стихи и проза... ты напиши к ней предисловие.

Признаться, я немного оторопел от этого неожиданного предложения, прозвучавшего, впрочем, вполне серьёзно.

— Что же, тут в Москве написать некому? — брякнул я Юрию Поликарповичу. — Вон, Кожинов о вас всё время пишет..

— У Кожинова всё по-научному... — пробурчал Кузнецов.

— А Коля Дмитриев?.. (Н. Дмитриев написал обстоятельное предисловие к его недавней книге “До последнего края”).

— У Дмитриева мне пришлось многое повычёркивать. И всё равно... кое-что осталось! Он ставит меня рядом со Смеляковым (возмущённо). Я и Смеляков! Разве так можно?! (Н-да, певец комсомольской “Строгой любви” — и Кузнецов!) А он даже не понимает..

Вот такой вышел разговор... Я тогда пообещал Кузнецову, что напишу. Договорились: пришло к осени. Но... события, что случились потом в моей жизни, отодвинули всё на свете. И к установленному сроку предисловия я не написал.

А в следующем году была ещё одна встреча, на этот раз, как обычно, у него в редакции. Я объяснил Юрию Поликарповичу мои обстоятельства.

— Ничего, ничего... — мягко возразил он. — Ты это... не торопись. Книга пока не выходит. В издательстве тянут, денег нет. Время ещё есть... не торопись. На вот, почитай.

И он протянул мне стопку машинописных листов. Это было начало поэмы “Рай”...

Мало Кузнецову уже оставалось времени на Земле. Видно, пождал-пождал он меня, а там вдруг книгу срочно решали издать (но опять не издали) — да и сам сел за стол и написал “Воззрение”.

И — хорошо!

(Кто бы точнее его самого сказал то, что он поведал о мифическом сознании, о своём пути в поэзии. Жаль, конечно, что на какое-то время ему пришлось отложить в сторону свою заключительную поэму, от которой он так не хотел отвлекаться!..).

Зачем же Юрий Кузнецов всю жизнь создавал этот свой миф о поэте? Зачем творил другие мифы — о России, о русской душе, о Христе?

Возможно, это странные вопросы, но кто ответит на них? Кто знает ответ?

Попытаться разгадать причину, конечно, можно... но оставлю это напоследок. А пока...

... Пока поговорим о природе той силы, которую, я думаю, ощущает любой, читая стихи Кузнецова.

Вот, например, что вспоминает об этом священник и поэт о. Владимир Нежданов:

“Откровением за последние годы для меня стало позднее творчество Юрия Кузнецова — великого русского поэта, безвременно ушедшего. Поражают мощью замысла и поэтического воплощения его поэмы о нашем Спасителе — Иисусе Христе. Последняя “Сошествие в ад” только внешне и отдалённо напоминает “Ад” Данте, у которого в аду оказались в основном личные, политические враги. У Кузнецова же — это вселенский плач по безвозвратно погибшей человеческой душе... Поэма полна трагизма — она о нашем времени. В небольшой поэме “Красный сад” буквально ощущаешь дыхание и благоухание Райского сада. Это его прообраз. В последние годы в творчестве поэта произошёл поэтический взрыв огромной силы, его вселенная расширилась... Дерзновение поэта было великое, и помощь от Бога — великая. Помню последнюю нашу встречу — за неделю до смерти поэта. Мы вышли из редакции “Нашего современника”, был осенний вечер. Только что Юрий Кузнецов читал мне недоконченную поэму “Рай”. И прощаясь, вдруг остановился и спросил: “Знаешь, что последует за этой поэмой?”. И, не дожидаясь ответа, выдохнул мне в лицо: “Страшный Суд!”. Это были его последние слова в ту последнюю нашу встречу... Как никогда он чувствовал в себе необыкновенную силу воплощения в поэтическом слове любого замысла. Иногда, как Илья Муромец, он приговаривал: “Чувствую в себе силу великую!” (“Литературная Россия”, 2005, № 25).

В одной из попутной этим заметкам книг (кстати, подаренной о Владимиром Неждановым) встретились мне слова из “Беседы трёх святителей”, относящейся к XI веку:

“Что сильнее всего в человеке? Сильнее всего в человеке правда и любовь; такой человек не побоится ничего; правда и любовь спасает человека от смерти, а если человек воскрешает мёртвых и передвигает горы, но нет в нём ни любви, ни правды, но он — ничто”.

Это — о Кузнецове. Редкая правдивость отличала его и в жизни, и в творчестве. словно крупные кристаллы соли она выступала в его характере. Прямота и правдолюбие были в нём непременным условием познания истины. Во вред себе (житейскому), но не во вред Себе (сущности) — это было в крови и в поведении. Собственно, все кузнецовские “дерзости” и “эпатажные” заявления, будь они в стихах или в речах на писательских собраниях и статьях о литературе, таковыми вовсе не были. Это было простодушное, непременно искреннее, серьёзное, прямое и бесстрашное выражение его чувств и мыслей. “На сегодняшнюю жизнь смотреть страшно, и многие честные люди в ужасе отводят глаза. Я смотрю в упор”, — сказал он в интервью Г.Красникову в октябре 1998 года. Вот продолжение его мысли: “Есть несколько типов поэтов. Я принадлежу к тем, кто глаза не отводят. Но есть другие типы, которые отводят инстинктивно. Они не могут иначе, и упрекать их за это не надо. Например, для Есенина увидеть нашу действительность было бы подобно тому, как если бы он увидел лик Горгоны, от взгляда которой все увидевшие превращаются в камень. Есенин же тоже окаменел на месте. А Блок лицом к лицу — лицо увидел... и сторел”.

Ну, положим, Есенин всё-таки увидел лик Горгоны (немногим этот лик отличался от нынешнего, впрочем, ещё более страшного), но недолго он смотрел на Медузу — погиб. А насчёт Блока — согласен...

Смотреть в упор на Горгону, тут не только мужество требуется — тут нужна и не уступающая ужасному омертвляющему лику сила собственного взгляда, равная силе духа. И она в Кузнецове была. И она видна — в силе его слова.

Святым отцам Церкви вторит и русская пословица — “Правда силу родит”.

В предисловии к своей последней книге “Крестный путь”, названном “Воззрение”, нет ни слова о правде. Это само собой разумеющееся, как в жилах кровь.

Лишь несколько слов о любви:

“В двадцать лет я обнаружил святость в земной любви...”

Люблю — самое расхожее слово в мире. Особенно фальшиво оно звучит на сцене... Но это табуированное слово навсегда осталось для меня святым”.

В любви к Родине соединяется и земное, и неземное. Здесь табу ещё строже:

“... Потом я ушёл в армию на три года, два из них провёл на Кубе, захватив так называемый “карибский кризис”, когда мир висел на волоске. Там мои открытия прекратились. Я мало писал и как бы отупел. Я думал, что причина кроется в отсутствии книг и литературной среды, но причина оказалась глубже. На Кубе меня угнетала оторванность от Родины. Не хватало того воздуха, в котором “и дым отечества нам сладок и приятен”. Кругом была чужая земля... Впечатлений было много, но они не задевали души. Русский воздух находился в шинах наших грузовиков и самоходных радиостанций. Такое определение воздуха возможно только на чужбине... Тоска по родине была невыразима”.

Наконец, высшая любовь — неземная, к Богу. Тут Кузнецов предельно скуп на слова:

“Я долгие годы думал о Христе. Я Его впитывал через образы, как православный верующий впитывает Его через молитвы...”

Образ распятого Бога впервые мелькнул в моём стихотворении 1967 года — “Всё сошлось в этой жизни и стихло”. Мелькнул и остался, как второй план. Это была первая христианская ласточка. С годами налетела целая стая: “На краю”, “Ладони”, “Новое небо”, “Последнее искушение”, “Крестный путь”, “Призыв”, “Красный сад”, “Невидимая точка” и другие.

После них я написал большую эпическую поэму “Путь Христа”. Это моя словесная икона. Последующая за ней поэма “Сошествие в ад” — моё самое сложное произведение...”.

И тут, как видим, ни оттенка декларативности. Кратчайше — пунктиром — о стихах и поэмах, что касаются Бога и Православной веры. А ведь это вехи его крестного пути, воплощённые в слове, — и какие!..

Чего стоит даже одно стихотворение, 2001 года:

*Полюбите живого Христа,
Что ходил по росе
И сидел у ночного костра,
Освещённый, как все.*

*Где та древняя свежесть зари,
Аромат и тепло?
Царство Божье гудит изнутри,
Как пустое дугло.*

*Ваша вера суха и темна,
И хромает она.
Костыли, а не крылья у вас,
Вы разрыв, а не связь.*

*Так откройтесь дыханью куста,
Содроганью зарниц —
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.*

Какая глубина сердечного чувства и чистота звука, какая горечь по утраченной истинной вере, какая живая надежда на возвращение к Богу!..

Это стихотворение перекликается — сквозь полтора столетия — с прекрасными тютчевскими строками:

*Удручённый ношой крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.*

(Хотя Кузнецов, в отличие от Тютчева, говорит не только о русских верующих и о России, но, кажется, обо всех на Земле).

“Сильнее всего в человеке правда и любовь...”

В этих простых и бесконечно глубоких словах трёх святителей дан ответ, что есть высшая суть русского православного человека. Правда даётся любовью, а любовь правдой. Правда рождает любовь, а любовь рождает правду. Как однокоренные слова “начало” и “конец” составляли раньше цельное понятие, так и “правда” с “любовью” — одного корня, только корень этот не словесный, а духовный. Это правда наделяла Кузнецова даром так сильно любить отца, поэзию, Россию, Бога. Это любовь одарила его такой высокой правдой об отце, о жизни, о войне, о Родине, о Боге. Эти два понятия неразъединимы в нём.

Да, быть может, в чём-то Кузнецова порой и заносило в его беспощадной категоричности (тяжело на душе и даже нехорошо от его некоторых строк, посвящённых отцу, судьбе России); да, возможно, иногда его захлёстывало своей волной воображение (поэмы о Христе) — но всё это частности, исключения, не меняющие высокой сути его творчества, его правды и любви, наделившей поэта великой силой слова.

“Воззрение”, последняя статья Юрия Кузнецова, целиком посвящена главному для него в поэзии — русскому мифу. “И этот миф — поэт”, — заключает он. Своё “резко выраженное мифическое сознание” он рассматривает в русле русского и мирового фольклора и русской классической поэзии (захватывая, впрочем, и прозу). Это сознание поэт считает наиболее полным носителем народного духа. Согласно его взгляду, им обладали Пушкин, Лермонтов, Тютчев, в меньшей степени Державин, Боратынский, Фет. “К двадцатому веку мифическое сознание в русской поэзии измельчало”, — утверждает Кузнецов, выделяя в минувшем столетии совсем немногих: Есенина, Сологуба (“почти выродилось”), Клюева (“застыло в догмате”), Тряпкина. (Ни слова о Блоке). Удивительное признание о себе:

“Как поэт я больше был бы у места в дописьменный период, хаживал бы по долам и горам и воспевал подвиги Святогора. Но на всё промысл Божий. Я родился в прозаическом двадцатом веке. Впрочем, он тоже героический, но по-своему. И в нём оказался только один богатырь — русский народ. Он боролся с чудовищами и даже с собственной тенью. Но это богатырь, так сказать, рассредоточенный. Его нужно было сфокусировать в слове, что я и сделал. Человек в моих стихах равен народу”.

Почему же поэт придавал такое значение мифу?

Потому что “мифическое сознание неистребимо”.

Миф — явление земли и духа. Так, миф о России — явление земной и небесной Руси.

Именно земная — *живая* — сущность мифа особенно привлекала Юрия Кузнецова. В “Воззрении” он приводит основополагающую мысль философа А. Ф. Лосева из его “Диалектики мифа”:

“Для мифического сознания всё явлено и чувственно ощутимо. Не только языческие мифы поражают свежей и постоянной телесностью и видимостью, осязаемостью. Таковы в полной мере и христианские мифы, несмотря на общепризнанную и несравненную духовность этой религии... Как бы духовно ни было христианское представление о Божестве, эта духовность относится к самому смыслу этого представления; но его непосредственное содержание, то, в чём дана и чем выражена эта духовность, — всегда конкретна, вплоть до чувственной образности. Достаточно упомянуть “причащение плоти и крови”, чтобы убедиться, что наиболее “духовная” мифология всегда оперирует чувственными образами, невозможна без них...”.

Незадолго до смерти, в беседе с критиком Владимиром Бондаренко, Кузнецов, отвечая на вопрос: в чём творческая задача его последних поэм, сказал:

“Я хотел показать живого Христа, а не абстракцию, в которую Его превратили религиозные догматики. В живого Христа верили наши предки, даже в начале 20 века верили. Потом Он превратился в абстракцию. Сейчас верят не в Христа, а в абстракцию, как верили большевики в коммунистическую утопию”. (“Завтра”, 2003, № 33).

Тут вдруг вспоминается мне одна простая старуха, что шагала передо мной с зажжённой свечой в узких тёмных катакомбах Киево-Печерской Лавры. Она прикладывалась к мощам святых угодников, что покоятся там, по-домашнему приговаривая им: “Родненький! Помолись там за нас...” и шептала им что-то своё, горячее, сердечное. Видно было по всему: говорит с ними, как с самыми близкими, *живыми*, в полной уверенности, что её слышат и что ей помогут.

Нет, и в начале 21 века остались ещё в русском народе те, кто верит в живого Христа!..

Хотя в общем Кузнецов, пожалуй, прав: Спаситель превратился для многих в умозрительный образ, в некую абстракцию.

В той же беседе с Владимиром Бондаренко Юрий Кузнецов прямо заявил:

“Задача всего моего творчества — вернуть русской поэзии первичность, которую она утратила в 20 веке”.

Вот зачем ему был нужен миф.

Миф давал живое, а не видимость живого. Литературу, а не литературщину.

Поэт отрицал любые игры рационализма под видом литературы, — а интуицию считал Божьим даром.

Привыкший доходить до конкретной первоосновы, он обращал внимание своих студентов в Литинституте на строение и функции головного мозга. Левое полушарие отвечает за речь, рацию; правое — за искусство, воображение, интуицию, чутьё. Весь мир пошёл налево, — говорил он слушателям, — а слева за плечом человека стоит тёмный ангел. Вот откуда такая пропасть рассудочных стихов: в искусстве утрачена интуиция.

Интереснейшими воспоминаниями о Кузнецове поделился после его кончины писатель и филолог Сергей Небольсин:

“Есть *лад* и *миф*, — однажды растолковывал он. — *Лад* — великая и прекрасная вещь; недаром и книга Белова великолепа. ... Так вот, *лад* великолепен, но он ушёл и его не возродить. Ну, не возродить, и всё! А *миф* остался, его труднее выветрить, и пока есть *миф*, есть и народ. Мифом и надо писать, я так и пишу. Миф — это тебе не разные там “как будто”. Это не “как будто ветренная Геба, кормя Зевесова орла” и т.п., а доподлинные боги и божественные орлы, если цепляться за тютчевскую метафору. Тайна — не загадка с разгадкой, а безусловная неразрешимая загадочность чуда и его безусловная правда”. (“Наш современник”, 2004, № 11).

“... Пока есть миф, есть и народ”.

Русский человек — духовное понятие, — говорил Кузнецов. — Мы смешанный народ. (По воспоминаниям Марины Гах. “Наш современник”, 2004, № 11).

Ученик Бахтина, литературовед В.Фёдоров ещё в 1990 году глубоко заметил: “Человек для Ю.Кузнецова — не то существо, что пребывает в малом и частном историческом времени, но целое человека (равно целому народу), которое, проявляясь по-разному в разные времена, остаётся неизменным по своей внутренней сути. Поэт как бы “собирает” такого человека: входя в конкретную историческую эпоху, он не остаётся в ней, но и не связывает прошлое с настоящим..., а строит, созидает “большое время”, соразмерное человеку “во всей полноте его человеческого бытия...”.

Кузнецов *собирал* русского человека, русскую душу, *собирал* на самое тяжкое испытание — на *последние времена*.

Можно только догадываться, в каких мирах побывал он в своём воображении, что предчувствовал своей глубокой интуицией, какие мысли обдумывал своим сильным и беспощадным философским умом, что пережил своим сердцем.

Он ворочал глыбы, этот богатырь, которому Бог не дал воспевать подвиги Святогора, похаживая в дописьменную эпоху по родной земельке. Но зато Бог дал ему пойти с крестной ношей вослед за Спасителем. И поэт вполне мог прозреть в своих пророческих видениях Конец Света на Земле, когда рухнет всё, когда безумные цивилизаторы влезут с ногами в душу человека, чтобы им помыкать как двуногим рабочим скотом. Что останется у людей в эту — послеписьменную — эпоху небывалого рабства? — Только мифы.

И Кузнецов сделал то, что промыслил ему Господь на земле, — создал русский миф.

В его мифе неразъединимы и миф о России, и миф о Христе. Как неразъединим с Христом путь самой России.

Поэт совершает предельно возможный ему подвиг — наперёд спасает свою Родину и свой народ в их вероятном самом страшном будущем.

Вот это и значат, по сути своей, последние слова Юрия Кузнецова о собственной поэзии: “В моих стихах главное — русский миф, и этот миф — поэт”.

“Всё, что касалось меня, я превращал в поэзию и миф. Где проходит меж ними граница, мне как поэту безразлично”. (“Воззрение”).

“Явление выдающегося поэта не может быть случайным событием... На мой взгляд, закончен огромный отрезок русской истории, и великая русская культура ушла на дно, как Атлантида, которую нам предстоит ещё искать и разгадывать. Именно поэтому в конце такого долгого исторического времени появился такой поэт, как Юрий Кузнецов, поэт чрезвычайно редкой группы крови. ...Я пытался понять, ...откуда происходит Юрий Кузнецов? Он, как всякое очень крупное явление, в общем-то вышел из тьмы, в которой видны некие огненные знаки, которые мы до конца не понимаем. Нам явлен поэт огромной трагической силы, с поразительной способностью к формулировке, к концепции. Я не знаю в истории русской поэзии чего-то в этом смысле равного Кузнецову. Быть может, только Тютчев?!”

Он — поэт конца, он — поэт трагического занавеса, который опустился над нашей историей. Он силой своего громадного таланта может сформулировать то, о чём мы только догадываемся. Он не подслащивает пилюлю... Он один из самых трагических поэтов России от Симеона Полоцкого до наших дней. И поэтому та часть русской истории, о которой некогда было сказано, что Москва есть Третий Рим, кончается великим явлением Кузнецова”.

Так сказал поэт Евгений Рейн в своём поздравительном слове на 60-летний юбилей Ю. Кузнецова. (“День литературы”, 2001, № 3).

Е. Рейн — единственный писатель из “либерального лагеря” российской литературы, кто всерьёз откликнулся на явление Юрия Кузнецова. Остальные молчат, упорно, скорее, систематически-дружно — словно бы приказ им такой поступил, словно нет никакого “явления” и поэта Кузнецова вовсе не существует. Поклон вам, Евгений Рейн! Хоть один нашёлся, кто любит литературу больше партийности в ней родимой. А то ведь писатели, сидючи по своим станам — либеральному и патриотическому, — что греха таить, просто-напросто дичают. Перья свои уж не просто, по завету Владимир-Владимыча, приравняли к штыку, а превратили в штыки, и *всяк колет, рубит, режет*, и чужих (как либералы), и чужих и своих (как патриоты).

Замечательно сказал в своём слове Евгений Рейн. Но кое-что почудилось мне спорным. Оставлю за рамками этих заметок серьёзный разговор, однако сказать несколько слов всё-таки надо.

Ушла ли на дно русская культура, это большой вопрос. Она же сама — океан! Ну, разбило волнами истории караван кораблей, танкеров и судов, разлились по воде нефтяные пятна, болтаются кучи трухи и мусора. Ничего, пройдёт — океан и не от того очищался. Теперь о другом, более важном: кончается ли Третий Рим? По множеству признаков, вроде бы так. (Ах, как этого желают те, кому “имя — легион”). Но и тут — как Бог даст да как народ управится с самим собой и своей державой. Но вот, действительно, вопрос: откуда, из какой “тьмы” (в которой видны “некие огненные знаки”) взялся Юрий Кузнецов?

... Астраханская гадалка напророчила его будущей матери *невероятное* — рождение поэта — летом 1917 года. Страшный тектонический разлом русской жизни. Февраль уже размыл бастионы, монарха подлостью и обманом уже вынудили отречься от престола. Вскоре девятый вал Октября разрушил страну окончательно. Империя погибла — и возродилась уже не той. Новая, советская, — уничтожила все старые сословия. Конечно, не сразу (с маху это просто невозможно) — разорила и почти уничтожила крестьянство. Погибло крестьянство (в наше время дотлевают остатки) — но прежде заговорило, создало свою литературу. Дворянской — от Державина и Пушкина до Бунина — уже не осталось, отговорили тёмные аллеи усадеб. Но Русь не может молчать. Заговорила роцца золотая: Есенин, Клюев, П. Васильев. И она потом отговорила, вырубленная красным топором. Другая Русь заговорила — мужичья. Сначала был Шолохов. (В “Тихом Доне” никакой “книжности”. Почти все герои — простой люд, ни у одного классика прежде никогда такого не было. Все эпитафии — из народных казачьих песен. В романе ни на грош интеллигентщины. Ну а если мелькнула разок “книжность” (дневники молодого Листвицкого), так то нарочно, с усмешкой, если не с презрением, — чтобы показать, как чужеродно это выморочное сознание всем тем, кто живёт настоящей жизнью на земле). Мужик — заговорил. Отучили его петь песни, которых ему прежде вполне доставало, отняли его письменную речь, которой владели дворяне, — и он сам начал писать. Русская поэзия тоже не вся пала в камерности Серебряного века и в камерах века Советского. Началась великая война в 1941 году — и с долгом ратным взвалил на себя русский мужик и долг песенный, поэтический. Так появился Твардовский. Потом, чтобы отпеть крестьянство, явились “деревенщики”: Белов, Астафьев, Носов, Распутин. Запел стихи Тряпкин, запел песни Рубцов. Но то песни... И вот появился Юрий Кузнецов, крестьянский внук и сын солдата, — и дала о себе знать, никем и ничем не убиенная, могучая русская поэтическая мысль. Та, что идёт от Автора “Слова о полку Игореве”, от митрополита Илариона, от Державина, Пушкина, Тютчева, Боратынского.

Но это пласт, так сказать, социальный.

Возьмём другой, что глубже, — религиозный. Кто в русской поэзии 19 века поднялся до духовной высоты державинской оды “Бог”? Нет ответа. Одинока и недосыгаема та сияющая белоснежная вершина. Где-то рядом поздний Пушкин со своим последним циклом стихов, глубоко православных по духу. (Я не согласен с Ю. Кузнецовым, который сказал в “Воззрении”, что небо Пушкина неправославно и в нём царит Аполлон с музами. Это касается разве что юного Пушкина).

Итак, Золотой век русской литературы, русской поэзии. Могучая держава, твёрдые устои, в народе — глубокая, не рассудочная, а сердечная вера. Но высшее общество уже тронута распадом, дворянство поражено масонской гнилью, вспенившейся в 1825 году на Сенатской площади. Чуткая к прогрессу словесность уже вольтерьянствует, поэты “шалют” с религией, играют в записные “афеи” (атеисты). Николаю I было ещё по силам “подморозить” Россию, но после него дух стал стремительно падать. Разночинная чернь изъела благородное золото века. Лишь Достоевский по-настоящему прозрел, ожидая казнь на плацу. То будущее России, что ему впоследствии открылось в пророческих видениях, было ужасом и гибелью всего самого заветного и катастрофой для народа. Но никто уже всерьёз не слушал и не понимал его пророчеств...

В следующем, Серебряном веке уже не шутки шутили с Богом, а напрямую и всяким способом заигрывали с дьяволом. Добивались его расположения. И добились. Жеманничали при этом: “Кокаина серебряной пылью/ Мою молодость вдаль унесло...”. Не этой ли пылью посеребрён Серебряный век русской литературы? Тютчевское “не плоть, а дух растлился в наши дни” зазвучало как нечто старомодное: всё растлилось, и весьма охотно. Богохульство, а потом и остервенелое кощунство превратилось в норму (особенно хамским это было у раннего Маяковского).

Советская власть сделала сатанизм своей идеологией. Она планомерно истребляла всех верующих. Резала по-живому, выкраивая из “народа Креста” советский народ. Мелкие бесы вырвались из скучных сологубовских кошмаров и стали *активистами* — и влетели в кого ни попадая на своём пути. Не увернулись от них и поэты, впрочем, не особенно и береглись. Блоку в видениях примстился Христос, с католическим венчиком из роз (“как кисейная барышня”, — иронически усмехался Кузнецов), во главе двенадцати, по числу апостолов, грабящих и убивающих революционных матросов. Есенин повенчал белую розу утраченной веры с чёрной жабой богохульства, испохабив стены Страстного монастыря (но душа его всё же болела и ныла по Богу). Пашка Васильев, тот в молодой хулиганской удали, сшиб зачем-то крест с павлодарской церквушки. Рухнула вера, но страна была ещё сильна. Сталин железной рукой, не считаясь с жертвами, выковал мощную державу, вождь всё-таки был государственным, впитавшим с детства имперский дух России, а не партийным болтуном. Последним взлётом советской империи стала победа над германским фашизмом (с которым, впрочем, как во времена Наполеона, шла на Россию вся Европа). Очень дорогой для народа была цена этой победы, силы были подорваны. Да, ещё Гагарин взлетел над Землёй!.. Но уже пришло время партийных прохвостов без царя в голове. И вскоре они сдали могучую страну и уставший обезбоженный народ — на добычу исконным врагам России.

Что же осталось в итоге?

Ни Бога, ни державы...

Вот, Евгений Рейн, из какой тьмы русской судьбы (если говорить лишь о недавней истории) произошёл Юрий Кузнецов.

Да, я ничто, но русское ничто.

“Тьма...”? О! Русская тьма, как русская душа, глубока и не всякому проглядна...

Мы тёмные люди, но с чистой душою.

Мы сверху упали вечерней росой.

Мы жили во тьме при сияющих звёздах,

Собой освежая и землю и воздух.

А утром легчайшая смерть наступала,

Душа, как роса, в небеса улетала.

Мы все исчезали в сияющей тверди,

Где свет до рожденья и свет после смерти.

(“Тёмные люди”, 1997)

“... в которой видны некие огненные знаки”?

И я вошёл в огонь, и я восславил

Того, Кто был всегда передо мной.

*А пепел свой я навсегда оставил
Скитаться между небом и землёй.*

(“Невидимая точка”, 2001)

“... Третий Рим кончается”?

*Шёл старик и шатался, заснув на ходу.
— Ты откуда идёшь? — Он ответил: — Иду
Из пустыни разбитого духа.
Я строитель. Я видел, как рушилась твердь,
Как страна принимала последнюю смерть,
Вопль “спасите!” летел мимо слуха.
Вот что смог унести я с собою в горсти,
Что успел я из Третьего Рима спасти
Среди труса, пожара и дыма! —
Он песчинку в раскрытой руке показал.
— Вот твердыня! — он голосом веры сказал, —
Вот основа Четвёртого Рима!*

(“Строитель”, 1993)

Это русский народ говорит устами поэта.
А народ — детище Бога...

Кузнецов глядел в упор на эпоху, не отводя глаз, и видел всё. Духовная разруха, опустошение душ, крах государственности, падение в бездну распада, вырождающийся и гибнущий народ...

Невыносимой болью насквозь пронизаны его стихи, и особенно в последние годы жизни.

*Вон уже пылает хата с краю,
Вон бегут все крысы бытия!
Я погиб, хотя за край хватаю:
— Господи! А Родина моя?!*

(“Последняя ночь”, 1993)

Близок предел. Счёт последним минутам идёт...

(“Время человеческое”, 1994)

*— Всё продано, — он бормотал с презреньем, —
Не только моя шапка и пальто.
Я ухожу. С моим исчезновеньем
Мир рухнет в ад и станет привиденьем —
Вот что такое русское ничто.*

(“Последний человек”, 1994)

*К перемене погоды заныла рука,
А душа — к перемене народа.*

(“Предчувствие”, 1998)

Туман остался от России...

(“Призыв”, 1998)

*России нет. Тот спился, тот убит,
Тот молится и дьяволу и Богу.
Юродивый на паперти вопит:
Тамбовский волк выходит на дорогу!*

(“Тамбовский волк”, 2003)

И вот “мать честная” — Россия — в одном из последних его стихотворений говорит:

— А народ рожала я на диво,
А родной, не знавши ничего,
Встал на диво и махнул с обрыва,
Только я и видела его...

(“Голубая падь”, 2003)

А потрясающие картины Преисподней и страшные откровения его Апокалипсиса — поэмы “Сошествие в ад”!..

Несомненно, все эти стихи — *последних времён*, которые поэт видит воочию.

В ответ на вопрос Владимира Бондаренко: “Верить ли ты сам в своё сошествие в ад и пусть и неким воображением” Кузнецов ответил: “Это всё действительно было! Поэт сошёл в ад. Если это литература, то поэме моей грош цена”. (“ExLibris”, 2004, № 19).

Недаром и в стихах всё чаще встречается слово “последний”:

Шагнули в бездну мы с порога
И очутились на войне,
И услышали голос Бога:
— Ко Мне, последние! Ко Мне!

(“Призыв”, 1998)

Царевна спящая проснулась
От поцелуя дурака.
И мира страшного коснулась
Её невинная рука...

А в этой тьме и солнце низко,
И до небес рукой подать,
И не дурак —
Антихрист близко,
Хотя его и не видать.

(“Прозрение во тьме”, 2003)

Последние времена близки, а скорее, уже наступили — и каждый волен поддаться антихристу или же последовать за Христом.

Кузнецов, по сути, уже отвергает литературу во имя духовного подвига. Поэт принимает истинную крестную ношу. Он пишет поэмы “Путь Христа”, “Сошествие в ад”, “Рай”... Он смиренно следует за Спасителем. Другой путь для него немыслим.

И даже незаконченный “Рай”, как поведал о том о. Владимир Нежданов, не казался ему пределом — он замысливал уже “Страшный Суд”. Такой беспримерно дерзновенной была в Кузнецове та могучая небесная тяга, что влекла его дух к высшей правде бытия.

... Спасение же поэт увидел только в возвращении ко Христу. В истинной народной вере — в живого Христа, а не в ту абстракцию, в которую Он был превращён.

Эта единственная надежда прозвучала поначалу в его стихах.

Голос был свыше, и голос коснулся меня
 За полминуты до страшного Судного Дня:
 — Вот тебе время — молиться, жалеть и рыдать.
 Если успеешь, спасу и прощу. Исполать!
 (“Время человеческое”, 1994)

*Твоя рука не опускалась
 Вовек, о русский богатырь!
 То в удалой кулак сжималась,
 То разжималась во всю ширь...*

*Теперь во тьме духовной рвани
 И расщеплённого ядра
 Дыра свистит в твоём кармане
 И в кулаке гудит дыра.*

*Врагам надежд твоих неймётся.
 Но свет пойдёт по всем мирам,
 Когда кулак твой разожмётся,
 А на ладони — Божий храм.*

(“Рука Москвы”, 1997)

Но особенно мощно спасительная надежда сказалась в его поэмах о Христе.

Поэт — в сердце народа, считал Кузнецов. Человек в моих стихах приравнен народу, — говорил он.

Поэт Кузнецов пошёл за Иисусом Христом — и не погиб в аду (но увидел всю родимую и иноземную нечисть, горящую в преисподней).

Это народ — в образе поэта — побывал в аду. И, опалённый, потрясённый, идёт в Рай, где давно уже молятся за него те, кто представляет Небесную Русь...

Слово обладает разрешительной силой: “Болящий дух врачует песнопенье” (Боратынский). У иного в стихах печаль, тоска, трагизм — а внутри свет и радость. Ибо тяжкие состояния души он *разрешил* своим же словом. А другой всё веселится да оптимизмом заряжает, а в душе мрак и уныние... Возможно, Кузнецов кому-то и в творчестве и в жизни казался тяжёлым, угрюмым, но, мне сдаётся, это впечатление обманчиво.

Горькое лечит, сладкое калечит, — говорит пословица. Е. Рейн точно заметил: Кузнецов не подслащивал пилюлю. “Мрачные идеи, сейчас побеждающие в реальности, в кузнецовском мире обречены на поражение. В современной России “Великая война” кажется проигранной. Но в “Пути Христа” и в “Сошествии в ад” о поражении не может быть и речи, потому что жив Бог”, — делает вывод Алексей Татаринov в статье “Последние апокрифы”. (“День литературы”, 2006, № 10).

И сам Кузнецов не числил себя в пессимистах. Он считал пессимизм тупиком, исключаяющим творчество:

“Конечно, современность наша не особо способствует оптимизму, но я чувствую, что сам я полон и творческих замыслов и сил. А ведь я живу не в безвоздушном пространстве, что-то вокруг питает эти замыслы и силы. Поэтому у меня есть чисто интуитивная уверенность, что у России много ещё впереди”. (“Десятина”, 2002, № 6).

... А друзья и товарищи этого прямого и сурового человека вспоминают его редкую, но удивительно светлую — *детскую* — улыбку.

Увы, сам я этой его улыбки никогда не видел...

Человек рождается чистым, вступая в мир, искажает свою душу и до старости освобождается, возвращается к детской чистоте, — говорил Кузнецов своим студентам.

Он умер не во сне, как об этом написал поэт Владимир Костров в стихотворении памяти Кузнецова, напечатанным “Литературной газетой” сразу по кончине поэта.

Жена Юрия Поликарповича рассказала мне, что утром 17 ноября он собрался на работу. Оделся, сел в кресло — и вдруг сказал:

— Мне надо домой.

— Юра, ты же дома...

— Домой! — снова сказал Кузнецов.

Это были его последние слова.

Врачи “скорой помощи” уже не застали его в живых...

Домой... Туда, где вечный Небесный Дом...

Поэт всегда прав, даже если ошибается, — говаривал Юрий Поликарпович. И добавлял о себе: — Я ошибок не боюсь. Он верил в присущее поэту духовное зрение.

“Поэзия, конечно же, связана с Богом. Другое дело, что сама по себе религия, и особенно религия воцерковлённая, может существовать без поэзии, в то время как поэзия без религиозного начала невозможна. Поэт в своём творчестве выражает всю полноту бытия, не только свет, но и тьму, и потому ему трудно быть вполне ортодоксальным, не в жизни, конечно, а в поэзии”.

На вопрос, возможно ли понятие “православный поэт” в строго догматическом смысле слова?, Кузнецов ответил:

“Это бессмыслица. Но, как мы уже говорили, поэзия связана с Богом, и прежде всего с Христом, ибо Он есть Слово. Мне хочется надеяться, что поэтическое творчество всё-таки богоугодно. Недаром в лучших своих образцах поэзия очень похожа на молитву”. (“Десятина”, 2002, № 6).

Слова, сказанные на кончину поэта, подтверждают его надежду. Я приведу только некоторые из множества.

“Мы, любившие его как человека, преклонявшиеся перед его поэтическим даром, — всегда знали, какую духовную брань он ведёт с силами зла в пространстве “между миром и Богом”. И сам он казался вечным в бесконечной этой брани...”

Русская история и её великие творцы — преподобный Сергий Радонежский, святой воин Пересвет, митрополит Иларион обретали под его пером новую жизнь. История и современность сливались в его поэтическом сознании в единый неразделимый поток....

Его “сошествие во ад” было продолжением той брани с невидимым злом, что стоит между миром и Богом, которую он вёл всю свою жизнь. И слыша уже в последние месяцы здешнего бытия, как “тамбовский волк выходит на дорогу”, он улавливал нежную музыку, доносящуюся из Вечности, как награду, дарованную ему за эту смертную брань...

Гений остаётся в Вечности. Нам — делать осторожные шаги по его следам, по его “вечному снегу”, ради познания тех глубин и “вселенских сетей бытия”, которые были познаны им такой дорогой ценой. Но иной цены на этих незримых дорогах — не было и не будет.

Мы склоняем головы перед последним приютом нашего друга и молим Господа о том, чтобы с бесконечной Отеческой милостью принял Он душу раба Божия Георгия в горних высях. Вечная ему память.

Друзья”. (“Русский дом”, 2004, № 1).

“... Завершающий этап литературной и духовной биографии поэта ознаменован переводом “Слова о Законе и Благодати митрополита Илариона” и поэмами о Христе. В переводе древнерусского шедевра Юрий Кузнецов нашёл такую художественно-речевую интонацию, которая, сохраняя мерность строгого поэтического повествования, вместе с тем была неуловимо лирически окрашена. Сам этот тон есть литературная драгоценность для человека, переходящего из второго христианского тысячелетия — в третье.

Драматически разъединены в современной русской душе народное и личное, вечное и мгновенное, любовь и жертва. Последнее — как узел, в котором стянуты в одно целое Божий замысел о человеке и человеческая свободная воля. И вот уже само гармоническое устройство этой поздней кузнецовской поэтической речи являет нам пример духовного преображения русского человека. Конечно же, здесь не последнее преображение, по Христову обетованию, но то преобразование русской души, которое, словно поводырь слепого, развернёт её на бытийном пути в единственно верном направлении.

Поэтому с каждым последующим годом имя Юрия Кузнецова в нашей литературе будет становиться весомее... Поэзия Кузнецова будет похожа на плотный свиток, который медленно разворачивает рука искателя русского смысла. Русский ум здесь найдёт себя, а русское сердце — сквозь слёзы узрит Бога...

Вячеслав Лютый”.

“С первых книг главное впечатление от его поэзии можно было выразить тремя словами: талантливо, серьёзно, неожиданно. Неожиданность заключалась не в одном ярком даровании, но именно в серьёзности. После нескольких десятилетий поэтического мелководья... читатель кузнецовских стихов вдруг проваливался... Куда? То ли в самую глубину русской философской лирики, забытой, казалось, со времён Пушкина, Тютчева, Блока, то ли в экзистенциальные провалы современной философской мысли...

... Жена поэта сказала: “Знаешь, в момент, когда Юра умер, он вдруг стал похож на себя в точности такого, каким был, когда мы познакомились”. А прожили они больше 35 лет... Такое бывает: минута ухода открывает в человеке самую его суть.

Юрий родился 11 февраля 1941 года (29 января по старому стилю), в праздник Игнатия Богоносца, в день смерти двух величайших русских богоносцев — Пушкина и Андрея Рублёва. А скончался утром 17 ноября 2003 года, когда в церкви по уставу читалось то место Евангелия от Луки, где Спаситель говорит ученикам: “Не думайте, что есть и во что одеться, Отец ваш Небесный позаботится о вас”. Именно так, по завету Христа, и прожил свою жизнь замечательный русский поэт Кузнецов, может быть, последний из наших настоящих поэтов.

Николай Лисовой”.

Ну что осталось сказать напоследок?

Как-то, не так давно, прочитал я в литературном еженедельнике короткую заметку одного писателя. Что-то вроде реплики или особого мнения. Я вовремя не отложил газету, а потом уже не отыскал, так что перескажу по памяти смысл этой реплики. А был он в том, что-де поэт Юрий Кузнецов отнюдь не народен, вот Николай Рубцов, тот поистине народный, а Кузнецов — нет, писал-де для элиты, а стало быть, только элитный поэт, зря его раздувают.

О Господи, подумал я тогда, нет и не будет пророка в своём отечестве. Разве Пушкина кто-то сразу народным признавал? Даже друзья-поэты морщились и думали про него, что исписался и мыслить не умеет. Столетье понадобилось, чтобы Пушкина по-настоящему поняли.

Век человека короток, а мы поэтому торопливы в суждениях. А народ долго живёт. И не спеша думает. И не так он прост, как иному кажется. Вон чего наворотил в пословицах, сказках и загадках — голову сломишь... Да и вообще, как рокотал в таких случаях поэт-трибун Маяковский, зайдите через сто лет — там поговорим.

Опять-таки припомнились мне стихи самого Юрия Поликарповича. Они у него всякие есть. Есть такие, как его детская улыбка. Другие же — с маху не поймёшь. Почтенный критик Ал. Михайлов как-то заметил, что Кузнецов — самый загадочный поэт XX века, самый сложный для понимания и что его будут разгадывать весь нынешний век. Да нашему народу не привыкать: он загадки сызмалу любит... А раз породил Кузнецова, так уж сам его и поймёт, это непременно.

Народность заключается не в прижизненной или посмертной славе и известности, а в необходимости поэта последующим поколениям и временам. В необходимости духу народа, то есть высшему развитию народа. Явление национального поэта всегда предопределено этой необходимостью. Душе народной, на новом этапе её судьбы, потребно выразиться в слове, ибо слово есть существо её жизни, непрременное условие её продолжения в пространстве. В поэтическом слове — народная душа осознаёт себя.

Для кого как, а для меня несомненно, что Юрий Кузнецов был необходим России в её нынешние страшные времена, а значит, он необходим будущему. Он был наделён редким по проницаемости даром слышать голос крови, и он воплощал в слове этот прикровенный голос родовой памяти с потрясающей выразительностью. Всё это — корневые свойства национального поэта. Надо ли снова напоминать, что в поэзии Кузнецова, как облака в небе, клубятся русские, славянские мифы, в ней живут обновлённой жизнью предания, былины, песни, поговорки — всё наше кровное, изустное, народное, что исподволь и составляет *сказку русского лица*, отличную от всех других на Земле. И всё это не нарочито (как, видимо, полагают некоторые толкователи), а естественно, умно, живо и свободно. Это же тот самый *русский дух* в ярком и вольном словесном воплощении...

Одни читатели его поэм о Христе презрительно недоумевают: дескать, зачем было зарифмовать Евангелие; другие, “православные РАППовцы”, нещадно клеймят поэта за кощунственные, по их мнению, искажения канонов; литературоведы пытаются понять, что же это за жанр — то ли поэмы, то ли апокрифы, то ли ещё что-нибудь; — а мне сдаётся, что это, чисто в кузнецовском духе, русский народный миф о Христе, соединяющий в себе и героическую былину, и живое сказание, и святую легенду — и всё пронизано глубокой сыновней любовью ко Спасителю. Тем же, кто считает

страшный суд, устроенный поэтом в его преисподней, слишком жестоким и несправедливым по отношению к некоторым личностям (мне тоже что-то не нравится), я попросту скажу: а чем вы можете опровергнуть Кузнецова? Видения ада — из моих кошмаров, — как-то обмолвился он. Вы-то сами, судари, спрошу я противников поэта, небось куда как спокойней по ночам спите, не так ли?.. Вспомните формулу предельно честного Боратынского: “Не напряжённого мечтанья / Огнём услужливым согрет, / Постигнул таинства страданья / Душемутительный поэт. / В борьбе с тяжёлою судьбою / Познал он меру вышних сил, / Сердечных судорог ценою / Он выраженье их купил”. Ведь Кузнецов, в аду своём, и себя отнюдь не пощадил. Как никогда не щадил себя в жизни, коли дело касалось поэзии...

... А тому писателю — диагносту народности, мне хочется почему-то привести вот эти строки Кузнецова:

*Я сплю на Слове. Каюсь, Боже!
Чудно сияет это ложе.
Оно из молнии и грома,
Из толщи звёзд, и невесомо.
Лежу с открытыми глазами,
Как жертва перед небесами.
И пью из Твоего дыханья
Сладчайшие благоуханья.
Во мне струятся сны простые —
Оранжевые, золотые.
А пробуждение другое —
Зелёное и голубое.*

(“Ложе сна”, 2001)

*... Но попадают глубины,
В которых сразу тонет взгляд,
Не достигая половины
Той бездны, где слова молчат.
И ты отводишь взгляд туманный,
Глаза не видят ничего.
И дух твой дышит бездной странной,
Где очень много твоего.*

(“Книги”, 1996)

И ещё одно, вроде как мечтание.

Кузнецов, в отличие от Державина и Пушкина, не воздвиг своего “Памятника”. Много чего написал, а вот этой традиции не продолжил. Пожалуй, некогда было... Впрочем, как-то обмолвился на эту тему. Правда, больше в сердцах. Случилось это аккуратно в день собственного рождения — 11 февраля 2000 года. А дело в том, что, посещая свою родину — Кубань, поразился он, что землячки-то знать его не знают и не желают знать. Даже повитуха не признала! (А, то-то! — возможно, воспринет тот писатель, что спец по народности, — я, я прав!) Ну и Поликарпыча по-человечески проняло от такого поведения земляков-кубанцев...

*И я загнул такую статью:
— Эх вы, живущие без вести!
Мне будет памятник стоять
Вот здесь! На этом самом месте!*

Сгоряча поэт даже разбил оземь бутылку вина. Но... не прошло и строфы, как смирился со своим бесславием:

*Ушёл я, голову склоня
Под мелодические визги.
Пускай Кубани на меня
Плевать... Зато какие брызги!*

(“Посещение Кубани”)

А я вот, хоть родом отнюдь не с Кубань-реки, поставил бы там памятник Кузнецову даже за одно его стихотворение “Кубанка”. Я очень люблю это стихотворение, и более того скажу: оно каждым словом своим, каждым звуком — народное. А потому Юрий Кузнецов, даже если бы у него было бы только одно это стихотворение, — народный поэт.

*Клубится пыль через долину.
Скачи, скачи, мой верный конь.
Я разгоню тоску-кручину,
Летя из полямя в огонь.*

*Гроза гремела спозаранку,
А пули били наповал.
Я обронил свою кубанку,
Когда Кубань переплывал.*

*Не жаль кубанки знаменитой,
Не жаль подкладки голубой,
А жаль молитвы, в ней защитой
Рукою матери родной.*

*Кубань кубанку заломила.
Через подкладку протекла,
Нашла молитву и размыла,
И в сине море повлекла.*

*Не жаль кубанки знаменитой,
Не жаль подкладки голубой,
А жаль молитвы позабытой,
Молитвы родины святой.*

*Клубится пыль через долину.
Скачи, скачи, мой верный конь.
Я разгоню тоску-кручину,
Летя из полямя в огонь.*

1996

Впрочем, я увлёкся и отвлёкся от того, что хотел сказать.

Оно, конечно, банально, что скажу, но что поделать? — Великим русским поэтам надо ставить памятники не только там, где они родились, но прежде всего — в Москве.

Понятное дело, от нынешних столичных властей этого не дождётся. Они-то, бедные, думают, что Окуджава с Высоцким великие поэты. Но ведь это не так.

Будут, надеюсь, когда-нибудь в России, Москве и другие власти, и другие градоначальники — духом русские, а не только фамилией. Да и сами москвичи, не исключено, разберутся, что к чему.

А теперь, собственно, моё мечтание.

Стоит в будущей Москве, у общаги Литинститута, в скверике среди берёзок и рябин бронзовый Николай Рубцов на пьедестале. Да-да, именно там, у той общаги, откуда его время от времени всё выселяли коменданты, не пускали ночевать, именно того института, откуда его вечно выгоняли.

(Ещё бы я поставил Рубцову памятник в Ялте, куда он так и не смог поехать — *отдыхать*... Вон, благодарный Киев, поставил же памятник Паниковскому — наверное, за то, что в Киеве Паниковский гусей не крал... Почему же Рубцова не почтить монументом в Ялте: он всё же её курортную прославил в знаменитой своей стихотворной шутке).

А в Переделкине, среди берёз и сосен Дома творчества, я бы возвёл памятник Николаю Ивановичу Тряпкину. Там он столько лет спасался от своего московского бездомья...

*Молчите, Тряпкин и Рубцов,
Поэты русской резервации!..*

Вот и пусть молчат — в бронзе. Они своё, что Бог велел, уже сказали...

Теперь Кузнецов... Долго я перебирал в памяти московские уголки. И вот что придумал. Тверской бульвар! Где-то между Пушкиным и Есениным. Это же не простое место: где Пушкин — там сердце вечной поэтической России. Поэт — сердце народа. Кузнецов — сердце России, такое, какое Бог дал нашей державе в *последние времена*. Он их любил — и Пушкина и Есенина. И в Литинститут, что расположен рядом, ходил — сначала студентом, потом преподавателем... Александр Блок совсем неподалёку стоит, и его Поликарпыч любил... Хорошее, подходящее место.

А я — их всех люблю!..

Памяти Юрия Кузнецова

1. Прощание

*Народ не заметил, что умер великий поэт.
А может, народа уж нашего больше и нет?
Безмолвно плывут в небесах облаками стихи,
Слезами-росинками плачут нездешних цветов лепестки,
И Божии громы гремят в вышине неземной
Над бедной, слепой и оглохшей, родной стороной.*

*Я тихо вослед отлетевшей душе помолюсь.
Отчалила в вечность она, как небесная Русь.
Встаяли выдохом детским и тёплым лихие грехи,
Взошли, словно звёзды, рекою надмирной стихи.
Как долго им лишь отрешённый до времени след
Туда, где своих-то почти никого уже нет.*

2. Стансы

1

*На берегах ветхозаветной Леты
Когда-то жили первые поэты.
Они молились в небеса убого
И слово брали для людей — у Бога...
Худы, угрюмы, страстны, светлооки,
Звались они по-древнему — пророки.*

II

*Мельчает время. Видно, вышли сроки.
Давно исчезли вещице пророки.
Кто нынче в небо молится убого?
И кто теперь расслышит слово Бога?
На берегах новозаветной Леты
Тоскуют синеокие поэты...*

III

*Но крепок только Бог в пустынях рока —
И Он порой даёт среди них пророка.*

3. Молитва

*Я слеп, как червь, у древнего огня,
Обстала темень-тьмущая меня.*

*Мои глаза не видят ничего.
— Отверзи очи сердца моего!*

*Сними заклятья вечную печать,
Чтоб книгу жизни мог я прочитать.*

*Открой мне навсегда пресветлый свет,
Где только жизнь, где смерти больше нет.*

2004

**Январь 2007 г.
г. Алматы.**

Елизавета МАЛИНОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения, доцент,
академик МАИ, директор галереи “ARK”

Извечная схватка добра и зла

Вячеслав Льюй-Ко, одинаково свободно и талантливо работающий в графике и живописи, художник “божьей милостью”. Он не прошёл все многотрудные этапы лепки “молодых дарований” — детских выставок, кружков и спецшкол, — чья практика всё больше рождает сомнение в целесообразности вторжения в тонкую материю формирования творческой индивидуальности. Не было у него и “корешков”: родителей-художников, что спасло от хрупкой спесивости “принцев” от искусства, скрывающих клубок комплексов бездарности претензией на кастовую принадлежность. Огранку таланта Вячеслава совершила сама природа по законам и целям, ведомым только ей. Со сказочной, неправдоподобной лёгкостью (практически, взяв впервые карандаш) В. Льюй-Ко поступил на художественно-графический факультет педагогического института.

Как важно в жизни оказаться в нужном месте, в нужное время! Именно подобная мистически-ошеломляющая метафора определяет градус учёбы и студенческого братства, первых творческих объединений (группа “Арт”), смело ринувшихся в выставочную вседозволенность художественной жизни Алматы конца 90-х годов. В это время происходило фантасмагорическое совмещение эпох. Прошлой, с художником, отбывающим “солдатчину” на ниве агитискусства, созидавая лозунговую здравницу последнему (кто знал это) съезду КПСС, затем, следуя номенклатурно определяемому будущему, было два года отработки в школе, художником-исполнителем Льюй-Ко раскрашивал декорации театра русской драмы им. М. Ю. Лермонтова.

Параллельно этому в атмосфере опьяняющей вседозволенности молодые художники совершали мало кем всерьёз воспринимаемую переориентацию казахстанского искусства. Первоначально едва заметно, а позднее — всё более очевидно — менялась выставочная ситуация, хотя

Вячеслав ЛЮЙ-КО

родился в 1963 г. В 1985 г. окончил художественно-графический факультет КазПИ. С 1987 г. — участник многих международных и республиканских выставок. Работы находятся в частных коллекциях Казахстана, России, Германии, США, Канады, Турции и других стран.

экспозиции проходили по-прежнему в государственных залах. Ломались штампы организации выставок (тематических, по случаю красных дат). Наивно-неумелые экспозиции творческих группировок и художников-новаторов привлекали нового зрителя, формировали культурно-творческие меридианы типологически нового искусства, распад идеологических клише и идолов привёл в действие “пружины” духовного и творческого самоопределения. В Казахстане не было развитого андеграунда, некоторые из неформально работавших художников, конформистски спокойно могли пребывать на вершине творческого и социального Олимпа. Определённая растерянность — “так ли работаю” — при полной свободе — “делаю, что хочу”, толкала на выбор творческих ориентиров, поиск иного выставочного пространства (заграница, Москва), возможность самооценки, как результат по сей день незабываемых ощущений от столкновения со столичными галеристами, осознание феномена общения со зрителем, покупателем, это буквально совершило переворот в мировоззрении художников. Диктат госзаказа рухнул, очертив горизонты свободы для молодёжи, лишив привычных ориентиров старшие поколения, унесённых ветрами перемен.

В. Люй-Ко — одна из самых заметных фигур поколения “тридцатилетних”, которое в те годы уверенно и профессионально мощно, едва окончив институты, заявило не столько о себе, сколько о рождении новой эпохи национального искусства. Молодёжь стремилась дистанцироваться от авторитетов мировой культуры — прошлого и современности, преодолев и искус этнофольклорных реминисценций (на этом “спотыкалось” немало художников молодых национальных школ, входя в интеравангардный контекст). Отказавшись от соцреалистических штампов, молодые художники порвали с достижениями своих предшественников. Лишь в конце 90-х годов открыли для себя значимость и логику развития современного национального искусства и его носителей, которые, как они подчёркивают, обладают “школой”. А это означает не только реабилитацию чувства преемственности, но и возрождения интереса к живописи фигуративной, эмоционально-цветовой, с большим эстетическим потенциалом.

Всем этим в полной мере обладали полотна В. Люй-Ко, которые вызвали бурную реакцию отсутствием стилевых и даже жанровых ориентиров, поставив в тупик искусствоведов “от прошлого”, привычно препарирующих любое произведение по догматически-выверенной схеме иерархии всемирной истории искусства, они смогли дистанцироваться и от авторитетов мировой культуры — прошлого и современности.

Художник мало задумывается над обвинениями, что его живопись — раскрашенная графика. За кажущейся простотой и лёгкостью рождения замыслов — ежедневный труд у мольберта, как в средневековых гильдиях, когда искусство считали просто ремеслом, а создавали шедевры. Отсюда — громадный объём работ (около 300). Среди них нет проходных, конъюнктурных. Ежегодные персональные выставки, есть свой зритель, большие блоки его работ разных лет имеются в лучших частных собраниях (отечественных и зарубежных).

Полотна Вячеслава отличает необычная философская и сюжетная заострённость, которую аккумулируют названия, тонкая режиссура полускрытых символов, подобных древним рунам, иероглифам, эпитафийке (завораживающе-таинственным сюжетам и образам искусства майя и

ацтеков), выразительные и таинственные фигуры и символы художник первоначально представляет зрителю в “Кодексах” и “Бестиариях”, как в неких алфавитах утраченных праязыков, чья графическая и образная логика завораживает мнимой доступностью к тайнам далёких эпох и событий, ключом к разгадкам которых владеет лишь автор холстов. Художник насыщает ими пространство и миры своих произведений, своеобразными знаковыми рядами, где библейское и эзотерическое, европейская философия и учение Дао переплетаются с современными событиями и мифологией, делая их притягательными как для искущённого, так и случайного посетителя. Выстраивая временные коридоры, удивительно точен — высочайшая эстетика и жизненная подлинность деталей архитектуры, одежды, ландшафтов дальних стран, в материализации прошлого, знакомого лишь по книгам (путешествия — пока нереализованная мечта).

Пристрастный зритель, отыскивая в полотнах Люй-Ко аналогии с Дюрером (тема смерти и философия её подачи в цикле картин), Гольбейном и Кранахом в рыцарско-ренессансном антураже и стилистике портретов, одновременно ощущает ещё большее несходство. Художник XXI века не ограничивается уроками старых мастеров, создавая, подобно Альтдорферу, поистине планетарного размера панораму сражения — аллегории войн всех времён и народов. Пользуется кинематографическими приёмами, выстраивая полиптихи как кадры прошлого, к сюжетам которого вновь и вновь возвращается. Сценографически выверенно стыкует в экспозициях выставок живописные циклы, как части громадной шпалеры, разворачивающей свиток хроник деяний святых и героев, многие из которых переходят из полотна в полотно (св. Франциск, волхвы, солдаты). Раблезиански-философские притчи о природе человеческих страстей в “науках” воевать, вести споры и любить. Из отдельных холстов и их завораживающих символических-философских смыслов (всегда акцентированных логикой названий) создают буквально эпически обширную киноэпопею чувств, поступков (“Антология глупости”).

Насыщает полотна раннехристианскими и средневековыми символами и персонажами. Мирно сосуществуют паровозы, подводная лодка, радарные установки, катящийся велосипед почтальон и предстоящая

в ледящем оцепенении Богоматерь перед лицом самомнения и безрассудства человечества. Низвержение и поругание идолов и святых, служащих стволами орудия скульптура Будды. О суетности, иллюзорности человеческих страстей художник постоянно напоминает, используя марионеточные персонажи: надбывтийный герой-кукловод отстранённо взирает на театр человеческой истории, с полотна в полотно переходят гротескно-старательно гарцующие в полном вооружении всадники, оседлавшие детские лошадки-палочки. Люй-Ко тесно в границах жанра, стремясь к пластической выразительности холстов, он применяет сдвиги фактур, текстура которых подобна крокедлюрам, несущим патину столетий.

Полотна Вячеслава — прорывы в пространственно-временной ткани, когда прошлое и грядущее взаимопроницают перед ошеломлённым ликом настоящего (доисторические рептилии, старинные манускрипты, современная техника). Художник постоянно напоминает о магии неуловимых граней быстротечного времени, обнажая механизм птичьих часов, пытающихся разогнать сон разума. Вводит геральдическую символику (вол — вчера, собака — сегодня, лев — завтра) и латинские изречения — “до сих пор, ныне, после, далее...” на колёсах истории. Во многих полотнах обращается к теме вечного движения — “и сейчас, и всегда”, — дороги, лента которой размывается, словно на просцениуме, где цепочка человечества — от Адама и Евы, Каина, волхвов — бредёт по ухабам всемирной истории, пока в минуты разламывающего душу отчаяния не приходят святые.

Следующий план — современное бытие с электричками, барачным убогим бытом, кишасим судёнышками заливом. Но над всем этим, осеняя надбытийностью своего существования, — мир природы (светила, глубина неба, беспредельные пейзажи). В этот контекст художник вводит ассоциативные ряды с творчеством великих мастеров прошлого, чаще Брейгеля, которого считает своим учителем, подчёркивая непреходящий характер гармонии природы и искусства.

Природа — едина и неделима, в переплетении форм, видов, пронизывающих своим узором, как на средневековой миниатюре, пространство картин, где живут царственные духи стихий. Символы же человеческой суетности — ожившие памятники — “полководцы”, кентавры, сфинксы как аллегории заблуждений и тщеславия, оплывающие в руины дома и корродируемая техника — смывает поток неумолимого времени.

В картинах “Башня”, “Битва при ...”, “Исход”, этапного как для художника, так и для искусства Казахстана триптиха “Конец эпохи”, сведены воедино герои и замыслы многих предшествующих полотен Люй-Ко. Как никогда, волнуют скрытые смыслы Откровений Евангелия от Иоанна, предсказавшего апокалипсические события, которые люди в переломные эпохи своего существования именовали Концом Света. Пытливый взгляд в глубь временных пластов обнаруживает в хрониках прошлого череду исторических апогеев — всемирных потоков, содомов и гоморр, последних дней Помпеи. Спасённое в ковчегах гильгамешей и ноев, возрождённое, но не раскаявшееся человечество, впадая в грехопадение, бросало вызов богам, воздвигая вновь и вновь вавилонские башни своей самонадеянности, чтобы затем на их руинах — в который раз! — ожесточённо и бессмысленно самоуничтожаться в сражениях, утратив единство языка и общность созидательного пафоса утопической идеи.

Горестный апофеоз больших и малых войн всех времён и народов: стена, пепелища, потоки беженцев, уносящих самое дорогое для себя из мирной жизни — скарб, ценности, лики богов и... увы, оружие. И опять всё повторяется в вихре спирали взлётов и поражений всемирной истории.

Триптих философской наполненностью, масштабом замысла, живописным мастерством вызвал к жизни идею создания “Музея одной картины”, который начинает деятельность в экспозиции новой независимой галереи Казахстана “ARK”. Полотна-размышления о пароксизмах проявления человеческой природы в извечной схватке добра и зла ставят перед зрителями мучительный вопрос: конец эпохе? От его решения зависит и наше общее будущее, чьим Ноевым ковчегом должен стать дух нации, выразителем и созидателем которого является культура.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Учредители:

В. Р. Гундарев и ТОО «Издательство «Фолиант».

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 14.07.2007 г.

Подписано к печати 10.08.2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 4319.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.